



Льюис Г. Сигельбаум

•

Не расстанусь с КОММУНИЗМОМ

Мемуары американского
историка России



Lewis H. Siegelbaum

.

Stuck On Communism

Memoir of a Russian Historian

Northern Illinois University Press

an imprint of

Cornell University Press

Ithaca and London

Льюис Г. Сигельбаум

.

Не расстанусь с коммунизмом

Мемуары американского
историка России



Academic Studies Press

БиблиоРоссика

Бостон / Санкт-Петербург

2020

УДК 929
ББК 63.3(2)
С34



Перевод с английского А. В. Разина

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

*Я благодарю за финансовую поддержку факультет истории
и Центр европейских, российских и евразийских исследований
Университета штата Мичиган.*

*Эмоциональную поддержку и вдохновение мне дарили мои друзья,
и прежде всего моя дорогая Лэсли Пейдж Мок.*

Сигельбаум Льюис Г.

С34 Не расстанусь с коммунизмом. Мемуары американского историка России / Льюис Г. Сигельбаум; [пер. с англ. А. Разина]. — СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. — 304 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 978-1-6446935-8-2 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-6044208-4-3 (БиблиоРоссика)

Предметом этих воспоминаний стал поиск ответа на вопрос о том, как и почему история и коммунизм, объединившись, сформировали и вдохновили жизнь рожденного в Нью-Йорке американского еврея, отец которого вступил в коммунистическую партию США в 1939 году. Мемуары охватывают почти полувековой промежуток периода господства идеологии холодной войны и три континента. Они воссоздают путь открытий и самопознания в годы студенчества в Колумбийском университете, аспирантуры в Оксфорде, поисков в советских архивах, на угольных месторождениях Восточной Украины и в новом независимом Узбекистане.

УДК 929
ББК 63.3(2)

ISBN 978-1-6446935-8-2
ISBN 978-5-6044208-4-3

© Lewis H. Siegelbaum, text, 2019
© Cornell University Press, 2019
© Academic Studies Press, 2020
© А. В. Разин, перевод с английского, 2020
© Оформление и макет
ООО «БиблиоРоссика», 2020

Все время думаю о России,
О ней все мои мысли только,
Дядя Сэм не купит меня на уловки:
Я красный радикал левого толка.

Г.-Х. Льюис. Думая о России (1932)

Есть такой способ это проверить: посмотреть,
становится с годами рассказчик в своем
изложении достойнее или ничтожнее.

Джулиан Барнс. Одна история [Барнс 2018: 7]

Предисловие и благодарности

Когда наступает пора писать мемуары? Возможно, никогда, если не возникает такого побуждения. Точнее сказать, возможно, в тот момент, когда вы все еще считаете, что вам есть что сказать, и надеетесь, что другим это будет достаточно любопытно. Я решил попробовать, заняться этим, когда, собираясь отойти от дел, понял, что не могу с этим смириться. Я все время возвращался к этой идее. Друг, имя которого я не буду упоминать, предложил мне составить сборник статей, опубликованных мной на пике научной деятельности, и я начал писать предисловие. Папка с вордовскими документами, содержащая мои автобиографические записки, по-прежнему называется «(Моя) трудовая история» — как свидетельство того, с чего все началось. При написании этого вступления настоящее как бы стало отступать в сторону. Я оглянуться не успел, как вернулся в аспирантуру, затем в колледж, а потом стал совсем зеленым юнцом. Ах, скажете вы, эти историки всегда так — ищут объяснения в прошлом. Здесь не тот случай. Не припоминаю, чтобы меня неудержимо влекло вглубь времен, когда я обращался к какой-либо теме. Никогда, вплоть до нынешнего момента.

Я прочел достаточное количество мемуаров, чтобы знать, что интереснее всего не просто рефлексивные или, говоря сегодняшним языком, саморефлексивные, но те, что рефлексивны к саморефлексии. Они задают себе вопрос не только «почему я это сделал или так подумал?», но и «как мои поступки и мысли на меня повлияли?». Не знаю, хороши ли будут эти мемуары, но собрание по кусочкам жизни ученого, посвятившего себя российской и советской истории, стало для их автора увлекательным

приключением, равно и приятным, и уничижительным. Я узнал много нового о Льюисе Сигельбауме. Но хватит обо мне.

Здесь я хочу отметить ту помощь и поддержку, что я получал в процессе работы. Одна из задач, которую принимают на себя те из нас, кто работает в академической науке, — это послужить анонимным читателем для издателей, нуждающихся во мнениях экспертов о том, заслуживает ли рукопись публикации и как ее можно улучшить. Я делал это многократно, главным образом потому, что это казалось хорошим способом узнать о новой работе. Мне также очень помогло чтение другими моих собственных работ. Но только когда я получил отзывы читателей об этой рукописи, я понял, что мы участвуем в подлинно коммунистической, — то есть взаимовыгодной — практике, которая не позволяет ни получить материальную выгоду (кроме номинального вознаграждения в виде денег или книг от издателя), ни потешить самолюбие. Мы делаем это добросовестно, потому что хотим, чтобы наши рукописи читались с той же степенью добросовестности. Мы делаем это потому, что хотим сохранить или даже повысить качество работ в нашей области. Мы делаем это, говоря в терминах марксизма, чтобы мы, как творцы материальных объектов, могли рассчитывать на полную отдачу от наших трудов.

За щедрость духа и конкретные рекомендации по улучшению я с радостью передаю коммунистический привет анонимным читателям, которые поддались на уговоры издательства и посвятили время моей рукописи. Других читателей пришлось уговаривать мне. В самом начале Стив Стоу, историк американского Юга до Гражданской войны, а также бывший редактор журнала, согласился прочесть черновик в качестве «постороннего» и выдал на шести страницах с одинарным интервалом свои комментарии, к которым я возвращался снова и снова. Я навязал ранний вариант Чарльзу Кейту, историку Вьетнама, который гораздо младше меня и с которым мы сейчас играем в теннис. Рон Суни и Дайан Кенкер, два человека, чьи имена довольно часто встречаются на этих страницах, читали черновики с разными целями, но оба дали честные, критические отзывы. Я не возлагал такую задачу на других членов моего нынешнего круга друзей, но тем не менее

их наблюдения и моральная поддержка помогли мне больше, чем они думают. Среди них Шон Форнер, Каррин Хэншью и Микки Стамм в Ист-Лансинге, Джефф Эли, Кали Израэль и Алан Уолд (который предложил первый эпиграф) из группы исследования марксизма в Анн-Арборе и Марк Харрисон в Англии. Эми Фарранто из Северного Иллинойса была настолько энергичным и деятельным редактором, насколько можно желать; редактора Марлина Миллера значительно улучшила мой текст, а Натан Холмс, ведущий редактор, внушал мне уверенность именно тогда, когда это было столь необходимо. Я также хотел бы выразить благодарность Стиву Сигельбауму, Ляо Чжану и Джули К. Тейлор, непревзойденному координатору Espresso Book Machine в Университете штата Мичиган. Наконец, Лесли Пейдж Мок, спутница моей жизни последние двадцать лет, внимательно прочла три версии текста. Ее вклад неоценим, и именно ей я посвящаю эти мемуары.

Введение

В весенний семестр 2017 года, когда я в последний раз читал курс советской истории, у меня случилась любопытная беседа со студенткой. Мы только что закончили обсуждение Большого террора, массовых сталинских репрессий в партийных и государственных учреждениях в конце 1930-х годов. То, что я собираюсь описать, произошло 21 февраля сразу после окончания лекции. Молодая студентка, которая до тех пор в аудитории большей частью молчала, подошла к преподавательскому столу, где я отключал свой компьютер от проектора и собирал вещи, чтобы пойти обедать. «Да, — спросил я, заметив ее присутствие, — что вы хотели?» — «Не знаю, — она говорила так тихо, что приходилось напрягаться, чтобы расслышать, — что мне делать с отчаянием, которое я чувствую».

Сначала я подумал, что она имеет в виду то неслыханное кровопролитие, о котором мы говорили, и, возможно, я переусердствовал с описанием связанных с ним ужасов. Но нет, она дала понять, что имеет в виду современную политику в Соединенных Штатах. Дональд Трамп вступил в должность всего месяц назад. Запрет на въезд в страну для мусульман, заявления Трампа об опасностях, исходящих от мексиканцев («насильники», «плохие парни»), и сделанные им достойные сожаления назначения в правительство показали, что его избрание оправдывает или даже превосходит наши самые худшие опасения. На фоне такой ее откровенности о самом наболевшем я был рад, что она пришла ко мне с чем-то, что, очевидно, имело для нее большое значение, но и опасался, что не смогу адекватно ей ответить. Тем не менее, возможно, потому, что я разделял ощущение студентки, что происходит нечто отвратительное, и думал о том, как с этим справиться, я начал говорить ей о трех вещах:

во-первых, как историк я мог заверить ее, что люди переживали и гораздо худшие времена и сумели выжить; во-вторых, присоединившись к какому-либо движению, дискуссионной группе или союзу, где она встретит единомышленников, стремящихся к переменам, политического или иного рода, она сможет преодолеть чувство беспомощности; и в-третьих, что занятие историей между тем дает хороший выход, или, другими словами, возможность забыться в истории.

Я описываю этот короткий разговор не для того, чтобы продемонстрировать свои способности к убеждению. После того как я провозгласил эти три мысли, не прогремел гром, не сверкнула молния. Студентка просто поблагодарила меня и вышла, все с той же тенью сомнения на лице. Однако недавно мне пришлось в голову, что в моем ответе заключалось обязательство на всю жизнь заняться историей и, косвенно, мое неизменное увлечение самобытным советским коммунизмом. Поэтому то, как история и коммунизм объединились, чтобы дать импульс моей карьере и выстроить мою жизнь, и есть тема этих мемуаров. Они охватывают три континента и примерно полвека борьбы с идеологиями, легшими в основу холодной войны, и с их последствиями, — с 1960-х годов, когда я в полной мере ощутил всю тяжесть последствий от преследования маккартистами моего отца, до распада Советского Союза и далее. Читатель погрузится в суматоху студенческих волнений в Колумбийском университете во время вьетнамской войны, прочтет описание аспирантуры в Оксфорде, года, проведенного в Москве в качестве студента по обмену на пике разрядки напряженности, исследовательских проектов — неудачных и завершенных, индивидуальных и коллективных, — выполненных сначала в качестве историка-неофита в Мельбурне, а затем, на полпути карьеры, — старшего преподавателя в Мичигане. Здесь будут воссозданы путешествия в советские архивы в поисках открытий и самопознания, на угольный бассейн в Восточной Украине и в Узбекистан, недавно обретший независимость.

Двойные обязательства перед историей и коммунизмом иногда представлялись мне благословением, иногда — проклятием. Сначала казалось, что они неразрывно связаны. В 1950-х годах

я воспитывался как сын «красного» и понял, что история — не «вздор», как утверждал Генри Форд, а совсем наоборот. История содержала истину. Эта истина говорила о простых, но героических трудящихся, борющихся за свое освобождение от рабства и господства капитала, о ФБР, преследующем Поля Робсона, Юлиуса и Этель Розенбергов, о мученичестве Розы Люксембург и других коммунистов, о преступлениях империализма, особенно американского. Однако ни об одной из этих истин не говорилось в школе. По непонятным мне причинам в моей средней школе не было истории; у нас были «общественные науки», предмет, известный более раннему поколению учеников как «граждановедение». Выявление скрытых истин истории стало моей миссией. Однако в последующие годы, когда эта миссия переросла в профессиональное занятие, что требовало профессиональной подготовки, я узнал, что существует много истин, иногда противоречивых, что история — это больше, чем скрытая в прошлом политика, что она противоречива и сложна. Я понял также, что, если я хочу продвигаться вперед, мне следует скрывать свои политические предпочтения.

Мое двойственное отношение как к коммунизму, так и к истории, а на самом деле — к своей собственной идентичности, — находит отражение в двойственной структуре и названиях большинства глав в этих мемуарах. «Теннис и коммунизм», вступительная глава, объединяет мою юношескую страсть к элитному спорту и встречи с друзьями семьи, которые посвятили себя идеологии освобождения рабочего класса. Лагерь для мальчиков в Беркширах в западном Массачусетсе — место, где то и другое сосуществовало. Во второй главе, «Революционер или ученый?», описаны годы студенчества в Колумбийском университете. Там, в частности, приводятся письма моей приятельнице по старшей школе, в которых отражены юношеские переживания по поводу научной работы, политической активности в кампусе и того, к чему следует относиться более серьезно. В этой главе я восстанавливаю, основываясь на учебных планах, лекциях и конспектах, некоторые из выбранных предметов и вспоминаю преподавателей — с симпатией или без таковой. Здесь история русской ре-

волюции возникает как способ совместить свои политические пристрастия с академической карьерой.

Третья глава, «Оксфорд и Москва», рассказывает о моих впечатлениях 1970–1975 годов об этих местах, пропитанных легендами о британском высшем сословии и о холодной войне. В этой главе последовательно изложены этапы написания докторской диссертации, она полна описаний исследовательских поездок в Париж и Хельсинки, а также встреч с консультантами, неформальными наставниками, друзьями на всю жизнь и женщиной, которая позже станет моей первой женой. В этой главе также содержатся наблюдения об академической практике и культуре, а также оценки того, как события глобального масштаба влияли на студентов как в Оксфордском, так и в Московском университетах. Глава заканчивается успешным, хотя и травмирующим событием — защитой докторской диссертации.

В первой части главы «Мельбурн и трудовая история» описан переезд в Австралию для работы на историческом факультете в Университете Ла Троба, тогда еще довольно новом учебном заведении, расположенном в северо-восточном пригороде Мельбурна. Приспосабливаться к жизни по австралийским правилам было непросто, но мои коллеги и студенты давали многочисленные поводы как для размышлений, так и для дружбы. Среди преподавательских и родительских обязанностей я нашел способ запустить и осуществить несколько отдельных проектов и в конечном итоге превратить оксфордскую диссертацию в книгу. Во второй части главы описывается другое превращение — переход к социальной и, в частности, трудовой истории; здесь следует отдать дань уважения Е. П. Томпсону, который вдохновил целое поколение социальных историков во всем англоязычном мире. Здесь также предлагается ретроспективный обзор трудовой и советской истории конца 1970-х — начала 1980-х годов.

Глава «Трудовая история и социальная история через призму культурного поворота» охватывает первые два десятилетия моей работы в Университете штата Мичиган после того, как я приехал туда в качестве ассистента кафедры в августе 1983 года. Здесь я оказываюсь среди историков, полных решимости расширить

исследование советского прошлого, обратившись к заводским цехам и другим рабочим местам для выяснения противоборства, связанного со «строительством социализма». По иронии судьбы, большая часть этой трудовой истории, включая мою книгу о стахановском движении, появилась в момент, когда индустриальный труд быстро исчезал как в развитых капиталистических странах, так и в самом Советском Союзе. Я объясняю свое частичное и неоднозначное применение понятия «культурный поворот» в разрозненных проектах как реакцию на утрату трудовой историей современной значимости.

До 1989 года мои исследования в Советском Союзе приводили меня только в Москву и Ленинград. Даже во время моей учебы как студента по обмену, когда другие выезжали на экскурсии в отдаленные части страны, я ограничивался однодневными поездками в ближайшие города. Глава «Центры и периферия» относится к моему знакомству с этими двумя городами, Москвой и Ленинградом, а также с другими местами Советского Союза во время его распада, а затем, в 1990-х годах, — и с его бывшими республиками. Будь то совместные или индивидуальные проекты, которые вдохновляли меня на эти путешествия, я познакомился с разными удивительными людьми, столкнувшись с порой душераздирающими изменениями в своей жизни и обманутыми ожиданиями, в разгар политической нестабильности, культурного расцвета и экономической катастрофы.

«Семнадцать мгновений советской истории», онлайн-справочник по преподаванию предмета, и удостоенная наград книга «Машины для товарищей», посвященная советскому автомобилю, составляют содержание предпоследней главы «В сети и в пути». Взлеты и падения в разработке и поддержании веб-сайта, эмоциональные взлеты и падения в новаторских исследованиях советского объекта, столь явно символизирующего капитализм, чередуются с отчетами о редактировании книг, наблюдениями за высшим образованием и воспоминаниями о смерти отца. В последней главе рассказывает о моем обращении в «церковь миграции» и об удовольствии написания книги в соавторстве с церковным старейшиной о «репертуарах и режимах миграции в России двадцатого века».

Предлагаемая читателю книга говорит о многом и на разных уровнях. Это отчет об академическом Я ученого, сформированном семейным прошлым, течением политики во времена перемен и множеством наставников. Это руководство для гуманитариев, которые начинают строить свою карьеру, направляющее их в лабиринте противоречивых проблем, рассказывая о пути, которым прошел один ученый, чтобы соединить свои политические и научные убеждения. Она дает примеры трудов и воздаяний научного сотрудничества, смещения фокусов и путей распространения знания. Наконец, она говорит о том, насколько привлекательным может быть коммунизм как объект изучения спустя десятилетия после его исчезновения из ландшафта, в котором он существовал.

Как бессчетному множеству других мемуаристов, пусть они не всегда в этом признаются, мне было неловко заново перебирать прозаические свидетельства своей профессиональной жизни. Я часто вздрагивал, перечитывая переписку, просматривая заметки и черновые варианты книг и статей. Если бы я только мог, я бы написал по-другому это жалобное письмо издателю, поменял излишне напыщенные куски в статье и легкомысленные комментарии в электронной почте. Однако по мере того, как я складывал кусочки мозаики своего прошлого, они начали разговаривать друг с другом. Как отдельные темы возникли: образ отца как путеводной звезды, высвечивающей важные моменты в прошлом; мои юношеские поиски своего собственного стиля; понимание того, что история может быть как способом общения с современной политикой, так и бегством от ее мерзостей; моя непреходящая привязанность к истории как научной дисциплине и двойственное отношение к академическому профессионализму. Эти темы помогли мне сформироваться, и не только в профессиональном отношении.

Таким образом, написание мемуаров поэтому оказалось не совсем непривычным занятием. Как и при работе с большинством исторических текстов, я обнаружил, что материал участвует в диалектическом круговороте тем / аргументов, каждый из которых определяет и обозначает пределы уместности появления другого. Вопросы последовательности, причинности и логично-

сти, столь важные для исторического исследования, возникли в начале подготовки текста. Мысль о том, что историки, независимо от выбранной темы, всегда пишут о себе, через эту ретроспекцию внезапно обрела обоснованность, которую я едва ли мог представить себе когда-то прежде.

В предлагаемой читателю книге я говорю не только об увлечении, но и о любви. В каком смысле коммунизм заслуживает любви? От его имени делались ужасные вещи, и я не нахожу приемлемым оправдание, что те, кто эти вещи делал, не заслуживают права называться настоящими коммунистами. Моя любовь к коммунизму имеет далекую историю. Ее корни — в ощущении себя американцем, — часто возмущенным, потрясенным и оторванным от корней американцем, — который признает, что коммунизм считался и сам считал себя антитезой американской гегемонии и американским мифам, придуманным для ее увековечения. Коммунизм, с которым я не расстанусь, — это люди, люди труда, которые собираются вместе, чтобы бороться за социальную справедливость и против капиталистического варварства. Это радикально эгалитарный, антирасистский и антисексистский подход. Он предполагает сбережение природных ресурсов, которые конечны и без которых жизнь существовать не может. Нельзя в то же время отрицать, что сменявшие друг друга советские руководители злонамеренно отходили от этих принципов, что в стремлении конкурировать с капиталистическим Западом они переняли некоторые из худших черт своего заклятого врага. Как бы то ни было, мое изначальное чувство родства с людьми этой страны, хотя они редко его признавали и нечасто отвечали взаимностью, и даже любовь к ним, борющимся за приближение коммунистического будущего, выдержало испытание временем. Поэтому эту книгу можно читать как любовный роман.

Глава 1

Теннис и коммунизм

«Стиви, — спросил я, глядя в окно машины на дома, отделенные от дороги широкими ухоженными газонами, — будут ли люди все еще жить здесь, когда настанет коммунизм?» Мы ехали через Форест-Хиллз, место обитания верхушки среднего класса в районе Квинс, где дома и некоторые квартиры выполнены в тюдоровском стиле, как в старой доброй Англии. Мне тогда было, видимо, лет двенадцать, а моему брату восемнадцать-девятнадцать. Не могу припомнить, что нас туда привело. Мы явно не ехали в теннисный клуб «Вест-Сайд», где проходил турнир US Open, потому что я был в этом легендарном месте только один раз, десять лет спустя, в 1971-м, когда увидел, как чех Ян Кодеш в первом туре наголову разбил Джона Ньюкомба. Возможно, наша поездка имела какое-то отношение к тому, что мой брат стал первокурсником в расположенном по соседству Колледже Квинс, хотя почему я сопровождал его как пассажир, так и остается тайной.

«Конечно, — слегка замаявшись, ответил он. — Просто больше людей будет жить в этих домах». Я спросил, должно быть, из-за того, что смутно ощущал некоторое противоречие между эстетической привлекательностью этих жилищ и осознанием того, что их владельцы принадлежат к классу, который при коммунизме лишится своей собственности. Поэтому брат дал прекрасный ответ: богатые люди не будут выброшены из своих домов, им просто придется разделить жилье с другими. Видимо, брат интуитивно понимал, что изначально делали, придя к власти, комму-

нисты-большевики после революции 1917 года. Или мои родители обсуждали с ним это за моей спиной¹?

«Король-коммунист!» — то и дело обзывал меня Лестер (Летти) Фогарский. Может, он и другим детям по соседству давал какие-то похожие прозвища, но его слова особенно много значили для меня, сына коммуниста. У отца Летти была аптека, где мы с друзьями от случая к случаю крали бейсбольные карточки и другие «сокровища» — не потому, что нас на то вдохновлял коммунизм, а потому, что не было денег. Летти был меня на пару лет старше и, значит, года на два младше моего брата. Не скажу, что играл с ним часто; может быть, только в футбол в парке. Когда я рос, в 50-х и начале 60-х, под коммунистом подразумевался человек, который симпатизировал прежде всего Советскому Союзу, или «России», как большинство американцев сокращенно его называли. По крайней мере это значило принимать сторону советского блока в его бесчисленных спорах со «свободным миром». «Царь-коммунист», возможно, было просто детским прозвищем, но в этих словах действительно заключалось проклятие всех «полнокровных» американцев со стороны обоих политических режимов.

Как бы то ни было, я, без сомнения, был и полнокровным, и американцем: родился в Бронксе в 1949 году, вырос на Лонг-Айленде в двухэтажном кирпичном колониальном доме, был заядлым поклонником «Янкиз», боготворил Микки Мэнтла. Я достаточно насмотрелся «Дэви Крокетта», «Мэверика» и «Дымка из ствола»², чтобы представлять кусты и деревья вокруг дома

¹ Тарик Сирил Амар [Amar 2015: 84] отмечает, что перераспределение жилого пространства было «принципиальной практикой советской социальной трансформации», и добавляет, что «насилованное перераспределение жилплощади было темой первого советского художественного фильма», премьера которого состоялась в 1918 году. Сам фильм, к сожалению, без интертитров, см. [Ленфильм 1918].

² «Дэви Крокетт, король диких земель» (Davy Crockett, King of the Wild Frontier), 1955 — приключенческий фильм по мотивам биографии Дэви Крокетта, американского путешественника, офицера и политика, который стал персонажем американского фольклора. «Мэверик» (Maverick) — американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 22 сентября 1957 по 8 июля 1962 года. «Дымок из ствола» (англ. Gunsmoke) — амери-

лесами Кентукки или, наоборот, Диким Западом, где мы с друзьями играли в ковбоев и индейцев. Благодаря Стиви я знал и мог напевать множество рок-н-рольных хитов, от «Почему дураки влюбляются» Фрэнки Лаймона и «Тинейджер» до «Танцев на улице» «Марты и Ванделлас». Тем не менее насмешки Летти меня задевали. Он знал, что я не совсем свой, и я тоже это понимал. Однако мы все изображали нормальную живущую в пригороде семью, фотографируя друг друга, как, например, на снимке 1964 года, где бабушка Сэди с гордостью позирует перед нашим домом со своими тремя внуками: там Стив, высоченный в свои двадцать один; неуклюжий пятнадцатилетний я; и моя девятилетняя сестренка Эллен крепко обнимает свою куклу Барби.

«Он не вписывался в мир, в котором жил. Он всегда пытался спасти Советский Союз, который был страной, которая его спасла». Так в 2011 году хвалебно написал Рональд Сун, преподаватель общественно-политической истории Мичиганского университета, о Моше (Мише) Левине [Suny 2012: 194]. Невысокий, но крепко сложенный еврей из Восточной Европы, Миша был гигантом среди американских историков, специализирующихся на СССР. Размышляя о том, с какой мягкой усмешкой, с какой глубокой почтительностью Рон охарактеризовал Мишу, я поражаюсь, как отозвались во мне его слова. Вписался ли я в мир, в котором жил, спас ли меня Советский Союз и пытался ли я спасти его, пусть задним числом? На эти вопросы удивительно сложно ответить. Как Советский Союз спас Левина? Мы с Лесли Пейдж Мок [Siegelbaum, Moch 2014: 244] так изложили историю его бегства от фашистов в 1941 году:

Миша, девятнадцатилетний еврейский мальчик, попросился в грузовик с советскими солдатами, отступающими из Вильно. Командир ему отказал, но, по счастью, простые солдаты были добрее: подмигнув, они помогли ему залезть в кузов. Родителей

канский телесериал, первоначально выходивший на радио, а после по телевидению. Действие шоу происходило в Додж-Сити, штат Канзас, и в основе сюжета лежит наведение порядка на западе США в девятнадцатом веке. — *Примеч. ред.*

он больше никогда не видел. Миша добрался до Урала, вступил в Красную армию и в качестве офицера видел парад Победы на Красной площади в Москве.

Немного об этом я слышал от самого Миши, но, когда я прочел некролог Рона Суни, все встало на свои места. Конечно, я и так знал, что Советский Союз спас всех нас — весь мир — от фашизма. Из года в год я обращал на это внимание студентов на своих лекциях по истории СССР, отмечая возросшую внутригосударственную легитимность, которую приобрели Советское государство и Сталин, а также высокую цену, которую заплатил советский народ. А когда мне было столько же лет, что и Мише, когда он пустился в добровольную эвакуацию, я понял, что в спасении нуждается моя страна, а не Советский Союз. Девятнадцать мне исполнилось в 1968-м. Это был переломный год войны во Вьетнаме и бурный год во внутренней политике. Студенческий бунт в Колумбийском университете охватил весь кампус, студенты заняли пять зданий в знак протеста против соучастия администрации во вьетнамской войне, а также против ее земельной политики, ущемляющей права чернокожих жителей расположенного неподалеку Гарлема. Я участвовал в протестах от начала до конца, получив в придачу к своим проблемам удар по голове дубинкой от одного из нью-йоркских полицейских³.

Конечно, выступая против американского участия в войне во Вьетнаме, я, как и миллионы других американцев, думал, что мы стараемся спасти вьетнамцев. Но наши протесты вдохновляло и стремление уберечь Америку, занявшую неверную позицию, спасти ее от руководства, которое сбилось с пути, от насилия, совершаемого от нашего имени. Возможно, я не был совсем своим, но это вовсе не делало меня менее американцем. «Я одержим Вьетнамом, и поэтому все остальное кажется бессмысленным», — писал я своему школьному приятелю в ноябре 1967 года. Я считал, что участие Соединенных Штатов во вьетнамской войне являет-

³ Ежедневный обзор событий в Колумбийском университете в весенний семестр 1968 года см. [Occupation 1968: 788–793].



Бабушка Сэди с гордостью позирует перед нашим домом со своими тремя внуками: Стив, высоченный в свои двадцать один; неуклюжий пятнадцатилетний я; и моя девятилетняя сестренка Эллен, которая крепко обнимает свою куклу Барби

ся результатом враждебности к коммунизму, питаемой десятилетиями. И именно от этого, полагал я, мою страну следует спасать. Так я и стал пехотинцем антивоенного движения, а также начинающим коммунистом. Я поделился со многими студентами по всей стране своим увлечением теми, кого наши наставники считали врагами. Мы изучали революции, крестьянские сообщества и партизанские движения. Мы читали Франца Фанона, Режи Дебре и Мао Цзэдуна, обсуждали тонкости революционной стратегии и горячо верили в то, что глубокое понимание теории приведет к лучшей практике — или, может быть, наоборот, революционная практика улучшит теорию.

Сейчас стало модным высмеивать революционный пыл студентов конца 60-х, так что я не буду особо углубляться в эту тему. Я разделял этот пыл, но немного отличался от моих ближайших товарищей: они были очарованы крестьянскими революциями и партизанскими армиями, а я хотел узнать как можно больше о том, где и почему началась революция. Иными словами, я хотел узнать больше о России и русской революции.

Откуда этот интерес к России? За прошедшие годы ответ на этот вопрос изменился. Раньше я думал, что мой интерес связан с происхождением семьи: мои два деда родом из Одессы и Риги, мой отчим вырос в Сквире, городе в Киевской губернии, где, согласно переписи 1897 года, евреи составляли примерно половину жителей. Из этих троих я знал только отчима моей матери Морриса Соснова (сокращение от Сосновского), мои «настоящие» деды умерли до того, как я пришел в этот мир. Моя бабушка по материнской линии, урожденная Сэди Рубель, приехала из Коломьи (Коломия на украинском), города в Галиции, еще находившегося под властью Габсбургов, когда она покинула его на рубеже веков. Она развелась с отцом моей матери Саулом Невинсом где-то в начале 1940-х годов. Вскоре она встретила Морриса, продавца дамских шляп, и вышла за него замуж. Мы всегда называли его «Моррис», а не «дедушка Моррис», при этом мой брат, сестра и я говорили о «дедушке Сауле» и «дедушке Луи». Может быть, я решил заняться русской историей, потому что подсознательно пытался узнать что-то об этих давно умерших предках помимо того, что слышал о них от родителей? Возможно, и так, но почему же я никогда не удосужился посетить ни один из их родных городов или, за одним небольшим исключением, научным путем заняться исследованием того, что имеет отношение к их жизням? Уверен, что тяга к изучению России лежит в большей степени в коммунизме, чем в русскоязычных еврейских меньшинствах, говоривших на идише, и, следовательно, связана с моим отцом, а не с его предками или предками моей матери.

Мортон (Морти) Сигельбаум родился в Нью-Йорке в 1915 году и был самым младшим из четырех детей Иды и Луи. В 1933 году он окончил среднюю школу имени Девитта Клинтона и, невзирая на Великую депрессию, поступил в университетский колледж. Он единственный из всех детей продвинулся в учебе дальше средней школы. Получив диплом в 1937 году, он стал преподавать общественные науки в системе государственных школ Нью-Йорка. Он «заигрывал» (его слово) с троцкизмом в колледже, но вступил в Коммунистическую партию в 1939 году, в том самом году, когда Советский Союз и фашистская Германия подписали пакт о ненапа-

дении. Мне всегда было трудно понять, как он мог так поступить, тем более что он всегда заявлял о своей поддержке Народного антифашистского фронта. В то время, когда он вступил в партию, многие американские коммунисты отказывались от своего членства. Он сделал это, объяснял он, потому что те из коллег-учителей, кем он больше всего восхищался, уже состояли в партии⁴. Он восхищался ими, потому что, будучи членами нью-йоркского Учительского союза (TU), они боролись за лучшие условия не только для коллег-учителей, но и для детей, в том числе живущих в Гарлеме. Современная история TU — предмета скорее очернительства, нежели образования, — подтверждает эту точку зрения:

В случае с TU имеются очевидные свидетельства того, что многие его руководители состояли в Коммунистической партии и использовали профсоюз для продвижения политики партии. Однако верно также и то, что многие члены TU, в том числе и члены партии, рассматривали профсоюз как важнейший инструмент улучшения жизни учителей, детей и местного населения [Taylor 2011: 60]⁵.

Несколько лет назад мой брат оповестил меня о фотографии, напечатанной в книге об Учительском союзе. Снимок этот первоначально появился 3 ноября 1945 года в выпуске «New York Teacher News». На нем запечатлена группа примерно из тридцати учителей, митингующих в поддержку расширения льгот замещающим учителям. В первом ряду стоит женщина с табличкой, требующей для них «ПОЛНОЙ ЗАРПЛАТЫ», а в четвертом ряду улыбается человек в очках в проволочной оправе, очень похожий на моего отца — но еще не мой отец [Taylor 2011: 89].

⁴ Когда мой отец начал свою педагогическую карьеру, «коммунисты занимали важные руководящие должности [в Учительском союзе]. <...> К 18 декабря 1937 года пятнадцать из двадцати четырех членов [исполнительного совета] состояли в партии... Такое необычное положение возникло в результате забастовки в 1935 году семисот «социал-демократов», которые образовали конкурирующий союз, Учительскую гильдию» [Taylor 2011: 33, 42, 45].

⁵ «Приверженность профсоюза линии компартии не мешала ему искренне защищать интересы учителей, родителей и детей» [Heins 2013: 96].

Какое отношение имел мой отец к коммунизму как к идеологии и Советскому Союзу как ее источнику? Читал ли он, например, классику марксизма-ленинизма? Я не помню, чтобы кто-нибудь видел такие книги на книжных полках, которые отделяли его кабинет (так называемый «солярий») от гостиной нашего дома. Может быть, он хранил их в другом месте. Может быть, к тому времени, когда я начал ходить, он их спрятал. Вместо Маркса и Ленина я поглощал романы Говарда Фаста, которые выстроились на полках, как солдаты, — романы о Спартаке, гражданине Томе Пэйн⁶, Джоне Альтгелде (губернаторе Иллинойса, который помиловал трех приговоренных к пожизненному заключению за взрыв во время бунта на Хеймаркет в 1886 году), о реальном бывшем рабе Гидеоне Джеконе и вымышленном Адаме Купере, воевавшем в сражении при Лексингтоне. Эти романы и канувшая в Лету книга о Верцингеториксе⁷, Скандербеге⁸ и других повстанцах против имперской власти воспламенили мое историческое воображение.

Одна книга в этой комнате, «Письма Этель и Юлиуса Розенбергов из Мертвого дома»⁹, омрачала мою юность [Rosenberg 1953]. Эти письма в синей мягкой обложке говорили о чем-то большем,

⁶ Томас Пейн, также Пэйн, иногда Пэн (англ. Thomas Paine; 29 января 1737, Тетфорд, Великобритания — 8 июня 1809, Нью-Йорк, США) — англо-американский писатель, философ, публицист, известный как «крестный отец США». — *Примеч. ред.*

⁷ Верцингеторикс, или Верцингеториг (лат. Vercingetorix) (ок. 82 до н. э. — 46 до н. э.), — вождь кельтского племени арвернов в центральной Галлии, противостоявший Юлию Цезарю в Галльской войне. Его имя на галльском означает «повелитель над» (ver-rîx) «воинами» (cingetos). — *Примеч. ред.*

⁸ Скандербег, или Георгий Кастриоти (алб. Gjergj Kastrioti Skënderbeu; 6 мая 1405 — 17 января 1468), — правитель княжества Кастриоти (1443–1468), вождь антиосманского албанского восстания, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях. — *Примеч. ред.*

⁹ Речь идет о знаменитом деле Юлиуса Розенберга (англ. Julius Rosenberg; 1918–1953) и его жены Этель (в девичестве Грингласс, англ. Ethel Greenglass Rosenberg; 1915–1953), первых и единственных гражданских лиц в истории Америки, казненных в период маккартизма за шпионаж в пользу иностранной державы. — *Примеч. ред.*

чем их беспокойство, забота о двух своих сыновьях и нежность, которую каждый чувствовал к другому. Если не из этой книги, то от моих родителей я должен был знать о казни этой любящей пары в тот мрачный день 1953 года. Почему «Дж. Эдгар Гувер» их убил? Потому что они были коммунистами и евреями, сообразил я. Но мой отец тоже коммунист и еврей. Мои родители считали сфабрированными официальными обвинения, что Юлиус был советским шпионом, а Этель помогала ему и подстрекала его. Тот факт, что судья Ирвин Кауфман, который председательствовал на их процессе, был евреем, наводит на мысль, что правительство стремилось смягчить антисемитские настроения, которые само и подогревало в первую очередь. Тихие разговоры товарищей, друзей и родственников по этому поводу как-то дошли до моих ушей. Помимо существа дела и взбудораженных толкований, которые я слышал, само название книги вызывало у меня кошмары. Где был этот мертвый дом? Может, рядом с нашим домом тоже есть такие мертвые дома, о которых я не знаю? И если Розенбергов можно было убить за то, чего они не сделали, то почему не могут так же убить Сигельбаумов, включая меня?

Хотя до самых последних дней папа не сожалел о своем членстве в партии, у него была причина осторожничать в отношении своих политических предпочтений. Люди употребляют термин «маккартизм» так часто, что он утратил свою историческую специфику. Вне контекста антикоммунистической атмосферы этот термин ничего не значит. Совет по образованию вычистил моего отца вместе с сотнями других учителей из школьной системы Нью-Йорка либо потому, что они отказались отвечать на печально известный вопрос о том, «являются ли они сейчас или были ли когда-либо» коммунистами, либо потому, что они отказались «назвать имена». Лишив этих преданных своему делу учителей профессии, праведные идеологи американского патриотизма продолжали их преследовать. Несколько лет спустя соседи говорили мне, что агенты ФБР стучали в их двери, чтобы спросить, замечали ли они, что в нашем доме проводятся подозрительные собрания. Папина преподавательская карьера оборвалась, он подстраховал себя на несколько лет, вернулся к учебе (ему было



«Он полагал, что все бабушки так же прекрасны, как его бабуля». Мама и Сэми, около 1987 года

за сорок), чтобы подготовиться к дивному новому миру компьютерной электроники. Digitronics, Redactron, Burroughs — эти корпорации нанимали моего отца в качестве менеджера по продажам¹⁰. Он ненавидел каждую минуту этих занятий, но тем самым смог обеспечить достойное воспитание, которое мой старший брат, младшая сестра, да и я сам зачастую воспринимали как должное.

Мы добились всего во многом благодаря матери, на плечи которой, как и многих белых женщин среднего класса ее поколения, легло нескончаемое бремя обязанностей хранительницы домашнего очага. На поминальной службе в ее честь в июне 2017 года Сэми, мой тридцатипятилетний сын, отметил, что в детстве он полагал, что все бабушки так же прекрасны, как его бабуля, — бесконечно терпеливая, очарованная всем, что он говорит или делает, окружающая его своей любовью. Только тогда мне пришло

¹⁰ Начальницей папы в Digitronics, а затем в Redactron была Эвелин Березин, «пионерка компьютеров», которая создала и продала «первый компьютеризированный текстовый процессор» [McFadden 2018; Sloane 1972]. Мой отец всегда отзывался о ней в самом хвалебном тоне.

в голову, что моя мама делала то же самое для меня. Несмотря на то что у нее в семье была подчиненная роль домохозяйки — супруги кормильца, она никогда не выражала желания — по крайней мере насколько я слышал или помню, — вернуться к своей работе зубного техника, чем она занималась до брака, или к любой другой оплачиваемой работе. Когда ей было двенадцать, ее родители развелись, чего она всегда стыдилась. Я знаю, насколько болезненно она к этому относилась, потому что в последние годы она неоднократно возвращалась к этой теме, описывая, как «дети по соседству» насмехались над ней, спрашивая, где ее отец, на что она отвечала, что он «в командировке». Кокон безопасности, которым она окружила своих троих детей, отчасти и был обусловлен ее собственной потерей.

Это домашнее тепло я чувствовал все свое детство, в том числе летом, когда я посещал «бунгало» возле Южного Фолсбурга в Катскиллс, в месте, известном также как «Борщовый пояс». Это все, что осталось от «особняков Рубеля», нескольких сооружений, заложенных еще моей прабабушкой по материнской линии бабой Дрейжей и ее мужем Иосифом. У меня сохранились яркие воспоминания о здании, стоящем довольно далеко от дороги, с лепными стенами и центральным коридором, разделяющим ряд спаленок, куда едва помещались кровать и комод. Центром общения служила большая кухня в задней части дома, где моя бабушка и ее младшие сестры Адель, Роуз, Бетти и Хильда готовили еду, играли в карты и непринужденно болтали на своей особой смеси идиша и английского. Справа от бунгало была черничная полянка с кустами гораздо выше меня, где ягоды росли в таком изобилии, какого я больше никогда не видел. Слева — поле, отделяющее бунгало от гилбертовского отеля, построенного на земле, ранее занимаемой особняками Рубеля.

Видимо, с Гилбертом как-то договаривались о том, чтобы гости бунгало могли бесплатно пользоваться удобствами отеля, потому что я помню, как плавал в его открытом бассейне и бродил по вестибюлю. Насколько мне помнится, в бунгало собиралась вся семья моей матери — большая, шумная компания, говорящая с сильным восточноевропейским акцентом («Юффный Фольс-

бойг»), в прошлом состоятельная, но все еще сохраняющая налет буржуазности. Постепенно все они, за исключением моей бабушки, переехали во Флориду. Семья моего отца, гораздо менее яркая и матриархальная, собиралась реже. О своей бабушке по отцу, Иде, я мало что помню; только то, что она запрещала мне входить в дом «боорвис» (босиком на идише) и хихикала пронзительно, будто ведьма. Из старших двух братьев и сестры моего отца только дядя Ирвинг, продавец и актер любительского театра, проявлял ко мне какую-то привязанность. Никто из них не разделял политические взгляды отца; да и все были слишком заняты, пытаюсь свести концы с концами.

Так как же тогда мой отец повлиял на меня? Если бы не его глубоко марксистское понимание мира и его давнишние коммунистические убеждения, я бы, вероятно, не научился критически читать «Нью-Йорк Таймс», не познакомился с независимым левым еженедельником «National Guardian» и ничего бы не знал о рабочих забастовках и сидящих в тюрьме борцах за гражданские права Николо Сакко, Бартоломео Ванцетти и Розенбергах. С десяти-одиннадцати лет я помогал ему распространять листовки, ходя по домам от имени «Neighbors Unlimited», гражданской группы, решившей бороться с переездом белых из нашего все более черного квартала Лейквью. Ночью из спальни наверху, которую я делил со своим братом, я пытался услышать, о чем говорят в гостиной папа и другие члены организации; впрочем, чтобы услышать его громкий голос, особо напрягаться не приходилось. Короче говоря, если бы не мой отец, я бы гораздо лучше вписался в средний класс, к которому принадлежали мои белые друзья в средней школе в Малверне. Но папа сделал меня совсем не похожим на них.

Папа никогда ничего дурного не говорил о коммунизме. Это послужило причиной моего слегка шизофренического воспитания; в школе и среди друзей детства, таких как Летти, коммунисты представлялись как подрывные элементы, тогда как дома они считались борцами за мир во всем мире и социальную справедливость. Что касается СССР, который мой отец расхваливал как оплот борьбы против американского империализма, я никогда не

забуду саркастическое замечание Миши Левина: на мои слова о том, что отец раньше был членом Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки (CPUSA), он ответил: «Они знают, что им не нравится, поэтому им нравится то, о чем они не знают». «Они» — он имел в виду западных коммунистов в целом. Это немного несправедливо, потому что мой отец читал жадно и пытался узнать как можно больше. Позже, в 1985 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, он наконец посетил Советский Союз. Он с мамой и их друзья отправились на двухнедельную экскурсию по Москве, Ленинграду, Тбилиси, Еревану и Краснодару¹¹.

Мама описывала младших школьников, которых они встретили в Краснодаре, как «очаровательных», а еду как «так себе». Папа выражал осторожный оптимизм по поводу перестройки, не заинтересовался знакомым знакомого, встречу с которым я для них организовал, но в остальном мало что рассказывал. Думаю, это потому, что он не увидел тот Советский Союз, который ожидал увидеть, тот, который он обожал до своего приезда туда. Может быть, Советский Союз был для него чем-то вроде воплощения надежды. Может, Миша был прав.

Вспоминая дом своего детства и его убранство, я понимаю, что вкусы моего отца в искусстве и политике пропитали меня всего. Репродукция картины Оноре Домье «Вагон третьего класса», который веб-сайт «Метрополитен-музея» описывает как изображение «жизненных тягот и сдержанной стойкости пассажиров железнодорожного вагона третьего класса», занимала видное место возле входной двери¹². Стену спальни украшал Пикассо, по всей видимости, «голубого» периода. Когда я узнал, что Пикассо был коммунистом? Возможно, тогда же, когда узнал, что Рокуэлл Кент, американский художник и график, чьи работы на мексиканские

¹¹ Последний город турагентство включило в тур в качестве замены Киева, потому что авария в Чернобыле двумя неделями ранее закрыла украинскую столицу для посещения.

¹² Honoré Daumier, *The Third-Class Carriage*, H. O. Havemeyer Collection, The Metropolitan Museum of Art // <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/436095> (дата обращения: 14.09.2018).



Баба Дрейжа (18??–1955), моя прабабушка по материнской линии

темы украшают кувшин, тарелки и другие предметы, которыми мы пользуемся по сей день, пострадал за свою известность в Советском Союзе. Давид Сикейрос, один из трех великих мексиканских муралистов, тоже входит в число коммунистов этой страны. В 1965 году он был у моих родителей во время тура, спонсируемого «Guardian», и они сделали фотографии, которые меня очень впечатлили. Годы спустя я узнал, что он был одним из тех, кто пытался, но не смог убить Льва Троцкого, за три месяца до того, как Рамон Меркадер наконец доделал за них работу.

Думаю, что из-за отца, а не из-за матери я, в отличие от моих друзей-евреев, не ходил в еврейскую школу и не прошел бар-мицву. Вместо этого я ходил в идишскую школу, хоть и недолго. Моя мать, которая знала, что ее ждет, когда выходила замуж за отца в 1940 году, согласилась с этим решением. Жуткое воспоминание о бар-мицве моего старшего брата, которая проходила в ортодоксальной синагоге без кондиционера, где-то в Бронксе, в один из самых жарких июльских дней двадцатого века, вероятно, убедило ее свести число положенных семейных бар-мицв до одной. Чтобы я не чувствовал себя обделенным, когда мне исполнилось тринадцать, папа отвез меня с тремя друзьями на гору Хантер в Катскиллс покататься на лыжах. Мое самое яркое воспоминание об этой поездке — как наша машина ночью съехала с серпантина и выехала на встречную полосу.

В старших классах я был исключительным во всем без исключения. Я посещал курсы с отличием и получал в своем классе достаточно высокие оценки, чтобы занимать второе место в выпускном классе, играл на саксофоне в группе, был игроком второй базы в бейсбольной команде и редактировал школьную газету, пока не ушел в отставку из-за отказа руководства напечатать написанную мной редакционную статью. В этой передовице я протестовал против отзыва приглашения Пита Сигера¹³ выступить

¹³ Пит Сигер (англ. Pete Seeger, 1919–2014) — американский фолк-певец, общественный активист. Сигер считается ключевой фигурой в возрождении народной музыки в США в середине XX века и в появлении музыки протеста. — *Примеч. ред.*

в другой средней школе Лонг-Айленда из-за его предполагаемого коммунистического прошлого; руководство посчитало тему неуместной для нашей средней школы. У меня была ведущая роль в школьной пьесе, в которой герои мультфильмов Арчи (таракан) и Мехитабель (бездомная кошка) изобретательно сочетались с шекспировским «Сном в летнюю ночь». Ничто из этого не заставило ни одну из девушек, по которым я тосковал, полюбить меня. Мистер Бессэ, мой любимый учитель, преподавал общественные науки как историю Америки. Он был почти пенсионером с широкой, но редко появляющейся улыбкой, жил один в квартире на верхнем этаже двухэтажного дома в Малверне. Я знаю это, потому что ближе к концу моего двенадцатого класса он пригласил нескольких своих учеников на чай. На выпускном он подарил мне роскошное издание «Здравого смысла» Томаса Пейна.

Несколько летних каникул в подростковом возрасте я провел в «Тохони», лагере для мальчиков на озере Бьюэл в западном Массачусетсе. Основанный в 1920 году, «Тохони» в основном предназначался для еврейских семей из большого Нью-Йорка, которые на восемь недель охотно расставались со своими сыновьями и внушительной суммой денег [Drew 2009: 129–130]. Папа там работал вожатым с конца 1930-х годов, а после женитьбы на маме в августе 1940 года привел ее с собой. Годы, которые они проработали в лагере, давали им скидку на нас со Стивом, когда мы достаточно подросли, чтобы ездить в лагерь¹⁴.

Одно из моих самых ранних впечатлений о лагере — исполнение «Томми Питчера», жанр которого определяется в источниках, к которым я обращался, как опера, предназначенная для под-

¹⁴ «Вы случайно не сын покойного Мортон Сигельбаума?» — так начиналось электронное письмо, полученное мной 24 августа 2017 года от Габриэлы Леопольд, которая «работала над книгой о моей покойной бабушке, Розе Леопольд (в девичестве Каган)». Оказывается, незадолго до того, как мои отец и мать сошлись, бойфрендом Розы Каган, «учителем в Нью-Йорке и консультантом в социалистическом летнем лагере в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс», был Морти Сигельбаум. Они оба были членами партии. Понятия не имел об этом раньше.

ростковой аудитории. Она была написана Джорджем Кляйнзингером (1914–1982) [Kleinsinger 1954]. Кляйнзингер был плодовитым композитором, чье самое известное произведение, «Tubby the Tuba», также написано для детей. Я слушал запись дома бесчисленное количество раз. «Томми Питчер» помнится по отрывку из одной из песен, который звучит так: «Том Питчер на речку рыбачить ходил, от удочки взгляда не отводил». Я ехидно «переписал» эти строки: «Том Питчер мочиться на речку ходил, ширинку пошире парень раскрыл». Кляйнзингер, также автор музыки для бродвейского шоу «Арчи и Мехитабель», премьера которого состоялась в 1954 году, навряд ли бы оценил то, как я улучшил его либретто¹⁵.

Был ли связан Кляйнзингер с «Тохони», и если да, то как? Существует несколько заманчивых объяснений. Одно из них заключается в том, что, согласно информации в «Википедии», «Томми Питчер» впервые исполнялся в 1952 году в музыкальной студии «Indian Hills» в Стокбридже, Массачусетс, т. е. примерно в десяти милях от лагеря. А мой брат говорил, что мы жили в одном доме с Кляйнзингерами до моего рождения и что «Том Питчер» был «театральной пьесой, которую он написал для лагеря, с Аланом Аркином в главной роли»¹⁶. Наконец, названия некоторых из работ Кляйнсингера военного и послевоенного времени — «Увертюра на американские народные темы», «Ода демократии»

¹⁵ В OCLC за Кляйнзингером числятся «242 работы в 409 публикациях»: Kleinsinger, George 1914–1982, OCLC WorldCat Identities // <http://worldcat.org/identities/lccn-p85367851/> (дата обращения: 15.09.2018). В статье о Кляйнзингере в «Википедии» (на голландском) перечисляются среди прочего симфония, концерт и фантазия для скрипки с оркестром, а также три кантаты, включая «Бруклинскую бейсбольную кантату» с текстом Майкла Стрэттона, псевдоним Майкла Сигельбаума (не родственник): George Kleinsinger, Wikipedia, The Wikimedia Foundation, last modified May 18, 2018. URL: https://nl.wikipedia.org/wiki/George_Kleinsinger (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁶ В личном разговоре 16 сентября 2018 года. Поскольку Алан Аркин на пятнадцать лет меня старше, он бы исполнил эту роль еще до моего рождения. Вполне возможно, что либо я видел намного более поздний спектакль, либо просто воображал, что видел его, по описаниям родственников.

и «Я слышу, как поет Америка» (последняя была записана вместе с «Балладой для американцев» Поля Робсона), — отражает ту культуру коммунистического народного фронта, с которой мы столкнулись в лагере, о чем я расскажу чуть позже.

В шестнадцать лет я работал в лагере официантом, в последующие годы — вожатым-практикантом, самостоятельным вожатым и, наконец, старшим вожатым. «Тохони» был похож на многие другие летние лагеря в этом районе. Его название — по-алгонкински «мы разобьем здесь лагерь» — символизировало культуру коренных американцев, что характерно для лагерей для мальчиков того времени. Там была набережная с парком миниатюрных парусных лодок, а в какое-то время в 60-х — и водные лыжи; живописное здание из бревен с видом на озеро, где мы играли в баскетбол, смотрели спектакли, а 21 июля 1969 года смотрели высадку на Луну по телевизору, установленному специально для такого случая; там было бейсбольное поле, стрельбище для стрельбы из лука и винтовок, а также теннисные корты. Его вожатые были отовсюду. Я помню «Спрингфилд» и «Лок Хейвен Бойз» (из Спрингфилдского колледжа в Массачусетсе и Колледжа штата Лок Хейвен в Пенсильвании, оба учительские колледжи), а также Кенни Мосса и Джеффа Росса, оба из Лонг-Айленда, нескольких англичан, пару братьев из Австрии (Эдгар и Эрни Судеки, один бывший футболист, организовывавший в лагере занятия спортом, второй — самый настоящий олимпийский чемпион по толканию ядра) и Тома Уодделла, выдающегося спортсмена и человека, занявшего шестое место среди тридцати трех участников в десятиборье на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. Примерно четырьмя годами ранее Том организовал в «Тохони» Олимпиаду, где соревновались все дети лагеря. Я участвовал в десятиборье в команде, которую тренировал мой брат, который был тогда вожатым, как и Том. Уодделл стал врачом, имел практику в районе Кастро в Сан-Франциско, основал Олимпийские игры для геев (сейчас — «Гей-игры») и умер от СПИДа в 1987 году в возрасте сорока девяти лет [Waddell 1996]. Насколько я знаю, в лагере «Полумесяц» на другом конце озера тоже были замечательные сотрудники. Но, в то время как тот лагерь был приютом для детей,

чьи родители покинули (коммунистическую) Кубу, «Тохони» был пристанищем коммунистов¹⁷.

Был ли членом партии Пит Менакер, владелец лагеря? Мой папа считал его товарищем; на мой юношеский взгляд, он вел себя как партиец, то есть был грубоватым, неприветливым, вспыльчивым и не обращал внимания ни на что, связанное с поп-культурой. Коммунизм достался ему практически по наследству. Его родители, еврейские иммигранты из Одессы, назвали своих сыновей в честь революционеров. Помимо Пита (названного в честь Кропоткина, или это был Лавров?), лучше всех я знал Энге (Фридриха Энгельса)¹⁸. Энге управлял гостевым лагерем рядом с «Тохони», где жили родители, когда навещали своих сыновей. У него также был фермерский дом на Лейк-Буел-роуд, где я позже проводил романтические выходные со студенткой Барнарда.

Неомаккартистские историки Харви Клер и Джон Эрл Хейнс описывают Энге как «откровенно прокоммунистического журналиста», который «управлял приютом Лиги американских писателей для беженцев от фашизма во Франции», а затем готовил убежища для «некоторых беженцев в доме семьи Аренал в Мехико» [Klehr 1999: 266]¹⁹.

¹⁷ См. «Википедию»: Camp Half Moon, Wikipedia, The Wikimedia Foundation, last modified December 2, 2018. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_Half_Moon (дата обращения: 15.05.2020). В этом отношении Тохони напоминал лагерь Киндерленд, который был домом для многих детей из семей американских коммунистов, «впитавших леворадикальные идеи с молоком матери».

¹⁸ Я слышал, что Пит был тезкой анархистского философа и ученого Петра Кропоткина (1842–1921); Даниэль Менакер, племянник Пита, говорит, что имя Питу было дано в честь Лаврова; Петр Лавров (1823–1900), социалист-революционер, большую часть своей сознательной жизни прожил за границей и, как и Кропоткин, горячо поддерживал Парижскую коммуну [Menaker 2013: 76].

¹⁹ Леополо и Лу Аренал принимали участие в неудачной попытке убийства Льва Троцкого, организованной художником Давидом Сикейросом в мае 1940 года. О Маккарти и американском коммунизме см. лекцию Клер: URL: http://polisci.emory.edu/home/neh_2016/about/klehr.html (дата обращения: 22.03.2017).



«После женитьбы на маме в августе 1940 года [он] привел ее с собой». Мортон и Бланш Сигельбаум, лагерь «Тохони», лето 1941 года

Клер и Хейнс в качестве источника ссылаются на мемуары Дэниела Менакера, опубликованные в 1987 году и замаскированные под сборник рассказов. В мемуарах Энге — это дядя Сол, старый восьмидесятилетний коммунист, который до сих пор читает «Дейли Уорлд» и критикует распутного племянника. Так много внимания уделил Даниэль Менакер дяде Солу-коммунисту, что рассказ назван «Старые левые» [Menaker 1987]. Я как-то не обращал особого внимания ни на политические взгляды Энге, ни на его сексуальную ориентацию. Хотя на ферме жила Софи, женщина примерно его возраста, Энге предпочитал мужчин. Спустя годы я каким-то образом осознал, что вскоре после того, как Том Уодделл в 1959 году приехал в «Тохони», он и Энге стали любовниками.

Среди Менакеров, как я уже говорил, настоящим коммунистом казался Пит. Как же тогда он оправдывал себя, будучи управляющим летним лагерем для детей из зажиточных семей? Как однажды мне объяснил сам Пит, он считал их обделенными: им не хватало опыта коллективизма, совместной работы для создания чего-то ценного своими руками, контакта с природой без контроля родителей. Это поразило меня тогда и до сих пор кажется неискренним и корыстным. Но как еще Пит мог получить деньги, чтобы построить и поддерживать в хорошем состоянии этот лагерь, нанять таких замечательных вожатых и кормить нас всех? Подобно капитализму, который он ненавидел, Пит воплощал в себе противоречия: он с головокружительной скоростью водил мотоцикл по территории лагеря, избивал и всячески унижал свою жену Сару, но при этом с симпатией относился ко всем обитателям лагеря без разбора и напоминал некоего библейского пророка. Он толковывал мне, что коммунистам вовсе не обязательно быть более нравственными, вести себя лучше или более последовательно, чем остальные.

В те годы такие вопросы меня не слишком волновали. Скорее я хотел увидеть побольше таких грудей, как те, что лагерная медсестра задорно показала мне однажды вечером на берегу. Я хотел встретить симпатичную девушку из «Фокин» или другого лагеря для девочек, где у нас были знакомые, и «пообщаться» с ней.

Больше всего я хотел стать лучшим теннисистом если не в мире, то хотя бы в лагере. Теннис?! Почему теннис? Могла ли эта «самая эгоистичная из игр» привлечь меня, потому что, как кто-то недавно сказал, она «привлекает одержимых и задумчивых»²⁰? Действительно, что-то в этом есть. Теннис поглощает вас целиком; во время игры невозможно думать ни о чем другом. Каждый поинт, каждый удар — это вызов. Так что в некотором смысле теннис дает отрешение от повседневных забот. Все, о чем мне нужно было заботиться, происходило в границах теннисного корта.

Другое дело, что я и играл неплохо. К тому времени, как я добрался до средней школы, я уже мог победить брата, который превзошел меня во всем остальном. Я учился играть в теннис в штатном парке Хемпстед-Лейк, в нескольких минутах ходьбы от дома. Мы с друзьями пробирались на корты с грунтовым покрытием и играли после того, как клуб закрывался, просто перелезая через забор в шесть футов высотой. Мой отец в теннис играл, хотя не помню, чтобы он учил меня игре. Не думаю, что я когда-либо задавался вопросом, где научился играть этот ньюоркец, отпрыск Луи Сигельбаума, водопроводчика. У него были друзья, которые тоже играли: и Марвин Люфтиг, основавший в 1950 году страховую компанию «Luftig Associates» (сейчас она располагается на Лонг-Айленде и называется «Tennis Club Insurance Associates of Great Neck»), на которую папа некоторое время работал после того, как его учительская карьера так внезапно оборвалась; и Ирвинг Сигель, бывший коллега-учитель. После переезда с семьей в другой пригород дальше на острове Марвин иногда возвращался, чтобы поиграть в теннис в парке Хемпстед-Лейк, и заходил к нам переодеться и принять душ. Ирв и его жена Дорис среди всех родительских друзей наиболее сильно сопротивлялись пригородной лихорадке. Они остались вместе со своей дочерью Вивиан в Стайвесант-таун — Питер-Купер-Виллидж. Однажды, в студенческие годы в Колумбии, я играл в теннис с Ирвом. Он отвез меня на какие-то корты в Квинсе и, к моему ужасу, легко разгромил.

²⁰ Джон Иеремия Салливан во введении к [Wallace 2016: 5].

В «Тохони» я был тренером по теннису. Это значило бесконечно подавать мячи, подметать, поливать, уплотнять, по-всякому ухаживать за кортом, а в хорошие дни — играть с Александром (Сэнди) Мейклджоном. Сэнди был несколькими годами старше меня и намного лучше как теннисист, был сдержанным, бесстрастным, за исключением случаев, когда он находил что-то смешное, и тогда из его губ раздавался отрывистый смешок. Я его просто боготворил. Дедушка Сэнди, в честь которого его назвали, был философом и активным сторонником свободы слова. В 1949 году, в год моего рождения, он скрестил мечи с бывшим троцкистом Сидни Хуком в «литературном поединке», опубликованном в «Нью-Йорк Таймс». Александр Мейклджон отстаивал право коммунистов преподавать в государственных школах [Meiklejohn 1964: 41]²¹.

²¹ См. [Hook 1949; Meiklejohn 1949]. Хейнс пишет об этих дебатах как о «широко обсуждаемом обмене мнениями» [Heins 2013: 73].

Глава 2

«Революционер или ученый?»

Я поступил в Колумбийский университет, потому что не попал в Амхерст. Почему Амхерст? Потому что дедушка Сэнди десятилетиями раньше был там ректором; потому что там преподавал Генри Стил Коммаджер¹, уважаемый американский историк, о котором я был наслышан; но также и потому, что он имел высокую репутацию среди небольших гуманитарных колледжей. Я так хотел поехать туда, что убедил отца отвезти меня в кампус (тогда подобная практика была не такой распространенной, как сейчас). Он очень любил поэзию Эмили Дикинсон, любил ее дом. Колледж был именно таким, как я представлял. Система квот могла мне помешать — слишком много нью-йоркских детей претендовали на поступление.

Почему Колумбия? Однажды вечером на семейном собрании в квартире бабушки Сэди в Бронксе муж моей кузины Мэрилин, Мел Шварц, спросил меня о колледжах, куда я подал заявление. Рубели проводили такие встречи примерно каждые полгода или около того, чтобы обсудить общие вопросы. Помню, что чаще всего обсуждали, кто будет ухаживать за могилой бабы Дрейжи в Квинсе. Обычно я заходил в гостиную, где все собирались, выходил, бродил там и тут, прежде чем отключиться — от скуки —

¹ Генри Стил Коммаджер (1902–1998) — американский историк. В качестве одного из наиболее активных и плодотворных либеральных интеллектуалов своего времени, перу которого принадлежит более 40 книг и 700 статей и обзоров, он помог определить современный либерализм в Соединенных Штатах. — *Примеч. ред.*

в спальне. В тот конкретный вечер, — должно быть, это было в начале сезона подачи заявлений, — я упомянул Амхерст и пару других колледжей. «А как насчет Колумбии?» — спросил Мел, который был там на физическом факультете. Ну что ж, почему бы и нет, подумал я.

Институт семейных встреч являлся одной из инвестиций евреев-иммигрантов первого и второго поколения из Восточной Европы, направленных на максимизацию их социального капитала. Кто знает, сколько было обговорено дешевых или беспроцентных ссуд, сколько получено бесплатных консультаций и заключено соглашений для объединения ресурсов членов расширенной семьи? Мел, который получил Нобелевскую премию по физике в 1988 году, возможно, не был в состоянии помочь мне попасть в Колумбию, а просто подумал, что я должен подать заявление, направил меня на этот путь. Итак, удача мне улыбнулась, но от брата я отдалился. Стиви поступил в колледж в Квинсе, вскоре вылетел оттуда, потому что первый год провел в джаз-клубах в Манхэттене, а затем поступил в небольшой колледж в юго-восточном Огайо, откуда его тоже едва не исключили, когда декан узнал, что они с тогдашней его подружкой (и будущей женой) провели ночь в его комнате в общежитии; или, по крайней мере, так сообщают семейные предания.

Как отец мог позволить себе отправить меня в Колумбию, остается загадкой. Безусловно, стоимость обучения опередила инфляцию на десятилетия, но тем не менее 1900 долларов за обучение в Колумбийском университете в 1966 году — это сейчас, в 2018 году, 14 729 долларов [Tuition 1967]. Несмотря на то что папа дал мне понять, что я должен зарабатывать деньги летом и взять на себя полную ответственность за финансирование своего образования после колледжа, мне было неловко, что он покрывает расходы на обучение за четыре года. В 1999 году мой старший сын Сэми поступил в Нью-Йоркский университет, в то время почти самый дорогой университет в стране, и сказал мне, что хочет поступить туда гораздо больше, чем в более дешевый, но все же отличный Мичиганский. Когда я ответил, что не понимаю, как мы можем себе это позволить, этот обычно сдержанный

молодой человек расплакался, и в этот момент мое сопротивление рухнуло. Полагаю, мне удалось сделать все так, как в свое время сделал папа.

Я приехал в Колумбию осенью 1966 года, стремясь показать, что я там свой, или, другими словами, что мозги у меня есть. Проблема в том, что так считало большинство первокурсников. Ничто так не прояснило разницу между школой и университетом, как тройка, которую я получил у профессора Майкла Розенталя за сочинение, которое я написал в его классе по английскому, о чем-то вроде «смысла мужества». Я посвятил большую часть эссе «Человеку из Ла Манчи», бродвейской музыкальной адаптации «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса, сделанной в 1965 году, которую я видел в старших классах. То, с каким высокомерным презрением Розенталь отнесся к бродвейскому мюзиклу, меня поразило. Только один студент тогда получил пятерку, что, разумеется, гарантировало, что остальные его возненавидели.

В тот год я играл в теннис в университетской команде первокурсников. Я был не очень хорош и потому отлично вписался в нашу посредственную команду. Мы в основном играли против подготовительных школ, чья золотая молодежь обычно нас побеждала. Помимо тенниса я играл в театральном кружке вместе со своим одноклассником Герритом Грэмом², который в следующем году появится с Робертом Де Ниро в «Приветствиях» Брайана Де Пальмы. Раз в неделю я ездил на автобусе в Гарлем, занимаясь репетиторством с четвероклассником, и каждую свободную минуту просиживал в учебных комнатах общежития Фернальд-Холл, где читал и писал конспекты по современной цивилизации, искусствознанию, гуманитарным наукам, географии-геологии, французскому и проклятому английскому Розенталя. В июне, после окончания первого курса и до того, как я отправился проводить тренировки по теннису в «Тохони», я съездил к брату и невестке в Чеви Чейз, штат Мэриленд. Они жили в доме, при-

² Геррит Грэм (1949) — американский теле- и киноактер, сценарист и автор песен. Известен своими ролями в фильмах Брайана Де Пальмы, Хулио Меде-ма, в сериале «Звездный путь».

надлежавшем дантисту, у которого работала Бобби, в то время как Стив (уже не Стиви) получил степень магистра по африканским исследованиям в Американском университете. Будучи там, я смотрел по телевизору дебаты в ООН по поводу Шестидневной войны, восхищаясь замечаниями советского посла — не столько их содержанием, сколько звучанием русского языка: «советская делегация», «израильская агрессия»... Голос Николая Федоренко до сих пор звучит в моей голове.

Не помню, что побудило Стива сосредоточиться на Африке, но его интерес не распространялся на изучение хоть одного африканского языка. К следующему году он стал отцом и учителем средней школы в Нью-Йорке, тем самым пойдя по стопам отца. Он сделал свою собственную уникальную карьеру в системе государственных школ, основав две собственные средние школы, которые он назвал «компьютерными». Тем временем я поступил на первый курс русского языка. Я уже хорошо владел французским благодаря новаторской программе, по которой ученики начальных классов знакомились с основами языка, и отличному учителю, который был у меня в средней школе. Мне понравился мой первый курс французского, но французского языка, похоже, было недостаточно, чтобы удовлетворить мой растущий интерес к коммунизму. Летом 1968 года, после бурного второго курса, я проходил еще один курс русского языка в Университете Хофстра. Чтобы заработать немного денег, я также работал за прилавком в супермаркете возле дома родителей на Хантингтон-Стейшн на Лонг-Айленде. От «революционных» баррикад в Колумбии до нарезки лососины — какое понижение!

Предвкушая этот второй курс, за день до начала занятий, в сентябре 1967 года, я написал письмо Вирджинии (Джинне) Сиберт, своей подруге в старших классах, с которой я несколько раз на протяжении всей учебы заводил переписку. «Это будет тот еще год: терпение, дисциплина, усидчивость...» Трудно сказать, нужны мне были эти качества для учебы или для удовлетворения ожиданий моих товарищей по программе «Студенты за демократическое общество» (SDS), к которым я только что присоединился. Как оказалось, я все еще был способен проводить долгие часы

в учебном зале и получать отличные оценки, по крайней мере в осеннем семестре. Это не помешало мне присутствовать на марше в Вашингтоне в октябре 1967 года вместе со 100 000 других протестующих против войны во Вьетнаме. Но еще 11 марта 1968 года, когда я снова написал Джинне, учеба и наука все еще стояли на первом месте:

Был занят. Ищу курсы и работу в кампусе на лето, выясняю, где буду жить, выступаю на собраниях SDS (!), походы в кино и, конечно, работа, работа... Знаешь, я просто не могу не работать. Некоторые подсади на алкоголь, сигареты и тому подобное. Для меня это книги. А знаешь, что хуже всего? Мне это нравится. Представляю себя через тридцать лет: Льюис Сигельбаум, ПРО-ФЕССОР _____.

Даже если бы мне еще предстояло определить свою специализацию, я, похоже, выбрал бы науку. События нескольких следующих недель резко изменили мои намерения. У других вы прочтете точное и подробное описание протестов в Колумбийском университете [напр., Avorn 1969; Kunen 1969; Cronin 2018]. Мое собственное участие, как и у многих других, проистекало из того, что Колумбийский университет был вовлечен в участие во вьетнамской войне через его связи с секретным Институтом военных исследований (IDA), исследовательским центром по изучению вооружений, работающим для Министерства обороны. Кроме того, администрация университета решила наложить дисциплинарное взыскание на председателя SDS Марка Радда и других членов «шестерки из IDA» за то, что они организовали пикеты в Мемориальной библиотеке Лоу. Университет планировал также построить на Морнингсайд-Хайтс новый спортзал с отдельным («обособленным») входом для жителей Гарлема. 25 марта я участвовал в демонстрации у кабинета президента Кирка в библиотеке Лоу, 10 апреля посетил университетскую мемориальную службу по Мартину Лютеру Кингу, затем вышел на демонстрацию вместе с более чем сорока другими студентами, а 23 апреля помог сносить забор, окружавший стройплощадку нового спортзала [Stern 1968; изложение событий с точки зрения SDS: Feldman 1968].

Происходящие одно за другим события тех недель меня очень бодрили. Отчетливо помню, как ощутил сладость греха, когда мы выходили из часовни Святого Павла с поднятыми вверх сжатыми кулаками, как собирались у университетских солнечных часов в центре кампуса, чтобы послушать Радда и других ораторов. Вначале акция «Оккупай Гамильтон-Холл» после стычек на площадке для спортзала вызвала те же чувства. Те аудитории, где обычно властвовали спесивые профессора, теперь принадлежали нам. Взяв в заложники декана Генри Коулмана в его кабинете, мы ощутили свою силу. Но через несколько часов Общество студентов-афроамериканцев (SAAS), опасаясь, что SDS со своими пестрыми сторонниками отвлекает на себя внимание и задвигает SAAS на задний план, попросило нас, белых студентов, уйти. Мы не могли отказаться от этого недвусмысленного предложения и, выйдя из здания, разделились, чтобы провести акцию в других местах. Может быть, я возвращался в свою комнату в общежитии, чтобы помыться и переодеться, но через несколько часов мы с моим другом Чаком Бетеллом уже были в Файервезер в толпе магистрантов.

С этого момента протест у меня больше не перемежался посещением лекций и чтением. Теперь «революция» стала всем. Почти неделю мы жили как коммуна («Коммуна Файервезер») во всем ее сумбурном великолепии. Мы сформировали комитеты, отвечавшие за привозимую еду, уборку помещений, общение с жильцами других зданий и даже организацию временных занятий. Факультет, опасаясь нападений на нас со стороны контрдемонстрантов, организованных Коалицией большинства (мы их прозвали «качками»), сформировал наружные патрули с нарукавными повязками, чтобы узнавать своих. В какой-то момент рыжеволосый профессор вскарабкался на кафедру в большом зале, где мы все сидели на полу, и произнес жаркую и страстную речь о том, что мы предаем «революционную мечту»; как специалист по русской революции, он слишком хорошо понимал, сколь мало мы похожи на настоящих революционеров. В ответ Леопольд Хеймсон (это был он) получил презрительный свист, и еще несколько лет после этого случая он, вероятно, испытывал пси-

хологический стресс. Я помню также, как студентки Барнарда жаловались, что парни их считают вторым сортом; тогда, видимо, я впервые столкнулся с феминизмом.

А потом, ранним утром 30 апреля, нас пришли арестовывать полицейские. До штурма здания нас проинструктировали, как себя вести: мы могли либо взяться за руки и оказывать пассивное сопротивление, либо просто пойти в полицейский фургон. Я, совсем не героически, выбрал последнее. По обвинению в «преступном причинении вреда» нас отвезли в «Гробницы» (тюрьма предварительного заключения) на Сентер-стрит в Нижнем Манхэттене. Газета «Columbia Spectator» писала 30 апреля 1968 года: «Ночью было задержано более 700 студентов, в том числе 268 в Файервезер-Холле» [1968]. Я провел четыре-пять часов, неловко пристроившись в большом обезьяннике с еще сорока или пятьюдесятью другими протестующими, прежде чем меня выпустили под залог. Дорис Сигель, подруга моих родителей, которая жила неподалеку, заплатила залог и встретила меня, когда я вышел из «Гробницы».

Когда я вернулся в кампус, зрелище, которое открылось мне на выходе из метро у 116-й улицы и Бродвея, более чем компенсировало все неудобства моего недолгого заключения. Листовки приглашали на собрание в Зале Уоллмана для подготовки всеобщей студенческой забастовки. Объявляли об этом и развешанные по всему кампусу баннеры. На собрании, на котором я присутствовал, были утверждены шесть «не подлежащих обсуждению» требований, в том числе удаление всей полиции из кампуса, отставка ненавистного президента Грейсона Кирка и вице-президента Дэвида Трумэна, а также фундаментальная реструктуризация университета. Администрация, в свою очередь, на неделю отменила все занятия, объявив локаут, если говорить в терминах управления трудовыми ресурсами. Вместо формальных занятий на факультетах проходили свободные дискуссии. Объявление об одной такой не ограниченной по времени дискуссии «до последнего участника», проходившей 2 мая при участии профессора английского языка Эрика Бентли, известного антрополога Маргарет Мид, журналиста Мюррея Кемптона и других, читатель найдет в [1968].

Кампус превратился в фестиваль, место притяжения для радикалов и в какой-то мере туристическую достопримечательность. Туда уже приходили Х. Рэп Браун³ и Стоукли Кармайл, чтобы поддержать чернокожих студентов из SAAS. У Феррис-Бут-Холл выступали Grateful Dead. Заглянул туда и Том Хейден, живший тогда в Ньюарке, и другие ветераны антивоенного движения. Между тем новый релиз Rolling Stones, «Street Fighting Man», лучше всего выражавший наши мечты и желания, обошел даже их хит «Let's Spend the Night Together».

Однажды вечером, когда мы сидели в штабе забастовочного комитета, Радд спросил, знает ли кто-нибудь, как выглядит Норман Мейлер. Я никогда не встречал Мейлера, хотя был на вечеринке в его удивительной многоуровневой квартире в Бруклин-Хайтс, устроенной его дочерью Сьюзи, студенткой Барнарда. Но я видел его на фотографиях в газетах и на телевидении и поэтому вызвался пойти в бар «Уэст-Энд» на углу Бродвея и 114-й улицы, чтобы сопровождать его в кампус. Мейлер, известный эгоист, любил, как говорится, тусовку, а благодаря бунтующим студентам кампус Колумбии определенно достиг этого статуса. «Марк Радд, это Норман Мейлер; мистер Мейлер, Марк Радд». Так я пересекся с этим литературным львом.

Фестивальная атмосфера держалась до очередного «Оккупай Гамильтон-Холл» и второй вспышки протестов 22 мая⁴. Предвидя вторжение полиции в кампус, мы построили баррикады из полицейских заграждений на входах в кампус со стороны 116-й

³ Джамиль Абдулла аль-Амин (Х. Рэп Браун, р. 1943) — борец за гражданские права. Был пятым председателем Студенческого координационного комитета ненасильственных действий в 1960-х годах, непродолжительное время участвовал в деятельности «Черных пантер». Приговорен к пожизненному заключению на убийство в 2000 году заместителя шерифа округа Фултон. — *Примеч. ред.*

⁴ Эти события, включая сожжение Дж. Дж. Джейкобсом (которого я знал) плодов десятилетней исследовательской работы профессора Ореста Ранума с исторического факультета, Марк Радд и Ранум вспоминают в интервью Национального общественного радио (NPR) [Around the Nation 2010]. Радд описывает ту ночь следующим образом: «Полиция напала на студентов. У входов в кампус были построены баррикады. Это было похоже на войну».

улицы у Амстердам-авеню и Бродвея. С наступлением темноты полиция начала разбирать баррикады и медленно наступать на плотную толпу на улице. Как я оказался в первых рядах толпы, стоящей перед Амстердам-авеню, не знаю, но я столкнулся с некоторыми реально грозными на вид парнями из Тактического городского патруля (ТРП). Что плохо, мои товарищи из толпы позади что-то швыряли в копов (кирпичи? брусчатку?). «Зря они это делают», — сказал я себе, и, может быть, даже вслух. А затем в одно мгновение полицейские подняли дубинки и опустили их на спины и головы протестующих. Толпа качнулась назад. Я отступал вместе со всеми почти до самого конца Бродвея, но, увидев полицейского, избивающего беззащитного протестующего на Колледж-Уолк, я крикнул: «Эй, не имеешь права, так нельзя!» — или что-то такое же нелепое. В этот момент тяжелая дубинка опустилась мне сзади на голову. Я рухнул на землю и проснулся в больнице Св. Луки с раной, на которую потребовалось наложить двадцать три шва.

На всем протяжении беспорядков я старался держать родителей в курсе. Мама скрывала свое беспокойство под такими фразами, как: «Ну, Льюис, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь». Папа, который критиковал «новых левых» за то, что он называл отсутствием дисциплины, тем не менее сразу же вошел в родительскую группу поддержки. Там он нашел родственную душу: Лео Гурвица, режиссера-документалиста, чья приверженность борьбе с расизмом и фашизмом в 1930-х и 1940-х послужила причиной занесения в печально известные черные списки 1950-х и начала 1960-х годов. Родители, среди прочего, собирали деньги для юридической защиты студентов, обвиняемых во всем: от умышленного нанесения ущерба университетскому имуществу до развязывания беспорядков. Я не хочу минимизировать напряженность в отношениях между новыми и старыми левыми, что стало важной темой для 1960-х годов. Тем не менее, как видно из этого небольшого примера, общий язык всегда можно найти. Папа встряхнулся и пробудился к действию не только ради меня, но и ради общего дела, частью которого я стал. Я гордился им за это. Думаю, он тоже гордился мной.

Несколько мрачное празднование пятидесятой годовщины протестов в Колумбии не обошлось без замечаний об их расовой составляющей, в частности о том, как средства массовой информации склонялись к преуменьшению роли SAAS и преувеличивали роль SDS, состоявшей преимущественно из белых. Несколько бывших протестующих из белых признавались в «смешанных чувствах» по поводу их изгнания из Гамильтон-Холла прежними черными товарищами [Schuessler 2018; Katz 2018]. Я собаку съел в деле борьбы за интеграцию в кампусе, для которой характерно было межрасовое сотрудничество, и я бы тоже был недоволен. Сегодня я смотрю на это совсем по-другому. Благодаря их связям — реальным или воображаемым, не имеет значения — с Гарлемом SAAS взяла верх. Потому и администрация университета, и полиция с большой осторожностью относились к темнокожим студентам⁵. У нас, белых студентов, таких сторонников не было, разве только наша белая кожа, да и на эту привилегию в тех обстоятельствах внимания не обращали. Действительно, будучи ура-патриотами, нападавшие на студентов, выступавших против войны, на Уолл-стрит в мае 1970 года полицейские, вполне возможно, избивали нас как отступников от своей классовой принадлежности именно из-за того, что мы были белыми⁶.

Таким образом, мои размышления о «Колумбии-68» проистекают как из периодически возрождающейся активной памяти, так и из моего стремления профессионального историка реконструировать и анализировать прошлое. Я хотел бы остановиться на минутку, чтобы припомнить более широкий, глобальный контекст. Мы, протестующие студенты, знали тогда, что являемся частью всемирного движения против империализма, милитаризма и бюрократического диктата. Мы чувствовали солидарность

⁵ Как сказал пятьдесят лет спустя лидер SAAS Рэймонд Браун: «Мы знали, что мы [черные студенты] занимаем ключевое стратегическое место, что администрация университета не хочет нас угнетать, и это позволит продолжать начатое» [Bingham 2018].

⁶ Неожиданно за жестокость полиции принес извинения Бенджамин Уорд, тогдашний руководитель Совета по рассмотрению жалоб гражданских лиц при Департаменте полиции Нью-Йорка [Kantor 2018: 4].

не только с вьетнамскими крестьянами, сражавшимися против американских агрессоров, но и с «Черными пантерами» (к чьей риторике мы частично прибегали); с молодыми людьми в Праге, которые стремились к «социализму с человеческим лицом»; с членами германского SDS (Sozialistische Deutsche Studentenbund, или Социалистического союза немецких студентов), который сыграл ведущую роль во «внепарламентской оппозиции» в широкой коалиции, управлявшей тогда Западной Германией; с протестующими студентами и рабочими во Франции; и в некоторых случаях даже с участниками культурной революции в Китае, размахивавшими своими «маленькими красными книжками»⁷. Все мы так или иначе были вовлечены в действия, которые считали революционными, и, несмотря на различия в идеологии и иных ключевых моментах, считали себя частью одной и той же революции, которая вот-вот произойдет.

Нескольких лет не прошло, как стала понятна иллюзорность этих ожиданий. Тем не менее, я бы сказал, иллюзии необходимы для любых революционных потрясений, это суть революций, и поэтому так обычны фразы «неистовые революционные дни» и «упоеание революцией». Можно с неловкостью вспоминать о максимализме и оптимизме юношества, но все же есть повод гордиться тем, что я был частью этого времени с его межнациональной солидарностью. За последние годы я не раз сталкивался с *soixante-huitards*, нашими «участниками 68-го», и сразу ощущал родство душ. Всего несколько месяцев назад одна из моих бывших студенток, которая сейчас преподает в частной школе в пригороде Детройта, договорилась, чтобы я выступил перед ее классом с рассказом о студенческих волнениях шестидесятых годов, и я был счастлив, что могу поделиться собственным опытом и своими чувствами.

Но вернемся к непосредственным последствиям, поскольку приближался осенний семестр, и после лета, проведенного за нарезкой копченой лосося за прилавком супермаркета и изу-

⁷ Кстати о Франции; я отчетливо помню митинг в Колумбии, на котором кто-то с очень сильным французским акцентом кричал: «Если мы смогли свергнуть де Голля, вы, несомненно, можете вышвырнуть Грейсона Кирка!»

чением русского языка в Хофстре, я запутался в противоречивых чувствах. Джинне я писал 3 сентября:

Что касается Колумбии, все неопределенно... По сути, это внутренний конфликт между ученым и революционером. Я ненавижу революционеров, по крайней мере таких, как в Колумбии. Я разочарован во всем, от их бессмысленной риторики до снобизма. С другой стороны, и ученые, по-моему, просто убегают от реальной жизни, не имея ни цели, ни смысла. А это, — продолжил я с немалым пафосом, — означает, что я, вероятно, примкну к революционерам, буду бойкотировать занятия, продолжу забастовку, и кто знает, что еще?

Трудно сказать, насколько точно это письмо отражало реальное мое состояние в то время. Люди часто склонны добиваться расположения своих собеседников, и то, что Джинна без сочувствия относилась к уличным бойцам, возможно, и заставило меня дистанцироваться от «революционеров». Может, я и завидовал тем, кто казался более смелым или безрассудным, но, конечно, их не «ненавидел». Кто-то оставил бы политическую активность навсегда, но для многих из руководства SDS события в Колумбии послужили подготовкой к жизни профессионального революционера. Жозефина (Джози) Дьюк, которая появилась в кампусе как светская барышня, «устранилась» из Барнарда, чтобы круглосуточно агитировать новобранцев в Форт-Дикс, штат Нью-Джерси [Josephine 1969]. Изгнанные из Колумбии, Марк Радд и Джон Джейкобс (Джей Джей, как мы его называли) были среди одиннадцати подписавших «Манифест Синоптика»⁸, представленный на национальном съезде SDS в Чикаго в июне 1969 года⁹. Отко-

⁸ Манифест организации, распространенный на конвенции SDS в Чикаго 18 июня 1969 года. Этот документ призывал к объединению «белых боевых сил» с «Движением за освобождение черных» и другими радикальными движениями с целью добиться «уничтожения империализма США и формирования бесклассового коммунистического мира». — *Примеч. ред.*

⁹ Название манифест получил из слов «Не нужен синоптик, чтобы знать, куда дует ветер» из песни Боба Дилана «Subterranean Homesick Blues». Текст манифеста см. [Manifesto 1969].

ловшаяся от них группа, позже ставшая известной под названием «Weather Underground», в октябре запустила так называемую Национальную акцию («Дни ярости»). К 1970 году они вместе с несколькими другими исключенными из университета студентами ушли в бег. Тед Голд, любезный и прилежный человек, которого я знал довольно хорошо, не пережил 1970 год, погибнув вместе с двумя другими «синоптиками» 6 марта в результате случайного взрыва бомбы, которую они делали в таунхаусе в Гринвич-Виллидж. Выражаясь на жаргоне того времени, это было полное дерьмо. Когда это произошло, я был на последнем семестре программы бакалавриата. Стало совершенно ясно, насколько далеко я отошел от «борьбы».

Попытаюсь изложить, как и почему я сделал выбор между революцией и наукой, между уличными боями и учебой. 29 сентября 1968 года я написал заместителю декана по делам студентов Роберту Лодисине. Полное обиды и гнева, письмо обвиняло:

Это *вы* постоянно подавляете законное и повсеместное инакомыслие. Поэтому я утверждаю, что именно *вы* должны отвечать за почти тысячу студентов, нарушающих ваши правила. Ибо мы могли только сдаться или действовать так, как мы действовали. Наконец, это *вы* вызвали полицию и, следовательно, несете ответственность за насилие, которое за этим последовало.

Какой праведный гнев! «Декан Лосидиния [*sic*], — продолжал я, — где же ваше признание вины? ...Ваша мстительность (потому что я не знаю, как еще это назвать) не знает границ». Единственная проблема с этим гневным письмом, образчиком юношеского вызова, — в том, что, в отличие от многих моих товарищей по SDS, которые игнорировали угрозу исключения, я признал, что нарушил раздел 356 Устава университета, и потребовал снять обвинения, а также восстановить меня в качестве студента с хорошей репутацией. Почему? Разве я не писал Джинне, что присоединюсь к бойкоту занятий и продолжу забастовку? Кого я пытался обмануть? «Я ценю образование в Колумбии, несмотря на университетскую администрацию», — униженно признавался я декану. «По иронии судьбы, — добавлял я, — то самое заведение, которое

научило меня действовать по убеждению, а не по соображениям целесообразности, заставило меня сделать прямо противоположное, чтобы я мог оставаться студентом».

Мне было не по себе, когда я это писал, да и полвека спустя, когда я перечитываю это письмо, меня передергивает. Что бы случилось, если бы я был посмелее и отказался играть по правилам? Присоединился бы я к «синоптикам», ушел в подполье, ушел в бега? Так ли уж я «ценил образование в Колумбии», или просто боялся призыва и отправки во Вьетнам¹⁰? На последнем курсе я на самом деле получил повестку и отправился в Форт-Грин в Бруклине на медосмотр. Там психиатр, сочувствующий антивоенному движению, нашел у меня (реальный) дерматит на руках и преувеличил диагноз, заявив о нервном расстройстве, которое требует наблюдения и лечения. В Оксфорде я нашел такого же сочувствующего доктора, который согласился с этой уловкой и периодически отправлял медицинские отчеты в призывную комиссию.

Может, я написал то письмо, но не отправил. Если я его отправил, почему оно у меня? Это не может быть фотокопия, поскольку такой технологии тогда еще не было, да и не выглядит оно как копия. Может, администрация все-таки решила меня амнистировать, избавив тем самым от необходимости подавать ходатайство о восстановлении¹¹? Большинство участвовавших в протестах студентов получили амнистию; решение, которое можно истолковать либо как уступку, либо как умный маневр, обезглавивший движение¹².

¹⁰ Перечитывая старые выпуски «Спектейтора» чтобы вспомнить события 68-го года в Колумбии, я наткнулся на статью Роберта Аста, который в 2008 году спрашивает: «Являются [sic] ли требования студентов об амнистии попыткой узаконить их право на протест, или они просто старались прикрыть свои задницы?» [Still 2008].

¹¹ 6 октября 1968 года я написал Джинне: «Слушание по моему вопросу отложили (снова) до 20 ноября, и я до сих пор не ответил на письмо декана с просьбой сообщить о своем решении, а то меня исключат». Кажется, я пустил дела на самотек, хотя это и было чревато риском, пусть и небольшим.

¹² Хуан Гонсалес, харизматичный член координационного комитета SDS, позже репортер и обозреватель «New York Daily News», а также соучредитель и соведущий Эми Гудман в «Democracy Now!», недавно отмечал в связи с протестами

Появились новые лидеры, занявшие место Радда и компании. Стью Гедал, вместе с которым я общался с группой взволнованных родителей в Грейт-Нек летом 68-го, и Робби Рот остались в кампусе, чтобы возглавить блокаду зданий и забастовки сотен студентов. Но это были гораздо менее масштабные, хотя и не менее воинственные действия, и тот факт, что я не могу вспомнить, участвовал ли я в них, говорит о том, что я от этого всего постепенно отошел. Конечно, я продолжал ходить на собрания SDS и изредка — на демонстрации у Солнечных часов. Не отказываясь совсем, я принимал все меньшее участие в этих акциях, возвращаясь к своей ученой ипостаси. Я принимал некоторые психотропные вещества (в основном спиды), приударял за девушками из Барнарда и углублял свои познания в классической музыке. Я даже играл в теннис на корте с грунтовым покрытием, расположенном напротив Джон-Джей Холла в самом центре кампуса. Мой соперник Мануэль (фамилию не помню) в событиях 68-го года не участвовал.

Поскольку по сути своей я считал себя человеком политическим, я специализировался в области политических наук (тогда этот предмет в Колумбии назывался «государственное управление»). Некоторые аспекты меня крайне увлекли, в первую очередь курс лекций по разделу CC1023–1204, который на втором курсе читал Стивен Ф. Коэн¹³. Коэн, тогда почти тридцатилетний и в шаге от защиты докторской, дал нам довольно эклектичный список обязательной литературы. В своих конспектах я отмечал юношеский гуманизм Карла Маркса (например, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»), его «социологию буржуазного

стами 68-го года: «В конечном счете, мы добились всего, что хотели. Мы остановили постройку спортзала. Мы заставили университет разорвать связи с IDA. Большинство протестующих были амнистированы, а Грейсон Кирк ушел в отставку в августе» [Bingham 2018].

¹³ Стивен Фрэнк Коэн (англ. Stephen Frand Cohen, р. 1938) — американский историк, занимающийся изучением истории СССР. Эмерит-профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов. Основной темой его работ является развитие Советской России после Октябрьской революции 1917 года, а также отношения с Соединенными Штатами. — *Примеч. ред.*

общества» и поздний интерес к России, ревизионизм Эдуарда Бернштейна («практиковался задолго до того, как его теоретизировали»), российское самодержавие и радикализм XIX века от Михаила Бакунина и Николая Чернышевского до народников и Георгия Плеханова, «рерадикализацию» марксизма В. И. Лениным вплоть до революции 1917 года, борьбу преемников, сталинскую «революцию», борьбу Жоржа Сореля с дерадикализацией марксизма в Западной Европе, а затем понемногу делал записи о Фридрихе Ницше, Максе Вебере и Роберте Михельсе. Мои последние заметки к курсу датированы 16 января 1968 года и включают в себя следующие замечания: «Вебер и Михельс объясняют бюро в России, приход Сталина к власти, не могут объяснить действия Сталина после того, как он получил власть, которые были по сути иррациональными и активными, а не рациональными и консервативными». Значит, Коэн привлекал крупнейших европейских социальных теоретиков девятнадцатого и начала двадцатого веков, чтобы проанализировать сталинскую реформу большевистской революции. Как увлекательно! И всего несколько слов (по крайней мере, в моих конспектах) о Николае Бухарине, который стал героем первой и самой известной книги Коэна [Cohen 1973]¹⁴.

Весенний курс (СС 1204) состоял из четырех разделов: массовая политика в индустриальном обществе; коммунизм, фашизм и тоталитаризм; революция и модернизация; Америка в постиндустриальную эпоху. Список литературы для чтения сильно вырос. По «Революции и модернизации» Коэн включил в список «Социальные истоки диктатуры и демократии» Баррингтона Мура, «Партизанскую войну» Че Гевары, «Проклятьем заклеенных» Франца Фанона, «Да здравствует победа Народной войны» Линь Бяо и, видимо, чтобы представить и другую сторону, статью Сэмюэля Хантингтона из «World Politics» за 1965 год. По «Америке в постиндустриальную эпоху» мы должны были прочитать

¹⁴ В 1965 году Коэн и его наставник Роберт С. Такер опубликовали книгу о процессе над Бухариным в марте 1938 года, основанную на официальной стенограмме процесса [Cohen 1965].

«Новое индустриальное общество» Джона Гэлбрейта, «Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» Ральфа Дарендорфа и на выбор одну из следующих книг: «Признания Ната Тернера» Уильяма Стайрона, автобиография Малколма Икс, «Никто не знает моего имени» Джеймса Болдуина или «Юнец в земле обетованной» Клода Брауна.

По прошествии трех месяцев этого курса кампус разразился студенческими протестами. Ирония, если учесть одну из причин этих протестов, заключалась в том, что только книги афроамериканцев или книги о них остались непрочитанными. «Социальные истоки...» Баррингтона Мура произвели на меня едва ли не самое сильное впечатление. Структуралист Мур со своим широким анализом роли «господ и крестьян в создании современного мира» будет появляться в нескольких учебных планах на протяжении всех моих студенческих лет. «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта стояло на моей полке нетронутым в течение десятилетий, пока около десяти лет назад я не стал набрасывать статью о принципах, регулирующих советскую архитектуру и градостроительство в 1960-х годах; тогда я снова обратился к этой книге и нашел аргументы автора в пользу конвергенции систем довольно убедительными [Siegelbaum 2013].

В отличие от многих других преподавателей, Коэн поддержал студенческую забастовку. Возможно, я еще не слышал тогда о выражении «образец для подражания», но он был для меня именно таковым, отчасти, я полагаю, из-за его молодости, но в основном потому, что мне нравилось то, как он преподавал политическую историю. Не думаю, что его еврейство имело большое значение, но в той степени, в которой этническая принадлежность, раса или пол позволяют меньшинствам и женщинам легче отождествлять себя с вдохновляющими их учителями, диверсификация преподавательского состава в этом направлении, безусловно, оправданна. Хотя я и оставил политические науки — а точнее, сбежал от них, — после отъезда из Колумбии политическая история в изложении Коэна оставалась для меня привлекательной, и я продолжал считать его своим наставником. Апофеоз его славы пришелся на конец 1980-х годов, когда Михаил Горбачев

прочитал биографию Бухарина и признал, что это коренным образом изменило его понимание советского прошлого и возможностей для экономической реформы. В 1990-х годах Коэн стал чем-то вроде медиазвезды, часто появляясь в вечерних новостях и на страницах ведущих газет, чтобы помочь американцам понять события, происходящие в постсоветской России. Совсем недавно его яростное неприятие жесткой позиции администрации Барака Обамы по отношению к России В. В. Путина сделало его отщепенцем в кругу комментаторов. Казалось, он наслаждался своей ролью «плохого парня» или жертвы господствующего большинства, не переносящего инакомыслия, и это меня немного от него отдалило, но я по-прежнему принципиально уважаю этого человека и продолжаю поддерживать с ним контакт.

После коэновских лекций больше всего для меня значил курс Джозефа Ротшильда по Восточной Европе (Государственное управление G6435: политические и институциональные изменения в Восточной и Центральной Европе). Ротшильд убедительно доказал, что последовательное подчинение Чехословакии, Польши и Венгрии авторитарной диктатуре, фашизму и коммунизму, при всех различиях, было процессом взаимосвязанным¹⁵. Получатель стипендии Келлетта, благодаря которой он оказался в Оксфорде, он и меня выдвинул номинантом на ее получение. К сожалению, я не поддерживал связь с этим гениальным человеком, который скончался в 2000 году в возрасте семидесяти лет.

У меня также возникло неожиданное странное увлечение курсом Роджера Хилсмана по международным отношениям. Хилсман приехал в Колумбию после работы в качестве помощника государственного секретаря по делам Дальнего Востока в администрации Джона Ф. Кеннеди, где играл важную, хотя и противоречивую роль в формировании политики в отношении Вьетнама.

¹⁵ У Ротшильда к тому времени вышла книга о Пилсудском [Rothschild 1966]. В 1974 году он издал книгу «Восточная Центральная Европа между двумя мировыми войнами» [Rothschild 1974], а в 1989 году — «Возврат к разнообразию: политическая история Восточной и Центральной Европы после Второй мировой войны» [Rothschild 1989]. Читаемый им курс, таким образом, предвещал его карьеру как ученого.

Он оказался в Колумбии вскоре после убийства Кеннеди, потому что, по его утверждению, был противником эскалации войны президентом Линдоном Джонсоном. Единственное из его списка обязательного чтения, что я могу вспомнить, — книга «Сдвинуть страну», его собственный рассказ о «внешнеполитическом процессе в администрации Джона Ф. Кеннеди» [Hilsman 1967]. Об этом курсе помню еще две вещи: Хилсман, рассказывающий нам о своей отчаянной храбрости, которую он проявил как один из «мародеров Меррилла» во время войны с Японией, и то, что он пригласил всех нас к себе на ужин (единственный мой опыт такого плана за все четыре года в университете).

Курс «Политические системы революционных и постреволюционных обществ» Мишеля Оксенберга, который я прослушал осенью 1968 года, занимает особое место в моем образовании. Поскольку мы, студенты, тогда пытались устроить свою собственную революцию, курс привлек много слушателей, как привлек бы любой другой со словом «революционный» в названии. Досадно, что Оксенберга гораздо больше заботили не Маркс и Мао, а Вебер, Эмиль Дюркгейм и Тэлкотт Парсонс и что, как только культурная революция в Китае достигла своего пика, он начал превозносить Крейна Бринтона¹⁶, который скептически отзывался о возможности перманентной революции [Brinton 1965]. Студенты нередко прерывали лекции Оксенберга выкриками «чушь собачья» (тогдашний знаменитый эпитет Марка Радда), демонстрируя свое недовольство. Глядя сейчас на учебную программу и свои конспекты, вижу, что курс этот был вовсе не таким возмутительным, как в то время казалось. То ли времена изменились, то ли изменился я сам. Возможно, и то и другое, хотя сегодня, как и тогда, мы сталкиваемся с вызовами — безусловно, очень разными — гегемонии глобального либерального порядка. Несколько лет спустя

¹⁶ Крейн Бринтон (англ. Clarence Crane Brinton, 1898–1968, Кембридж) — американский историк, один из крупнейших специалистов по истории идей, профессор Гарвардского университета. В 1938 году им опубликована книга «Анатомия революции» (The Anatomy of Revolution), обобщающая опыт четырех революций: английской, американской, французской и русской. — *Примеч. ред.*

Оксенберг покинул Колумбию и отправился на более высокооплачиваемую и более привлекательную работу в Стэнфорд, затем в Совет национальной безопасности при Джимми Картере, где он служил «правой рукой» по связям с Китаем у советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского. Об Оксенберге сказано у Льюиса в некрологе [Lewis 2001].

Подобный круговорот научной работы и работы на правительства в «реальном мире» был типичен для карьеры многих преподавателей, которые стояли передо мной на кафедре. Уорнер Шиллинг, который, как известно, выступал против оккупации зданий студентами в 1968 году; Бжезинский, который отказался позволить мне закончить его курс «Динамика советской политики» весной 1970 года, когда мы снова начали забастовку; Алекс Даллин, который читал курс советской внешней политики; эксперт по Китаю А. Доак Барнетт, который был докторантом Оксенберга, — у всех был опыт государственной службы, в прошлом или в будущем. Таким образом, предмет «государственное управление», который я изучал, готовил студентов к карьере в правительстве или в качестве политических советников, по стопам наших профессоров. Возможно, в другое время, скажем, десятью годами ранее или позднее, я бы наслаждался возможностью оказаться так близко к рычагам власти. Но в конце шестидесятых и особенно после событий 68-го они оказались дискредитированы сотрудничеством с властью, и моя близость к ним, казалось, меня компрометировала.

У многих из этих профессоров занимался мой одноклассник Дов Закхайм, который, как и я, поступил в Колледж Св. Антония осенью 1970 года на стипендию Келлетта. Несмотря на то что в колледже было не более шестидесяти-семидесяти студентов, наши пути там редко пересекались. Ортодоксальный еврей, Закхайм занимался изучением того, как можно сделать войну более успешной и прибыльной. Получив степень доктора философии, он преподавал в Иешива-университете и Национальном военном колледже, работал в Министерстве обороны при администрации Рональда Рейгана и, как и те многие, кому он служил, связал свою судьбу с Джорджем Бушем в кампании 2000 года.

С 2001 по 2004 год он занимал должность ревизора в Министерстве обороны, заседал в советах различных правых аналитических центров и редакциях журналов, а в 2010 году ушел в отставку с поста старшего вице-президента Booz Allen Hamilton, Inc., крупного государственного подрядчика.

Дов Закхайм также помог мне разобраться в себе: я был не Дов Закхайм. В отличие от его версии иудаизма, моя основывалась не на религиозных обрядах, а на осознании духовного наследия. Я вдохновлялся евреями, которые вышли за пределы своей этнической и религиозной инаковости, чтобы бороться с социальной несправедливостью. Не помню, когда именно я наткнулся на формулировку Исаака Дойчера «нееврейский еврей», но она явно была моим талисманом летом 1970 года, когда я посетил Израиль с Мелейн, моей девушкой из колледжа, которая собиралась там учиться. Всякий раз, когда я читал эту книгу [Deutscher 1968], она отзывалась в душе.

Я хотел быть таким евреем, как Генрих Гейне, Роза Люксембург, Лев Троцкий, Зигмунд Фрейд и Исаак Дойчер, — безродным космополитом! Кроме того, политическое образование, которое Закхайм получил в Колумбии, стало отправной точкой карьеры в правительстве, а у меня все больше вызывало раздвоение личности. У меня был как бы один словарь для общения с друзьями, семьей и сокурсниками, и другой — для разговоров о политологии. Физики, химики и другие естествоиспытатели могут терпеть такого рода радикальное разделение, но я не хотел превращать людей в предметы научного исследования. Я хотел углубить свое знание марксизма и понимание того, что сделало его столь мощной революционной силой. Может быть, в этом и заключался ключ к разрешению дилеммы между революционером и ученым. Может быть, я мог быть и тем, и другим.

Именно такая возможность представилась в осеннем семестре старшего курса в Колумбии, когда туда приехал преподавать в аспирантуре по социологии французский философ Люсьен Гольдман. Его курс, G4068x, предусматривал огромный список для обязательного чтения, который до сих пор у меня. Он начинался с Маркса («Тезисы о Фейербахе», первый том «Капитала»

и предисловие к «Критике политической экономии»), затем следовали «Немецкая идеология» и «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса; «Анти-Дюринг» Энгельса; «Эволюционный социализм» Бернштейна, который я уже читал на курсе Козна; «Что делать?» и «Государство и революция» «Lénine» (я цитирую из списка); «Реформа или революция и русская революция» Розы Люксембург; «Уроки Октября» и «Новый курс» Троцкого; труды Дьёрдя Лукача, Карла Корша, Антонио Грамши, Луи Альтюссера, Гольдмана, Сержа Малле и Раймонда Арона. Галочками отмечены те, которые я прочитал, и они стоят рядом с каждым пунктом, кроме Лукача и Корша, потому что Гольдман включил в список их немецкие издания. Сомнительно, чтобы я на самом деле читал «Recherches dialectiques» Гольдмана и «La nouvelle classe ouvrière» Малле, хотя следует добавить, что в течение года я читал «Историю и классовое сознание» Лукача.

Мне все еще помнятся эти промозглые, бессолнечные среды, дни с предощущением зимы, повисшем в воздухе. Я вместе с почти сотней других учеников плетусь в Хавемейер-Холл, желая впитать мудрость этого гениального человека, который, к сожалению, едва ли проживет еще год. Я покорно записывал то, что едва понимал: «Механический материализм предполагает, что Человек — это машина. Если это так, мы должны спросить, что делает машину негодной и как ее можно заменить?»; «Разница между чувственной деятельностью и мыслительной деятельностью — это деятельность человека, которая является объективным процессом (деятельностью)»; «Максимально возможное сознание, которым обладает группа, может быть определено как то, за пределами которого группа меняет свою природу». И, сразу же после этих неясностей, другое: «Крестьяне, например, не могут сразу воспринять идею кооперации. Таким образом, Ленин поддержал движение за захват земли».

Гольдман изрекал эти максимы на английском с сильным акцентом, обильно сдобренным французским и галлицизмами. Рядом с кафедрой всегда стояла пара аспирантов, которые переводили задаваемые вопросы на французский, чтобы маэстро мог их понять, а затем, как правило, переводили на английский его

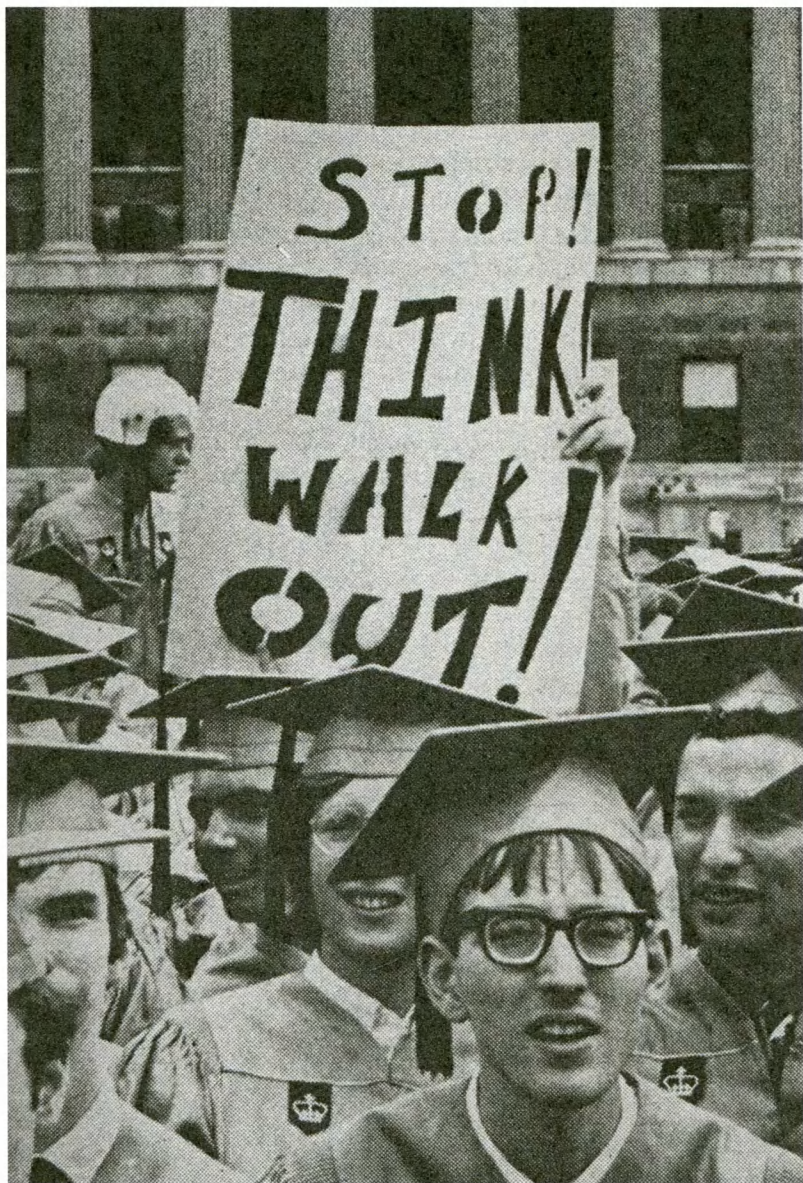
длинные ответы на французском. Я написал курсовую работу на тему «Коллективный субъект и товарный фетишизм в марксистской мысли», опираясь на некоторые работы Маркса, дополненные Георгом Лихтхеймом и «Основными течениями в социологии» Арона¹⁷. За курс я получил четверку, может быть, слишком щедрую оценку. Поскольку гольдмановская версия социологии звучала на языке — с сильной примесью Декарта к тому же, — который мне было трудно понять и принять¹⁸. История, полагал я, позволяет мне говорить своим собственным голосом, даже когда я вступаю в диалог с голосами из прошлого.

Здесь стоит уточнить, что я подразумеваю под «своим собственным голосом». Я имею в виду именно поиск связей с «голосами из прошлого». Выход за пределы собственного опыта в пространстве настоящего, в котором вы присутствуете, кажется — и, насколько я помню, всегда казалось, — наилучшим способом преодолеть свою смертность. Связь с людьми, которые были до нас, — их артефактами, их культурой, их словами, — радикально расширяет наше представление о том, кто мы такие и на что мы способны. История как наука, как я начал считать, уже будучи студентом, способна на это лучше, чем что-либо иное. Теперь я мог бы добавить, что антропология и великая художественная литература тоже обладают такими возможностями.

По мере того как я обретал собственный голос, постепенно и мучительно обретало зрелость мое «я». К лету 69-го мои письма Джинне были заполнены новостями о репрессиях против «Черных

¹⁷ Много лет спустя я опубликовал статью в информационном бюллетене Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, где вернулся к этой теме, на этот раз с точки зрения ее присутствия в историографии Советского Союза и бывшей коммунистической Восточной Европы [Siegelbaum 2013b]. Я совсем забыл (или не совсем?) о своих прежних вылазках на эту территорию.

¹⁸ Французский социолог Дидье Эрибон в своих воспоминаниях упоминает Гольдмана как «социолога, который в основном — и, возможно, несправедливо — в наши дни забыт, но который был в то время чрезвычайно важен». Вместе с Карлом Коршем и «рядом других авторов», считает Эрибон, Гольдман «придерживался открытой, недогматической формы марксизма» [Eribon 2013: 181].



Фото, сделанное в Колумбийском университете. "Newsweek", 15 июня 1970 года. Я справа. Фото Бернарда Готфрида

пантер» и внутренних распрях в SDS («Они в полной заднице, и это только начало»). «Многие из моих друзей по университету сейчас отбывают 30-дневный срок», — добавил я, вероятно, имея в виду Стю Гедала и немного преувеличивая. Также я упомянул «гребаную “четверку”», которую мне поставил Северин Бялера по курсу коммунистической политики, «курсу с устным экзаменом... ублюдок!». Значит, я все-таки волновался об оценках.

1 июня 1970 года Колумбийский университет чествовал нескольких ученых и одного назначенца президента Ричарда Никсона, Артура Бернса, руководителя Федерального резерва. Несколько сотен выпускников в знак протеста покинули церемонии вручения дипломов и провели свою собственную, потому что президент Эндрю Кордье отклонил просьбу о включении в число ораторов историка из Бостонского университета и антивоенного активиста Говарда Зинна, защитившего диссертацию в Университете Колумбии в 1958 году¹⁹.

Я попал в кадр фотографа из «Newsweek» в начале альтернативной церемонии.

¹⁹ Зинн более всего известен своей «Народной историей США» [Zinn 1980]. Опубликовал также книгу о вьетнамской войне «Вьетнам: логика отступления» [Zinn 1967].

Глава 3

Оксфорд и Москва

Лето 1970 года я провел в Западной Европе с Мелейн, своей девушкой из Барнард-колледжа, с которой я познакомился в классе Джозефа Ротшильда. С другой парой из колледжа, Ричем и Бобби Полтон, мы отлично провели полтора месяца: катались на их почти новом «фольксвагене-1600» по Франции, Италии, Швейцарии и Испании, ночевали в хостелах и сполна отдавали в каждом местечке дань местным красотам и кулинарии¹. Потом мы с Мелейн поехали в Израиль, где она должна была поступить в Еврейский университет в Иерусалиме, и после нескольких неловких недель, проведенных в стране, которую я не понимал и не любил, я улетел в Лондон, чтобы за несколько дней отойти от поездки, прежде чем сесть на уютный английский поезд до Оксфорда.

Пока мы открывали для себя Европу, скончался Джордж Селл, дирижер Кливлендского оркестра, один из титанов классической музыки. Поскольку в своих музыкальных пристрастиях я тогда перешел от рока к классике, меня буквально приводили в восторг записи Селла с симфониями и фортепианными концертами Мо-

¹ Ричард Полтон недавно вспомнил случай из этой поездки: «...на юге Франции... мы решили остановиться на большой парковке, где не было ни одного дерева, даже какой-нибудь палки, поднимающейся над уровнем земли... День был жаркий и очень солнечный. Когда мы подъехали к магазину, Мелейн крикнула с заднего сиденья: “Ричард, обязательно припаркуйся в тени”. Тень? Какая тень? На милях вокруг там и намек не было на тень. Мы все истерически расхохотались. Как я помню, ты просто обалдел. Тем вечером Бобби и я посмотрели друг на друга и сказали: долго их отношения не протянут. Мы угадали» (электронная почта от 17 октября 2018 года).

царта. На последнем курсе Колумбийского университета я отправился в Кливленд, где Мелейн хотела представить меня своим родителям, и там я побывал на выступлении оркестра Селла в Северанс-Холле. Так что оркестр и его дирижер связаны у меня с тем, что было, увы, по крайней мере для меня, платоническим студенческим романом. Смерти Селла суждено было стать предзнаменованием. Примерно через три месяца после начала учебы в Оксфорде Мелейн приехала меня проводить и казалась какой-то сдержанно холодной. В одном из писем после возвращения в Израиль она написала, что встретила кого-то в группе иврита, и на этом наши отношения — достаточно серьезные, чтобы даже внушить мысли о браке, — закончились.

Мой приезд в Лондон совпал с уходом другой музыкальной легенды. 18 сентября 1970 года Джимми Хендрикс умер от передозировки в своей квартире в Ноттинг-Хилле, всего в двух милях к северу от Эрлз-Корта, где я проводил ночи. Гибель Хендрикса казалась отголоском той американской жизни, которую я оставил позади. Его уход, да еще лекция польского философа в изгнании Лешека Колаковского (1927–2009) о пороках коммунизма — вот и все, что осталось в памяти от тех первых дней в Колледже Св. Антония, главном оксфордском заведении по регионалистике. Намереваясь специализироваться в советологии, я присоединился к разнородной группе молодых ученых из Израиля, Индии, Австралии и Англии. Среди них были Габи Городецкий, Марк Харрисон и Мадхаван Палат, которые оставались моими друзьями еще долго после того, как мы все сделали карьеру в истории и экономике в самых разных уголках мира. Марк и Мадхаван уже имели дело с оксбриджским подходом к высшему образованию, где на семинарах каждый студент защищает написанную работу перед тьютором, который назначает тему. Ни у Габи, ни у меня такого опыта не было. Я посещал некоторые лекции для студентов бакалавриата, но исключительно на добровольной основе, и обнаружил, что оно того не стоит. Оказалось, что ядро подготовки выпускников в Оксфорде состоит из серии лекций или семинаров, организованных различными центрами и проводимых как местными самородками, так и гостями, нередко зарубежными.

На первом курсе я жил в доме 5 на Винчестер-роуд, улице трехэтажных домишек. Те, что на западной стороне улицы, при-
 мыкают к территории колледжа. На первом этаже, помимо моей
 однушки, были квартиры Джорджа Бергстрема и Джоанны Де
 Гроот. Джорджа отличало то добродушие, что характерно для
 американцев за границей; это мне показалось привлекательным
 и перевесило все различия в наших политических взглядах (или,
 скорее, то, что в его случае было безразличием к политике). Джо-
 анна и ее младшая сестра Люси, которая тогда училась в другом
 оксфордском колледже, разделяли мои политические взгляды.
 Джоанна в будущем станет одним из ведущих британских экспер-
 тов по истории Ирана, а также активистом Союза университетов
 и колледжей. Миссис Аллардис, прямая, лишенная всяких сенти-
 ментов шотландка, служила в нашем здании «дозорным», что
 означало, среди прочего, что она заправляла наши кровати и со-
 держала в порядке наши комнаты (и нас самих).

Мой разрыв с Мелейн прервал это очаровательное и безуслов-
 но вольготное существование. В порыве ярости и ненависти
 к себе я нанес себе рану, сдавив бутылку так сильно, что она
 разбилась и глубоко порезала левую ладонь. Безутешный в своем
 горе, в конце первого семестра я улетел обратно в Штаты, чтобы
 провести месяц с родителями. Они временно переехали в Уэст-
 боро, штат Массачусетс, куда по работе был направлен отец. Мне
 пришлось съехать с Винчестер-роуд, и, вернувшись на весенний
 («Троицын») семестр, я поселился на улице Сен-Бернар, узкой
 и извилистой, идущей от другой стороны колледжа к рабочему
 району Иерихон. Здесь я жил этажом ниже Габи, который, несколь-
 кими годами ранее приехав из Израиля, достаточно хорошо
 устроился. Больше ни у кого из моих знакомых не было машины
 и телевизора. Мы проводили вечера, смотря серии «Летающего
 цирка Монти Пайтона», реже — ездили на его десятилетнем
 «фольксвагене» в Грейт-Тью и другие, до крайности изящные,
 деревушки Котсуолдса. Нас крепко связало то, что мы оба нелов-
 ко чувствовали себя среди старших студентов, а также общий
 интерес к русской истории и классической музыке (в случае Габи
 интерес подкреплялся его опытом игры на кларнете).

Что подпитывает дружбу? Мы с Габи дружили еще много лет после того, как разъехались. Но потом она сошла на нет. Исчезли ли прежние узы под натиском возникших различий в политических взглядах и культурных вкусах? Или это просто случайность — после первой поездки в Израиль в 1970 году я никогда не отважился поехать туда снова, а когда мы с Габи встретились в один из его нечастых приездов в Штаты, в том числе во время поездки в Ист-Лансинг, которую я помог организовать, нам не удалось преодолеть неловкость, возникшую в наших отношениях. Напротив, моя дружба с Ивом Шарби, который приехал из Парижа писать диссертацию по истории французской демографической теории, с годами только крепла. Ее не нарушила даже чрезвычайная общительность Ива: это навык, как он однажды объяснил, без которого не мог бы обойтись приехавший во Францию из Туниса еврейский мальчик шестнадцати лет без каких-либо связей. Многие Сигельбаумы пользовались гостеприимством его и его жены Вероники, и я несколько раз принимал Ива у себя в Ист-Лансинге.

Гораздо позже возникла дружба с Марией (Меной) Филоменой Моникой из Португалии, которая написала диссертацию по социологии, а затем вернулась на родину, чтобы занять должность в Лиссабонском университете. Эта потрясающе привлекательная женщина, всего на четыре года старше меня, но намного опытнее в жизни, меня просто поразила. Когда мы встретились, у нее были муж (с которым они уже почти расстались) и двое детей, о которых заботилась ее зажиточная набожная католическая семья в Лиссабоне. Хотя она никогда не отвечала мне взаимностью, она, по крайней мере, терпела мои знаки внимания, тем временем выстраивая теплые, пусть и платонические, отношения с Габи. Как она написала в своих мемуарах, у нее было довольно много поклонников, каждый из которых превосходил другого (и, конечно, меня!) в учтивости [Mónica 2005]. Я потерял связь с Меной после того, как покинул Оксфорд, и увидел ее снова только через тридцать пять лет, впервые приехав в Лиссабон. После этого мы начали переписку, которую я ценю за взаимную откровенность и привязанность.

Привилегированное, в сущности роскошное, существование, которое я вел в Оксфорде, включало и занятия спортом — видами как знакомыми, так и незнакомыми. Я никогда бы не тратил время на футбол, игру, правила которой я едва знал, если бы меня не обманул Роджер Бру, англичанин, который изучал Латинскую Америку.

Вот как мы поговорили как-то вечером в комнате отдыха первокурсников:

РОДЖЕР: Льюис, ты в баскетбол играешь?

ЛЬЮИС: Ну да.

РОДЖЕР: Мы собираем команду, и нам нужен кто-то, кто умеет прыгать, кто-то с сильными руками.

ЛЬЮИС: Согласен.

РОДЖЕР: Класс! Будешь голкипером в нашем футбольном клубе.

ЛЬЮИС: А?

Навряд ли я сыграл больше пары игр. Думаю, мы проигрывали, но не расстраивались². Теннис мне был роднее, и впервые в жизни я мог играть на травяных кортах в близлежащих университетских парках, бесплатно, когда бы я ни захотел и смог убедить кого-нибудь поиграть со мной. Я нашел добровольного партнера — Дика Менакера, еще одного племянника Пита и Энге, который учился на курс старше в Колумбии, а потом в Оксфорде. Дик играл в одиночных играх в Колумбии, надев специальное приспособление на протез правой руки, чтобы подавать мяч. Он играл яростно и более чем умело, и тот день, когда мне удалось победить его на этих прекрасных университетских кортах, возможно, стал кульминацией моей карьеры теннисиста. Когда дело доходило до политики, Дик не был похож на своих дядей. Он был сторонником либерализма, который я инстинктивно отвергал за пренебрежение социальной несправедливостью и излишние опасения по отно-

² Роджер Бру (1947–1979) получил степень в 1974 году, затем поступил на госслужбу в Англии, работал в Министерстве международного развития. Он трагически погиб в Колумбии. Семинар по истории Латинской Америки в Оксфорде назван в его честь [St. Antony 2017].

шению к коммунизму. Либералы были у власти не только в Вашингтоне, но и в научных кругах, в судах и в корпоративной Америке. Дик, студент-юрист в Оксфорде, казалось, слишком хотел присоединиться к «правлящей элите» Ч. Райта Миллса. Если подумать, я благодарен Дику и его коллегам, потому что они помогли мне лучше понять себя. Они заставили меня понять, что я не мог бы вписаться в их круг.

Но почему же я выбрал Оксфорд, прямую дорогу в истэблишмент? Помимо стипендии Келлетта, я отправился в Оксфорд, чтобы сбежать от политологии и из Соединенных Штатов. Когда выяснилось, что я могу продлить свою магистерскую программу, чтобы получить степень доктора философии, PhD (или DPhil, как выражаются британцы), по окончании двух оплаченных стипендий лет я решил остаться и начал искать дополнительное финансирование из Оксфорда. Я получил ежегодно возобновляемый кредит, который покрывал плату за обучение, и еще немного оставалось. Я всегда предполагал вернуться в Штаты после получения степени, но иногда задумываюсь, насколько отличались бы мое высшее образование, самосовершенствование (то, что немцы называют *Bildung*) и последующая карьера, если бы я уехал в Беркли, Принстон или куда-нибудь еще.

Здесь уместно будет привести воспоминания Шейлы Фицпатрик³ о ее «аспирантских» годах и отметить то, как похожи были наши пути, хоть мы и двигались в противоположные стороны [Fitzpatrick 2014]. Шейла начала в Мельбурне, затем отправилась в Колледж Св. Антония в Оксфорде, после чего она получила должность в Колумбийском университете. Я начал с Колумбии, получил степень в Колледже Св. Антония, а затем, примерно семь лет спустя, начал преподавать в Мельбурне. Хотя у нас был совершенно разный опыт и темперамент, мы оба чувствовали неловкость по отношению к преподавателям. Среди них был Макс Хейворд,

³ Шейла Фицпатрик (англ. Sheila Fitzpatrick, p. 1941) — американский историк, советолог. Почетный профессор имени Бернадотт Э. Шмитт (англ. Bernadotte E. Schmitt Distinguished Service Professor) Чикагского университета. — Примеч. ред.

руководитель диссертации Шейлы и мой «моральный наставник» после того, как меня первоначально приписали к Теодору Зельдину. Французский историк Зельдин создавал атмосферу эксцентричности, чрезмерной даже для Оксфорда. Хейворд сменил Зельдина вскоре после моего приезда, потому что мне нужно было дополнительно обучаться русскому, а он перевел «Доктора Живаго» (вместе с Маней Харари), стихи Владимира Маяковского, Анны Ахматовой и многих других великих поэтов. Холостяк, он напоминал мне Ричарда Бертона, и не только из-за его предполагаемой любви к бутылке. Он казался застенчивым и в качестве морального наставника нимало не интересовался ни моей моралью, ни нравственностью [Fitzpatrick 2014: 12–15, 267–269, 338–339]. Мы встречались в его просторной квартире над Русским центром на Чёрч-Вок. Он просил меня прочесть что-нибудь вслух по-русски, пару абзацев, а затем я переводил этот кусочек. Хотя у него не было текста перед глазами, он неизменно знал, где я споткнулся и когда ошибся в слове или фразе, как если бы хранил их все в памяти. Я смотрел на него с благоговением.

Присущее мне чувство постороннего всюду никогда меня не покидает и требует некоторого исследования. Скорее всего это связано с представлениями о классовом разделении и моим неоднозначным отношением к своему вхождению в привилегированный класс. Пусть отец гордился моими достижениями, я задавался вопросом, не предаю ли я его приверженность социальному равенству и справедливости, став частью академической элиты. Но дело было даже в большем. Несмотря на то что мы с Габи высмеивали большую часть культуры британского высшего общества, втайне я восхищался кажущейся легкостью существования «этих придурков». Наверное, поэтому я постарался сгладить шероховатости своего нью-йоркского акцента — я заметил это за собой по возвращении домой, разговаривая с членами семьи⁴. Мне хотелось и принадлежать, и не принадлежать. В конце концов я осознал, что

⁴ Классовая принадлежность — вещь забавная. Некоторые из моих левых английских друзей искусственно имитировали рабочий акцент, вероятно, чтобы скрыть свое истинное классовое происхождение.

эти сложные чувства — источник моей решимости добиться успеха, чтобы стать лучше или, по крайней мере, сравняться с теми, для кого все это было так естественно.

Теннис. Подобно тому как мой комплекс неполноценности по отношению к своему более высокому, более спортивному и во всех отношениях более опытному брату трансформировался в творческую энергию, необходимую, чтобы побеждать его и в игре (после чего теннис стал *моим* спортом), и в Оксфорде, и за его пределами, я преодолел свою социальную неуклюжесть и неуверенность в своих интеллектуальных способностях посредством полной самодисциплины и тяжелого труда. Мне кажется, что, если говорить с позиции психологии, это синдром, знакомый не только европейским евреям, но и таким «разрушителям барьеров», как, среди прочих, представители расовых меньшинств, которые проникали в ранее полностью белые школы в Соединенных Штатах, женщины, ломавшие формальные и неформальные гендерные барьеры. Покажите, что вы можете победить их на их поле. Покажите, что ваше место здесь, даже если вы презираете их компанию, а они не особенно жаждут вашей. Пусть аналогии несовершенны, но наводят на размышления.

Неоднозначное отношение Шейлы к Оксфорду частично происходило из ее «колониального» статуса, тогда как мое было связано с тем, что я был нью-йоркским евреем. К тому времени, как я прибыл в Колледж Св. Антония, евреи уже давно штурмовали бастионы Оксфорда. Сэр Исая Берлин, чьи редкие лекции я прилежно посещал, возглавлял соседний колледж, Вольфсон. Такие Берлины и Намиры проложили путь для других, например Теодора Зельдина и Гарри Шукмана. Отец Шукмана, портной, эмигрировал из России до 1917 года, а Гарри к тому времени, когда я познакомился с ним как научным руководителем моей диссертации, казалось, идеально вписывался в особенности жизни оксфордского профессора. Его публикации становились популярными, среди них «Ленин и русская революция» (1967) и «Русская революция» (1998). В 2006 году Валентин Митчелл, который описывает себя как «издателя книг в области изучения евреев, Ближнего Востока и Холокоста», выпустил свою самую оригинальную книгу. Главной

темой было то, что происходило с российскими евреями в Британии после того, как правительство Его Величества ввело в 1916 году воинскую повинность, а затем после свержения русского царя. Интерес Гарри к этому вопросу возник благодаря опыту его отца, который вернулся в Россию в 1917 году, чтобы защищать революцию, а затем, во время Гражданской войны, перешел на сторону белых [Shukman 2006].

Дело в том, что, где бы они ни родились — в царской Польше в случае с Намиром, царской России в случае Берлина, Британской Палестине, как Зельдин, или в рабочих предместьях Ноттингема, как Шукман, — эти евреи сумели стать истыми англичанами. Я бы так никогда не смог, но даже если бы смог, мое мятежное, оппозиционное правящему классу сознание посчитало бы такую трансформацию предательством. Джошуа Шерман, пересаженный на нью-йоркскую почву еврей, выпускник Колумбии 1954 года, помог мне обрисовать дистанцию, которую мне пришлось бы пройти. Бывший банкир с юридическим образованием в Гарварде, Джошуа поступил в Колледж Св. Антония в 1967 году. По окончании докторантуры в 1970 году он остался там научным сотрудником. Неизменно добрый ко мне и приятный в целом, этот человек тем не менее демонстрировал довольство собой и англофилию, противоположные моему собственному представлению о себе. Прямо с баррикад на Морнингсайд-Хайтс, в поношенной армейской куртке, которые были так популярны среди антивоенных активистов, с длинными — в знак протеста — волосами, я наслаждался противостоянием с напыщенной профессурой Русского центра. Недаром Мена говорила обо мне в своих мемуарах как о «твердокаменном марксисте» («*marxista puro e duro*») [Mónica 2005: 268], а Рональд Хингли, переводчик, претендовавший на статус историка, называл меня «бельмом на глазу колледжа»⁵.

Шукман относился ко мне с большой терпимостью, хотя мне не помешало бы получать более строгое руководство. В октябре 1972 года я написал ему письмо с просьбой дать рекомендацию

⁵ Мена считала, что я обратился к марксизму из-за того, что отец пострадал от рук маккартистов.

в поддержку моей заявки на поездку в Москву по американской программе обмена: «Несмотря на то что мы нечасто общались в последние два года, уверен, что вы достаточно осведомлены о моей работе, чтобы дать ей разумную оценку». Правда состоит в том, что моя работа состояла не более чем из одного очерка, который я написал для другого профессора («в котором вы нашли много оснований для критики») и «наших неформальных бесед и совместного чтения в мои первые два семестра в Оксфорде». Не слишком много. Как и Гарри, я виню в том себя, но настоящей проблемой был оксбриджский подход к «магистрантскому» образованию. Передо мной лежит вариант резюме, которое я написал в 1974 году, когда начал подавать заявки на академические должности в Соединенных Штатах. Там приведен список из семи «соответствующих курсов», в которых, как указано в пояснительной записке, «оценки не выставляются, а посещаемость не является обязательной». Таким образом я жалко пытался компенсировать отсутствие выписки из зачетки, что тогда, как и сейчас, было необходимым документом для начинающих ученых.

Список включает курс, описанный мной как «семинар по социальной истории», проводимый Т. Мейсоном, и курс по марксизму Р. Харрисона и Л. Сигельбаума. Тим Мейсон, парень из рабочего класса, назвал себя марксистом. Вместе с немецкими историками Лутцем Нитхаммером и Детлемом Пойкертом он совершил революцию в изучении нацизма «снизу», что в его случае означало с точки зрения рабочего класса⁶. Мой интерес к его семинару, проводившемуся в Троицын семестр (т. е. с середины апреля до середины июня) 1972 года, должно быть, происходил из смутного осознания того, что социальная история, возможно, достойна изучения. Как я мог раньше не замечать привлекательности такого подхода к истории? Когда я узнал об этом? Первый номер «Журнала социальной истории» (The Journal of Social History) вышел в 1967 году. Он не обошел вниманием и Россию, о чем свидетельствуют ранние выпуски, где были статьи Дана Брауэра, Питера Чапа, Роберта Х. Макнила и Реджинальда

⁶ См., например, [Mason 1975; Niethammer 1969; Peukert 1976].



Колледж Св. Антония, октябрь 1971 года. «В поношенной армейской куртке, которые были так популярны среди антивоенных активистов, и с волосами, слишком длинными — в знак протеста», в шестом ряду второй справа. Передо мной Гэби Городецкий, Мадхаван Палат — третий слева в шестом ряду, а очкарик Марк Харрисон — четвертый слева в третьем ряду. Гарри Шукман (второй справа), Рональд Хингли (шестой справа) и Теодор Зельдин (седьмой справа) сидят в первом ряду; Джошуа Шерман стоит позади Хингли и Зельдина

Зелника — все они специалисты по истории России. Эти статьи — как и большинство других статей, опубликованных в журнале, — касались крестьян, женщин и рабочих, всех низших слоев. Меня как самоопределившегося марксиста они должны были интересовать, и читать о них было увлекательно. Но у меня не было никакого опыта относительно того, как их исследовать; я никогда не встречал настоящего социального историка, пока не столкнулся с Тимом на обеде в столовой Св. Антония, а затем не побывал на его семинаре.

К этому времени я посвятил себя диссертации на тему «Торгово-промышленный класс в России». Моя потребность сконцентрироваться на этой более высокой социальной категории означала наличие у меня еще только слабого понимания того, что в рамках этой дисциплины есть альтернативное движение, стремящееся дать голос рабочим, женщинам, социалистам — всем, кто находится рядом с моим домом. Семинар по истории проходил в Колледже Раскина на Уолтон-стрит в оксфордском районе Иерихон под доброжелательным руководством Рафаэля Самуэля (1934–1996). Самуэль, родившийся в Лондоне, еврей и давний коммунист, мог бы послужить мне примером для подражания, узнай я его немного получше. Однажды, вернувшись после года в Москве, я принял в своей квартире на Винчестер-роуд нескольких гостей, посещающих ежегодные собрания / праздники семинара. В них принимали участие не меньше тысячи энтузиастов, но меня не было в их числе⁷.

Что касается другого «курса», его никогда не существовало, по крайней мере в формальном смысле. Это был плод амбиций моего друга Марка (чье истинное имя было Роджер Маркус) Харрисона, желавшего, чтобы мы с головой ушли в марксизм, и мы с другими студентами Колледжа Св. Антония (т. н. членами студенческой комнаты отдыха) периодически собирались в разных

⁷ Следует отметить, что и английский журнал «Social History», и «History Workshop Journal» начали выходить только в 1976 году. Лишь намного позже я прочел — и счит одной из лучших по глобальному коммунизму — посмертно опубликованную книгу Самуэля [Samuel 2006]. Три «Посвящения Рафаэлю Самуэлю» см. [Tributes 1997].

квартирах, чтобы обсудить прочитанное. Какое-то время мы позиционировали себя как группу чтения «Капитала», потом читали что-то по теории зависимости (думаю, Андре Гундера Франка и Самира Амина). Больше всего я почерпнул у Эрнесто Лакло (1935–2014) и Гэвина Китчинга, магистрантов, которых, вероятно, следовало бы назвать инструкторами. Лакло станет одним из ведущих постмарксистов 1980-х; хотя его и не было в Св. Антонии, он со своей аргентинской семьей и одной или двумя горничными жил на той же улице, что и я. Китчинг начинал как африканист, затем в начале 1990-х годов занимался, по очереди, постсоветским российским сельским хозяйством, Людвигом Витгенштейном, а совсем недавно — критикой постмодернистской мысли, а также массовым производством сценариев и детективов [Kitching 1989].

В моем резюме также содержался список «представленных работ». У меня до сих пор сохранился очерк на тридцати семи страницах «Классовое сознание русского дворянства и обязательная государева служба (1689–1762)», именно тот, в котором Шукман «нашел много оснований для критики». В нем утверждалось, что определение классового сознания Дьёрдя Лукача можно применить к русской знати восемнадцатого века. Меня не ставило в тупик то, что, собственно говоря, дворянство вовсе не представляло собой класс, а скорее было социальным сословием. «Сознание, — писал я в начале очерка, излагая своего рода манифест, — не развивается автоматически; оно вытекает из взаимосвязи продуктивных отношений не как предопределенный продукт, а как явление, которое влияет на эти отношения и, в свою очередь, подпадает под их влияние». Гарри Виллетс, для которого я писал очерк, наверняка подозрительно воспринял эту попытку по-марксистски взглянуть на докапиталистическое понятие. Тем не менее Гарри рекомендовал его для конференции британских университетов по истории восемнадцатого века, которая проводится раз в два года. Что касается других работ, «Русская буржуазия в Первой мировой войне», которую я представил на конференции «Война и общество» в Лондонской школе экономики в марте 1972 года, стала итогом нескольких месяцев чтения

и размышлений о теме будущей диссертации. Статья «Стачки в России 1914–1917 годов» вышла месяцем позже и также послужила наброском для одной из глав диссертации.

Я регулярно посещал семинары в подвальном помещении старого здания колледжа. Из моих записей следует, что буквально через месяц после начала первого семестра я услышал лекцию Майкла Казера из Св. Антония на тему «Экономика тоталитарного контроля». Казер вкладывал в предмет всю глубину своих познаний, рассуждая, например, о том, что Рим Диоклетиана и Женева Жана Кальвина представляли собой «примеры доиндустриальных попыток централизованно управлять экономикой (в Европе)». Он определял тоталитаризм (своеобразно произнося это слово с ударением на первом слоге, так же как в слове «капитализм» он неизменно ставил ударение на втором слоге) как «попытку переориентировать общество на достижение конкретной цели». Сталин поставил целью индустриализацию, которой он «отдал приоритет... не из-за [каких-либо] присущих ей качеств, а просто потому, что должен был быть выбран какой-то высший приоритет», а также потому, что она послужила «оправданием партийного господства». Такая интерпретация — всего лишь своеобразная причудливая мысль, которыми был столь богат Колледж Св. Антония. Другая лекция Казера, «Экономическое развитие коммунистических стран», простиралась исторически от Крымской войны до постулатов линейного программирования Леонида Канторовича.

В дополнение к казеровским, я также прослушал лекцию «Тоталитарный контроль государства и правовых институтов», но пропустил другую, «Тоталитарный контроль культуры». К счастью, семинары не были сосредоточены только на проклятом слове на букву «Т». Иринг Фетчер, приглашенный лектор из Франкфуртского университета Гёте, рассуждал о «Трех исторических концепциях Гегеля и Маркса». Собственный оксфордский преподаватель Бернард Радден рассказал нам о «Семейном праве в Советском Союзе», а Алек Ноув приезжал из Глазго прочесть лекцию об «Изменениях советского крестьянства». Наконец, некий Моше Левин, недавно назначенный на должность преподава-

теля в Бирмингемском университете, прочитал доклад «НЭП, 30-е годы и политика экономических реформ», тема которого легла в основу его книги, изданной несколько лет спустя. В то время я мало что знал об этом смелом человеке с блеском в глазах, но вскоре это изменилось.

Строго говоря, я не знал общего контекста, в котором существовали эти люди, и не мог вполне оценить то, что они могли предложить. Возьмем лекцию о радикальном пацифисте Вилли Мюнценберге, который помогал Ленину в Цюрихе во время Первой мировой, присоединился к германским спартаковцам после войны, основал Международную рабочую помощь, возглавлял другие финансируемые Коминтерном начинания 1920-х и начала 30-х годов, порвал с Москвой в конце 1930-х и умер в 1940 году во Франции, спасаясь от нацистов. Мы узнали о нем от Бабетт Гросс, которая прочла свою лекцию на немецком языке с сильным акцентом. Но знал ли я, что Гросс была гражданской женой Мюнценберга? [Gross 1974].

Приходило ли мне в голову, что за все те два года, что я посещал семинары, кроме нее я не видел ни одной другой женщины-лектора? Вряд ли. Не то чтобы я корю себя за это, но хочу подчеркнуть, как вещи, которые станут важными в будущем и которые сегодня настолько очевидны, едва ли влияли на наше сознание в то время.

Когда дело дошло до выбора темы диссертации, мои рассуждения мало были связаны с этими семинарами или моим руководителем Гарри Шукманом. Сначала мне пришла в голову идея политической биографии Григория Зиновьева, одного из близких соратников Ленина, который был председателем Исполкома Коммунистического интернационала и ленинградской партийной организации в 1920-е годы, пока не вступил в конфликт со Сталиным. Вполне вероятно, что эта идея подпитывалась работой Стивена Козна о Бухарине, товарище Зиновьева, со временем тоже объявленном врагом. Тем не менее она не выдержала критики, когда однажды вечером после ужина в комнате отдыха первокурсников я поговорил с Чименом Абрамским (1916–2010). Абрамский, как и Моше Левин, еврей из Восточной Европы, не занимал официальных постов ни в Колледже Св. Антония, ни

в каком-либо другом оксфордском колледже, но я часто видел, как он вел серьезные беседы как с профессорами, так и со студентами⁸. При той нашей встрече он, должно быть, спросил меня, о чем я собираюсь написать, и я назвал свою тему. «Не стоит труда, — сказал он. — Зиновьев — мужик недостойный. Кроме того, — добавил он, — вы не сможете получить архивные материалы о нем в Москве». Не помню, что еще он говорил, но этого было достаточно. Надо было искать другую тему.

К счастью, незадолго до этого разговора я прочитал книгу Георгия Каткова «Россия, 1917 год: Февральская революция» (1967) [Катков 2006]. Катков (1903–1985) преподавал в Св. Антонии, но ушел на пенсию за несколько лет до моего поступления. Он олицетворял собой типичного консервативного историка, обвинял масонов, либералов и, в частности, Александра Керенского в том, что тот сверг старый режим и проложил путь ненавистным большевикам. В книге приводилось достаточное количество ссылок, чтобы пробудить у меня интерес к гражданской организации, созданной во время Первой мировой войны либералами для увеличения армейских поставок и, не случайно, увеличения прибыли капиталистов-промышленников. Эта организация, Центральный военно-промышленный комитет (ВПК), стала темой моей диссертации. Причиной тому было несколько вещей. Во-первых, никто до тех пор не удосужился об этом написать, кроме нескольких советских историков, чьи взгляды должны были соответствовать установленным марксистско-ленинским лекалам⁹. Во-вторых, архивные материалы имелись в изобилии, а поскольку эта тема не выходила за рамки 1917 года, они были доступны иностранным ученым. В-третьих, изучение организации, созданной российской буржуазией, или, как я ранее говорил, торго-

⁸ Внук Абрамского написал увлекательные и глубоко трогательные воспоминания о нем [Abramsky 2015].

⁹ Это, если подумать, не совсем верно и, вероятно, больше связано с предвзятостью западных ученых, чем с реалиями советской академической практики. Как пример отличного советского исследования экономики России во время Первой мировой войны приведу книгу А. Л. Сидорова, вышедшую в том году, когда я был в Москве по обмену [Сидоров 1973].

промышленным классом, для поддержки военных усилий, имело значение для современности. Могу почти точно по памяти процитировать вступительный абзац диссертации:

Война — это ужасная вещь, но также и ужасно прибыльная вещь. Она может сплотить нацию перед лицом внешнего врага; она может уничтожить этого врага как конкурента в борьбе за экономическое процветание; она может стимулировать промышленность и новые процессы производства, и по всем этим причинам она может открыть путь к политической власти для тех, кто пожелает ей служить.

Наконец, для содействия межклассовому сотрудничеству ВПК спонсировали группы рабочих, что, несомненно, было обречено на провал в условиях растущих классовых противоречий, и именно этот факт следует доказать, думал я.

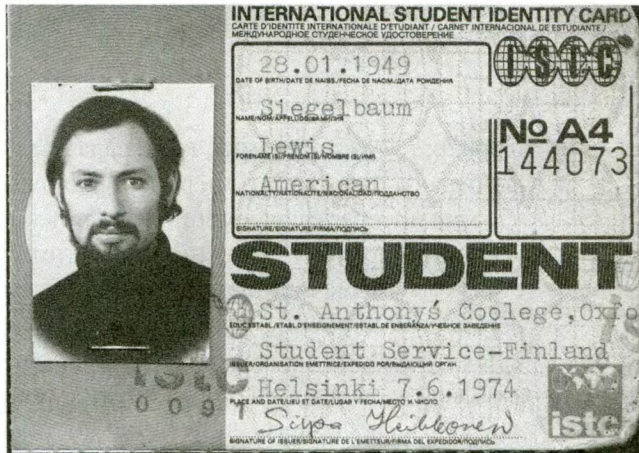
Я воображал, что буду обличать сторонников вьетнамской войны, показав, как в прошлом провоенные усилия дали обратный эффект. Что касается меньшевистских рабочих групп, то я был рад возможности показать, как они себя дискредитировали, контактируя с буржуазными политиками и промышленниками, как это делал Джордж Мини и другие антикоммунистические профсоюзные лидеры в Соединенных Штатах в 1960–1970-х годах. Таким образом, вдохновленный, в декабре 1971 года я поехал для сбора информации в Париж, именно в Париж, потому что там в библиотеке *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine* (BDIC, Библиотека современной международной документации) имелись тиражи российских газет за годы Первой мировой войны. В отсутствие оцифровки другого способа получить к ним доступ не было, ну и, кроме того, Париж есть Париж. С любовью вспоминаю эту поездку. Мой французский достиг своего пика, и я чувствовал себя совершенно комфортно, общаясь с людьми. Мне нравилось ехать на поезде в Нантер, очаг студенческого радикализма в мае 68-го года, и проводить весь день, изучая старые хрупкие страницы «Биржевых ведомостей», «Утра России» и других газет времен Первой мировой. В квартире, где я остановился (любезно предоставленной коллегой Антонианом),

царила такая атмосфера, что я представлял, как в коридоре сталкиваюсь с Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом или Эрнестом Хемингуэем.

Однажды в метро я случайно встретил Моше Левина, который возвращался из Нантера. Я помнил его по лекции в колледже Св. Антония, прямо там, в вагоне метро, ему представился и получил приглашение поужинать у него вблизи Пляс Пигаль. Как я узнал позже, будучи у него в Филадельфии, Моше любил изображать щедрого хозяина, и он меня определенно очаровал. Замкнутость Св. Антония — пережиток оксбриджского господства над английскими университетами — помешала мне отправиться в Бирмингем, где преподавал не только Левин, но и экономический историк Р. В. Дэвис. Или, может быть, я просто почувствовал, что они особо мне не помогут, поскольку моя тема касалась досоветской России, а они писали о 1920-х и 1930-х годах (или даже более современной истории, в случае с книгой, которая вскоре будет опубликована Левиным) [Lewin 1974].

Шесть месяцев спустя, в ночь на Ивана Купалу 1972 года, я прибыл в Хельсинки. Славянская библиотека Хельсинкского университета (ныне входящая в состав Национальной библиотеки Финляндии) была единственным учреждением за пределами СССР, которое до 1917 года имело право получать все публикации Российской империи. Расположенная в изящном здании начала XIX века недалеко от Сенатской площади, она содержала богатства, которые я не мог себе представить. Они привлекли туда немало американских аспирантов и молодых преподавателей. Мы вместе обедали в похожем на пещеру подвальном кафетерии или в соседней Портании, здании в стиле шестидесятых, обслуживающем студенческое население Хельсинкского университета. Там я встретил Лину Тёрмя, мою будущую жену, и ее подругу Каарину Тимонен, которых мне представил Стюарт Гровер. Будучи тогда младшим преподавателем в Огайо, Стюарт также поделился со мной своим опытом участия в программе IREX (Американский совет по международным исследованиям и обменам) с Советским Союзом, что стало следующим шагом на моем исследовательском пути.

«Я полагался на свой международный студенческий билет, чтобы сэкономить на проезде». Этот билет я получил в 1974 году, уехав из Советского Союза



Все лето я провел в библиотеке и вернулся в Оксфорд (ночным рейсом до Копенгагена и затем в Лондон) где-то в конце августа — начале сентября. После непродолжительной поездки домой, чтобы повидаться с родителями, я вернулся в Хельсинки в конце октября, когда уже наступила зима. На мгновение остановимся, чтобы сделать несколько замечаний о таких поездках.

Ключевой этап большинства исторических проектов обычно требует серьезного логистического планирования и финансовых вложений. В этих своих воспоминаниях в большинстве случаев я не упоминаю об источниках помощи не потому, что мне не нужны были деньги и я их не получал, а потому, что детали покрыты туманом памяти, а документов недостаточно. Финансирование, однако, редко покрывало больше, чем базовые потребности, гарантируя спартанские условия. В случае этой поездки в Хельсинки я полагался на свой международный студенческий билет, чтобы сэкономить на проезде, жил в одной комнате в студенческом общежитии с молодой израильянкой, которая приехала в Хельсинки, чтобы изучать финские рисунки для тканей, ел много *takkara* (финской колбасы) и экономил так, как только можно. Что включало выход из низкобюджетного универмага Anttila в зимней шапке, за которую я не заплатил. На Рождество Каарина навещала своих родителей в центральной Финляндии, так что я смог переехать в квартиру на Альпикату («Альпийскую улицу»), которую она делила с Линой, и именно так Лина и я стали любовниками.

Тем временем я подал заявку в IREX. Форма заявки, которую я чрезмерно драматически описал Шукману как «изобретенную

бюрократами-садистами», требовала представления «автобиографического очерка». Его первое предложение уверенно гласило, что мой интерес к современной российской истории объясняется «довольно просто — уверенностью в том... что русская революция стала самым значительным политическим событием двадцатого века». Отнеся военно-промышленные комитеты к числу «весьма ярых противников монархии со стороны русской буржуазии», я сослался на свое желание «прийти к пониманию их взаимосвязи с другими элементами цепочки поставок, с военными, правительством и, конечно же, с пролетариатом». «Слишком часто, — нравоучительно добавил я, — историки опираются на теории спонтанности, <...> за которыми скрывается нежелание выдвигать гипотезы и проверять их с помощью тщательного исследования». О господи, неужели я заразился конспирологическими теориями Каткова? Скорее я стремился обосновать «после почти двух лет исследований в США и Западной Европе» необходимость проведения архивных исследований в Москве.

В Хельсинки я прошел интервью для IREX с выдающимся русским историком из Стэнфорда. Оно состоялось в холле шикарного отеля на улице Маннергейма, главной магистрали, прорезающей город с севера на юг. Я начал брать уроки русского разговорного языка у Марии Эсколы, элегантной пожилой женщины, которая эмигрировала в Финляндию во время Гражданской войны в России, вышла замуж за финского кавалерийского офицера и после его смерти поселилась в уютной квартире. Вопреки стереотипному образу «белоэмигранта», мадам Эскола придерживалась довольно прогрессивных политических взглядов, и мы очень хорошо поладили. Несколько лет спустя я получил от нее приятное многословное письмо, в котором она упомянула свои занятия английской литературой, детективные рассказы швейцарского беллетриста, которые она запоем поглощала, и предстоящую поездку в Рим, куда она собиралась в первый раз. «Льюис, — добавила она, проявляя материнскую заботу, — ты пишешь книгу, чтобы стать профессором и продолжить свое образование? Я надеюсь, что вы с Линой не забудете свой русский». Могут ли двадцатисемилетние по-настоящему оценить любовь, которую на них изливают старшие? Я не смог.

Узнав, что IREX одобрил мою заявку, мы с Линой начали готовиться к ответственному году в Москве. Во-первых, мы, в соответствии с официальной политикой правительства США того времени, должны были пожениться, иначе Лина не смогла бы поехать со мной. Будучи детьми шестидесятых, мы так мало думали о формальностях, что через несколько дней после того, как Лина приехала в Оксфорд из Хельсинки, мы просто пошли в магистрат и, взяв в свидетели Габи и его новую жену Сью, подняли правые руки и произнесли обязательную клятву. Потом мы вчетвером пообедали в местном ресторане. Тем летом мы жили у моих родителей. Лина, с некоторой моей помощью, начала изучать русский. То время мне помнится как счастливое.

В августе мы вылетели в Москву, где вместе с другими американскими студентами по обмену (по-русски — стажерами) я прошел несколько недель отличного обучения русскому языку на подготовительном факультете МГУ. Опыт в IREX в те годы способствовал долгой дружбе среди коллег по обмену. В моем случае Дайан Кенкер и Дэн Орловский стали моими друзьями на всю жизнь. Браки, напротив, страдали, в том числе и мой. Втиснутым в крошечные, два на четыре метра, комнаты общежития в знаменитой башне МГУ и отрезанным от родных, за исключением редких писем и еще более редких телефонных звонков, парам трудно было приспособиться и сохранить самообладание. К чести сказать, «Справочник для американских участников в рамках обмена студентами и молодыми преподавателями с Советским Союзом», который нам выдали до отъезда, содержал полезные советы о том, как минимизировать эти трудности. Но он также нес следы своего времени. Один из восьми разделов, посвященный «супругам и семьям», сейчас кажется самым допотопным. К «сопровождающим супругам» справочник обращается совершенно гендерно-нейтрально. Но раздел «Жены и семьи, остающиеся в Соединенных Штатах или переезжающие за границу», посвящен «женам, не сопровождающим своих мужей», и «женам», которые «должны сообщить своим мужьям дату, когда они подали свои заявления на получение визы». Жена, очевидно, не могла быть стажером без сопровождающего ее мужа.

Вторая поразительная вещь в справочнике с точки зрения 2019 года — насколько разнообразны были предметы, которые считались необходимыми: электрическая сковорода и кофейник, штопор, прихватка, посудное полотенце, хороший зубчатый нож, нож для резки овощей, овощечистка, губка, лопатка — и это только кухонные предметы. Для одежды необходимы были утюг, пятновыводитель, веревка для белья и пр. Некоторые советы, как и следовало ожидать, оказались полезными, некоторые — нет. Например, я так и не воспользовался переплетной мастерской «в двух кварталах по улице от большой типографии “Правда”». Также я не пробовал посылать по почте книги, изданные до 1945 года, хотя и попытался взять их с собой на поезд до Хельсинки по истечении десяти месяцев, но их обнаружили и изъяли. Мы часто ходили в магазин «Березка» на Кутузовском проспекте, торгующий в иностранной валюте. Время от времени мы делали покупки в магазине американского посольства и при этом ели там в кафе, и я до сих пор так и слышу, как официантка за стойкой по-русски кричит повару: «Альфредо, один гамбургер, пожалуйста».

Познакомиться с советскими студентами на нашем этаже, шестом в V корпусе, не составляло особого труда, хотя преодолеть какие-то барьеры на фоне взаимных опасений оказалось более сложно. Лара Путселла, жизнерадостная девушка с бесшабашным характером, быстрой скороговоркой щебетавшая по-английски, сумела сломать лед и облегчила нам жизнь не только в университете, но и за его пределами. Благодаря ей мы получили билеты на спектакль Юрия Любимова «Игрок» по Ф. М. Достоевскому в авангардном театре на Таганке. В ее комнате мы слушали записи Владимира Высоцкого с его хриплым голосом, а взамен снабжали ее американскими сигаретами. Я также познакомился с Вадимом Черкасским, математиком, который уже окончил вуз и жил со своей женой Ириной в Марьиной Роще, дурной славы районе в северной части города. Годом раньше Вадим подружился с другим американцем из Оксфорда, Деннисом О’Флаэрти, который дал мне его номер телефона. Вадим до сих пор остается моим хорошим другом.

Мои впечатления о Москве значительно отличаются от того, что Шейла Фицпатрик описывает в своих воспоминаниях. Мои

русские друзья, преимущественно мои ровесники, а не люди старшего поколения, не вращались в высоких сферах и не были связаны с либералами или диссидентами. Я никогда не чувствовал себя шпионом, и меня не подозревали в том, что я «шпиону в архивах» или где-либо еще в Советском Союзе¹⁰. И уж конечно, я не привлек внимание ЦК КПСС. Самая близкая встреча с паранойей, вызванной памятью о чистках 1930-х годов, на которую Шейла часто ссылается, произошла, когда я передал несколько набросков Олега Прокофьева его матери Лине, испанке, вдове отца Олега, композитора Сергея Прокофьева. Мой оксфордский друг Денис, который знал Олега, попросил меня отвезти наброски в Москву и передать их матери Олега. Лина, хотя ей было за семьдесят, показалась мне женщиной выдающейся красоты. Прежде чем мы сели поболтать, она повернула диск телефона, стоявшего на подставке у дивана, и вставила в него зубочистку, чтобы, как она считала, КГБ не смог подслушать наш разговор. Мне такая предосторожность показалась чрезмерной, но я не знал тогда, что она провела несколько лет в ГУЛАГе, очевидно, за попытку отправить деньги своей матери в Испанию во время или сразу после войны.

Я практически не чувствовал, что за мной следят или что я являюсь объектом чьего-то любопытства; большую часть времени, когда я не работал в библиотеке или архивах, я сам был наблюдателем. Через несколько дней после переворота 11 сентября в Чили мы с Линой посмотрели выступление в университете «Инти-Иллимани», очень талантливой группы чилийских народных музыкантов. Я заметил, что довольно много студентов плакали до, во время и после этого яркого представления. Я мог только предполагать, что они возлагали немалые надежды на чилийскую версию социализма и горевали из-за его жестокого подавления. Это опровергает утверждение, которое я встречал позже у многих советологов, что молодое поколение в Советском Союзе стало циничным по отношению к социализму и политике

¹⁰ Воспоминания западного ученого Кэтрин Вердери, которую в Румынии подозревали в шпионаже, см. [Verdery 2018].

в целом. Я также посещал кинопоказы в университете, некоторые из них произвели на меня сильное впечатление не столько из-за самих фильмов, сколько из-за реакции зрителей. В университете прошел специальный показ документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965). Студенты, которых я видел, явно не пропустили проводимые Роммом пародийно-ироничные параллели между нацизмом и сталинизмом. На другом фильме, «А зори здесь тихие» (1972), о женщинах-пограничниках в Карелии во время Великой Отечественной войны, многие зрители, как школьники, так и люди постарше, не скрывали слез и даже рыданий. Фильм с тяжелой идеологической нагрузкой, который связал военное время и послевоенные поколения, пользовался успехом, по крайней мере на этом показе.

Однако заметил ли я, что Советский Союз вступил в период «застоя», как теперь общепринято обозначать период 1970-х годов? Ответ — нет, но не без оговорок. Очевидные недостатки, со многими из которых я сталкивался ежедневно, я, как правило, приписывал исторической «отсталости» России, разрушительным последствиям Второй мировой войны и / или результатам холодной войны. В то же время, как мне показалось, вызывало опасение отсутствие признаков идеологического рвения среди русских друзей и знакомых, их безразличие ко всему, что не связано непосредственно с их жизнью. Как я писал Иву Шарби в мае 1974 года, незадолго до отъезда из СССР:

Большая часть из того, что мы на Западе знаем о Советском Союзе — состав Политбюро, репрессии против интеллигенции, достижения космонавтики, умелая дипломатия, превосходный балет, — все это не имеет совершенно никакого отношения к людям здесь, жизнь которых трудна и становится лишь немного лучше.

«Должен признать, что я разочарован», — добавил я. Неудивительно, что статья Джона Бушнелла «Новый советский человек становится пессимистом», в которой использованы заметки, сделанные им во время работы переводчиком в издательстве «Прогресс» в Москве в том же году, нашла во мне живой отклик,

когда я прочитал ее в начале 1980-х годов. До сих пор она кажется мне одной из лучших оценок периода позднего социализма в СССР [Bushnell 1980]¹¹.

Как и другие историки в программе обмена, я намеревался заняться архивными изысканиями, и в те дни это означало работать над периодом Российской империи. Насколько мне известно, опыт Шейлы Фицпатрик по использованию архивных материалов для диссертации о советском периоде не имел аналогов, потому что, как она объясняет в своих мемуарах, у нее были связи, решимость и сильное «чувство собственной правоты»¹². Действительно, даже более продвинутые ученые не могли получить доступ к архивам. «История Советской России» Э. Х. Карра, вышедшая в четырнадцать томах (1950–1977), обошлась без советских архивных материалов. Поскольку архивы представляли собой — и остаются для историков — полновесной валютой, в Соединенных Штатах советологические исследования обычно проводились с точки зрения наук социальных, а не исторических. Когда я учился в аспирантуре, советская история в американской академической науке практически отсутствовала. С другой стороны, Советский Союз как живой исторический субъект — в отличие от политической науки — просуществовал менее двух десятилетий, с середины 1970-х годов до тех пор, пока СССР не стал «бывшим». Этот краткий период определил поколение историков, к которому я принадлежал¹³.

Выбрав тему диссертации, кульминацией которой стала революция, я столкнулся с ограничениями, которые советские власти наложили на доступ к архивам. В письме, великодушно отвечающем на мою просьбу дать совет относительно получения разрешения на работу в архивах, Алекс Рабинович, в то время писавший

¹¹ Я посчитал эту статью настолько проницательной, что тридцать пять лет спустя все еще использовал ее в курсе советской истории.

¹² Фицпатрик, которая поступила в Колледж Св. Антония за шесть лет до меня, в 1970 году опубликовала переработанный вариант своей диссертации [Fitzpatrick 1970].

¹³ Я благодарен одному из анонимных читателей рукописи за понимание.

книгу о приходе к власти большевиков в 1917 году, признавал: «Из-за деликатного характера моих собственных исследований я никогда не делал серьезных попыток использовать советские архивные материалы». Разрешение сверху на чтение материалов в архивах пришло внезапно и загадочно, как позднее и запрещение. В Инотдел необходимо было представить план исследований, разработанный заранее совместно с научным руководителем. В своей заявке в IREX в качестве своего предполагаемого руководителя я указал Владимира Яковлевича Лаверичева, главным образом из-за книги о борьбе московской буржуазии с революцией, которую он опубликовал в 1967 году [Лаверичев 1967]. Вместо этого моим руководителем стал Валерий Иванович Бовыкин (1927–1998), которого я указал в качестве запасного варианта. Бовыкин, специалист по истории иностранных инвестиций в царскую Россию и российские банки, меня вполне устраивал. Он проводил исследования в Париже и показался мне человеком общительным и доброжелательным. Моя стажировка в Москве совпала с его назначением ученым секретарем Института истории [Воронкова 1999]. Тем не менее он все еще преподавал в МГУ и пригласил меня на свой семинар. Там я однажды обнаружил, что студенты обсуждают недавно опубликованную монографию американского историка-экономиста об иностранном предпринимательстве в имперской России. Если бы они не говорили по-русски, можно было подумать, что мы находимся в университете Индианы или Иллинойса, а не в МГУ¹⁴.

Когда в 1981 году я вернулся в Москву, чтобы провести дополнительные исследования, Бовыкин пригласил меня на ужин. Дайана Кенкер, которая в следующем году в Париже встретилась с ним на конференции, сообщила, что он сказал ей, что я «очень понравился его теще». Позже, в бурные годы перестройки, молодые советские историки, которые настаивали на полном разрыве с прошлым, объявили Бовыкина консерватором. Может и так. Тем не менее его продолжали любить бывшие ученики, многие из которых в постсоветские десятилетия уже работали в научных

¹⁴ Это была книга Джона Маккея [McKay 1970].

институтах. В 2007 году я с радостью обнаружил, что они собрались на семинар в МГУ. Эта встреча была мне дорога тем, что я встретился с молодым племенем, к которому когда-то принадлежал, но с которым давно потерял связь в силу обстоятельств.

После того как я представил ему план исследования, который я тщательно составил на русском, Бовыкин исправил его розовым маркером, который казался очень несоветским. Должно быть, он намеревался внести некоторые изменения, чтобы план соответствовал стандартным бюрократическим формулировкам. Вместо «описания диссертации» он написал «план диссертации» («план» является почти сакральным словом в советской лексике). Вместо моей политически некорректной фразы о «неадекватности мобилизации государства и создании комитетов военной промышленности» он вставил «политический кризис в России в 1915 году и организацию комитетов военной промышленности»; вместо «крупных военно-промышленных концернов» он написал «военно-промышленные монополии». Хотя, как я писал в заключительном отчете для IREX, «не знаю, как и почему, но... разрешение было отложено на несколько недель, а затем выдано», именно Бовыкину я, несомненно, обязан своим доступом к архивам. Другие стажеры ждали дольше и получали ограниченный доступ из-за халатности их руководителей, гендерных предрассудков или других факторов.

Когда я впервые подошел к зданию на Большой Пироговской, где находился Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), у меня было мало соображений по поводу того, что меня ожидало, кроме страшных рассказов предыдущих стажеров. Попав в архив, никто из них не мог обратиться к архивным справочникам или описи, но вынужден был полагаться на цитаты из советских публикаций и доброжелательность работников архива. Советские и западные исследователи читали выданные им материалы в разных читальных залах. Женщина, которая руководила иностранцами, редко нам помогала, тратя непомерное количество времени, как я раздраженно написал в своем заключительном докладе, «на разговоры по телефону со своей больной матерью». Эти и другие экзотические особенности архивных ис-

следований в Советском Союзе придавали им мистический ореол, что служило пищей для многих неправдоподобных историй, не говоря уже о том, как они скрывали, насколько сильно решение царского режима собирать именно то, что он считал полезным, повлияло на наши исследования.

Советская историография также затронула вопросы, которые мы задавали. Мы либо игнорировали ее марксистские категории (например, вместо «буржуазного общества» писали «средний класс»), либо, как в моем случае, использовали их выборочно при построении наших собственных описаний. Но так или иначе, мы создавали свою версию прошлого чужой страны, всегда осознавая наличие ее собственной версии. Сложнее оказалось избежать телеологии революции. Все происходившее до 1917 года, казалось, так или иначе способствовало революции; а если это не так, то это не имеет значения. Классовое содержание господствовало над другими формами угнетения. Несмотря на временную близость к падению царизма, крупное туркестанское восстание 1916 года не привлекало внимания серьезных западных ученых вплоть до 1990-х годов. Пройдет еще десятилетие, прежде чем гендер станет «полезной категорией исторического анализа»¹⁵.

В моей диссертации поднимались не только вопросы, которые мало кого интересовали тогда, да и теперь не вызывают особого интереса, но и другие проблемы, которыми до сих пор занимаются ученые, и не только ученые. Среди первых вопрос о том, внесли ли военно-промышленные комитеты значительный вклад в улучшение поставок боеприпасов и других материалов в армию или только препятствовали этому, даже меня не интересовал, хотя, конечно, мне приходилось вникать в суть, анализировать и сделать хоть вполровину более понятными детали контрактов, их распределение и выполнение¹⁶.

¹⁵ В первую очередь стоит привести ссылку на [Scott 1986]. Не стоит упускать из виду и некоторые другие прекрасные работы о женщинах, например [Engel 1983].

¹⁶ В год защиты моей диссертации Норман Стоун, лектор в колледже Гонвилл & Кейус Кембриджского университета, опубликовал свою книгу «Восточный

Советские и западные историки никак не сходились в вопросе, произошла бы революция (в частности, в ее большевистской форме), если бы не было войны, но жар этих споров начал рассеиваться еще до конца Советского Союза. Действительно, вопрос, почему вообще произошла революция, перестал представлять какой-либо интерес после 1991 года, если не раньше. Пока столетний юбилей революции не вернул внимание к этому событию, интерес к ней сохранялся в кругу историков, приверженных разбору ее детальных подробностей, о чем они сообщали на ежегодных собраниях в Англии или паре рабочих групп на съездах AAASS (Американской ассоциации содействия развитию славянских исследований), крупнейшей организации славистов в Соединенных Штатах (сейчас, с 2010 года, — ASEES, Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований).

Столетие революции вызвало всплеск юбилейной активности. В самой России правительство сделало все возможное, чтобы проигнорировать это событие, но интеллектуальное любопытство и желание честно воссоединиться с прошлым своей страны оказались неудержимыми. Приведу лишь один пример: предприимчивый журналист Михаил Зыгарь собрал технически подкованную команду для запуска веб-сайта «Проект 1917». С ноября 2016 года по 18 января 2018 года веб-сайт ежедневно обновлял записи из дневников свидетелей и участников событий вековой давности [Project 17]¹⁷. Доступ к революции в режиме реального времени оказался благом для преподавания ее истории, я и воспользовался им в последний раз весной 2017 года. Другие публикации варьировали от интеллектуально стимулирующих до тенденциозных. Серия «Красный век», опубликованная в «Нью-Йорк

фронт», где так охарактеризовал ВПК: «Там, где они преуспевали, они были не нужны, там, где они не добивались успеха, они только доставляли неприятности» [Stone 1975: 10].

¹⁷ Недавно Михаил Зыгарь с командой создали так называемую карту истории, «документальную игру, чтобы вы могли стать участниками главных событий XX века», где участнику дается возможность действовать от лица реальных исторических персонажей и делать за них выбор в реальных исторических обстоятельствах [Карта 2018].

таймс», давала представление о долгосрочных глобальных последствиях революции. Примечательно, что по крайней мере некоторые из них представлены в положительном ключе. Сравните это с преобладанием публикаций, где большевики представлены как не что иное, как преступное сообщество, революция — в лучшем случае как «трагедия», а ее долгосрочные последствия — не более чем плачевные. Новая биография Ленина, составленная к юбилею, типична для такого подхода [Sebestyen 2017]. В то же время некоторые историки оказались на высоте. Цуёши Хасэгава в своей книге «Преступление и наказание в Русской революции» [Hasegawa 2017] проливает новый свет на феномен, который ранее изучался лишь поверхностно. Много лет назад я был у Цуёши (Тоши) в его доме в Санта-Барбаре, и мы возобновили наши отношения, начавшиеся в тот год, который мы оба провели в МГУ. «Тоши, к чему стремиться?» — спрашивал я его, когда мы сидели в залитой солнцем гостиной с видом на апельсиновое дерево, которое росло так близко к дому, что можно было его потрогать из окна. Приятно видеть, что в своем идилическом окружении Тоши мог создать качественный исторический труд. Энди Виллимотт, молодой британский историк, по-новому, неординарно рассматривает революцию как освобождение городской молодежи, которая воспользовалась возможностями, чтобы достаточно практично изменить свою жизнь [Willimott 2017]. А Дайана Кенкер, чья диссертация и первая книга посвящены московским рабочим во время революции, дает еще одно блестящее подтверждение тому, что издавна вдохновляет ее и других исследователей [Koenker 2017]¹⁸.

В течение последних двадцати лет преобладал взгляд на революцию как часть «континуума кризиса», который начался если не с революции 1905 года, то по крайней мере с 1914 года, на связь этого кризиса с «модерностью» [Kotsonis 2000; Holquist 2002; Beer 2008]. Вопрос о том, что составляло модерность, оставался открытым. Некоторые историки подчеркивали культурную тревогу,

¹⁸ Редакция попросила Кенкер и двух других историков ответить Борису Миронову [Mironov 2017].

вызванную ослаблением имущественных связей, индустриализацией и даже сексуальным раскрепощением; другие отмечали практики, восходящие к реформам 1860-х годов, например возросшую зависимость от технических знаний, использование статистики народонаселения в госуправлении и попытки применения универсальных законов науки. Таким образом, отношения между войной и революцией представлены как скорее фратернальные, нежели казуальные, как часть цепочки трансформационного модерна, который, по утверждениям историков, распространился на раннюю советскую эпоху [Sanborn 2003]. Я тоже пытался установить причинно-следственную связь между войной и революцией, но иного рода. Как ни трудно это представить, но, когда я писал свою диссертацию, имелось очень немного англоязычных работ по России, где бы анализировались социально-экономические процессы. Моя работа открыла новые перспективы, рассматривая в качестве субъекта торгово-промышленный класс, ключевой элемент того, что марксисты называют буржуазией. В главе, посвященной регулированию военной экономики, я, в частности, утверждал, что

в России, где накануне войны государство владело большей долей экономических ресурсов в пределах своих границ и контролировало их более жестко, чем другие государства в своих границах, в военное время оно приняло меры регулирования, которые были наименее системными и осуществлялись в меньшей степени, чем в других странах. Я также утверждал, что «скрытая рука рыночных сил душила Россию», а «война усилила тенденции к командной экономике, но не породила командиров» [Siegelbaum 1975: 223, 159, 162].

Мое диссертационное исследование родилось из желания обвинить ВПК как организацию патриотических позеров, но, по иронии судьбы, в ходе работы усилилось мое уважение к ее руководителям: братьям Павлу, Сергею, Николаю и Михаилу Рябушинским, банкирам, промышленникам, политикам-«прогрессистам» и покровителям искусства; Александру Коновалову, депутату Думы, который станет министром торговли и промышленности

Временного правительства, а в изгнании — искусным пианистом; Александру Гучкову, лидеру партии октябристов, председателю Центральной ВПК и военному министру во Временном правительстве. Теперь мне по крайней мере не менее любопытны те, кто был избран в рабочие группы, детище Коновалова. Вспоминается Кузьма Гвоздев, председатель профсоюза слесарей, который стал председателем петроградской рабочей группы, а затем последним министром труда Временного правительства.

Хотя я обильно цитировал их переписку (внутренние меморандумы, письма различным министрам) и стенографические отчеты об их выступлениях, перечитав диссертацию сейчас, впервые за многие десятилетия, я вижу, что ошибался в части структурных объяснений, подчеркивая детерминизм за счет умаления роли случая или человеческого фактора. Другими словами, я писал как те «советские историки, чьи взгляды должны были соответствовать установленным марксистско-ленинским лекалам». Рабочие в целом относились или реагировали на ситуацию, основываясь на своих классовых позициях по отношению к работодателям. Торгово-промышленный класс, разделенный между московской «внутренней» фракцией и базирующейся в Санкт-Петербурге группой, более ориентированной на финансовый капитал, с тесными международными связями, сыграл свою роль в разворачивающейся драме войны и революции. И «развернул» ее, как разворачивают салфетку до ее полного и заранее определенного размера. Я проделал неплохую работу, объясняя, почему различные «благие намерения» рабочих групп — сеть городских и сельских бирж труда, фабричная система старейшин, согласительные советы и т. д. — потерпели неудачу [Siegelbaum 1975: 263]. Но мне никогда не приходило в голову спросить себя, откуда мне известно, каковы были эти намерения или почему они имели значение.

Я также вносил чрезмерные исправления в мнения других историков. В длинных сносках, некоторые из которых занимают не меньше страницы, я дискутировал с версией Георгия Каткова, описывая ее то как «озадачивающую» и «неточную», то как «ошибочную» или «не относящуюся к делу», потому что «он не был знаком с цитируемыми здесь архивными источниками» [Siegel-

baum 1975: 241, 262]. Такая критика была обусловлена не только подлинными разногласиями, но и тем, чем обычно грешат историки-неофиты: обосновать свою правоту, демонстрируя свою приверженность фактам, а также свои навыки исследования и интерпретации. Моя полемика с высказываниями историков, чьи работы я так или иначе почитал, например Валентина Дякина (1930–1994) или Леопольда Хеймсона (1927–2010), сейчас кажется педантичной. Фактически же я считал книгу Дякина о русской буржуазии и царизме в военное время лучшим произведением советской истории [Дякин 1967]¹⁹. Хеймсон, тот самый профессор, который пытался уговорить нас, будущих революционеров, занимающих Файервезер-Холл, прекратить наши детские игры, написал новаторскую статью о растущей поддержке большевиков рабочими во время Первой мировой войны [Haimson 1964–1965]. Он провел зимний («Илларионов») семестр 1972 года в качестве приглашенного преподавателя в Колледже Св. Антония. Сидя за завтраком в столовой и куря сигару, он необычно выделялся среди профессоров, которые входили и выходили, бросали на него недружелюбные взгляды. Мы дружили как ньюйоркцы, и вместе с Шукманом он писал в поддержку моей заявки в IREX.

Стыд за юношеские глупости приходит с возрастом. Нельзя отрицать, что я проделал тяжелую работу по поиску малоизвестных публикаций и ссылок в архивах не только в Москве и Ленинграде, но и в Нью-Йорке, Лондоне и Хельсинки. В конце концов я написал пригодную к защите диссертацию и защитил ее, даже дважды — один раз в устной форме в конце моего десятилетнего пребывания в Москве, и еще раз, чуть более года спустя, в Оксфорде. Московская защита на русском языке проходила на кафедре империализма истфака МГУ. Из «Введения в ежедневный советский словарь», другой информационной брошюры, выданной IREX, я должен был знать, что кафедра назначит официального оппонента для рецензии на мой доклад. Но либо я эту бро-

¹⁹ В опубликованной версии моей диссертации я оценил ее как «разумную и аргументированную» [Siegelbaum 1983: xiii].

шюру не читал, либо к марту об этом забыл, поэтому, когда Светлана Воронкова, студентка Бовыкина, поднялась, чтобы огласить свое мнение, это застало меня врасплох, настолько, что я едва мог следить за тем, что она говорила; что-то о школе «буржуазной объективной историографии, к которой принадлежит уважаемый Э. Х. Карр». Тогда я даже принял это за похвалу и запоздало поблагодарил, когда наши пути пересеклись вновь в 2007 году.

В июне мы с Линой на Ленинградском вокзале сели в поезд, направлявшийся в Хельсинки. Не помню, как мы бронировали жилье перед приездом, но, так или иначе, квартира наша располагалась в доме 14 по Техтаанкату (Заводской улице), в районе Эйра в южной части города. В квартире была спальня наверху и вид на море, открывавшийся из больших окон в гостиной. Днем Лина работала в мастерской по обработке фотоснимков, а затем в научном журнале, а я сидел за большим светлым деревянным столом и писал свою диссертацию. Для разнообразия я отправился в Славянскую библиотеку, которая в то же время удобно переместилась ближе к улице Техтаанкату и размещалась в одном здании с теологическим факультетом Хельсинкского университета. Я также поступил в финскую группу, чтобы выучить родной язык моей жены. Я учился очень хорошо, пока, под впечатлением моих достижений, учитель не рекомендовал мне перейти на более продвинутый уровень, в класс, где преобладали шведские финны, стремящиеся улучшить свой второй язык. Таким образом я прошел путь от лучшего до худшего ученика и был настолько обескуражен, что перестал туда ходить.

Где-то в марте, ближе к концу долгой финской зимы, я начал ходить в контору, где работала Лина, чтобы после работы печатать свою диссертацию на первоклассной красной пишущей машинке IBM Selectric. Ее начальник Ханну Рауткаллио, ныне ведущий историк, опубликовавший много книг, заслуживает огромной благодарности за то, что позволил мне использовать оборудование. После того как я перепечатал и переплел диссертацию, я отправил ее в Оксфорд и сам последовал за ней несколько недель спустя. Моя защита *viva voce* состоялась 26 мая 1975 года. Соглас-

но оксфордской традиции, мой руководитель там не появлялся. Кроме Гарри Виллетса из Глазго в качестве оппонента приехал историк экономики Алек Ноув. Я очень уважал его работы. Они казались гораздо менее антисоветскими, чем то, что опубликовали мои профессора в Колумбии, не говоря уже о Св. Антонии. Помимо трудов по экономической истории СССР, он привлек большое внимание своим провокационным эссе, позднее опубликованным в виде книги «Действительно ли был нужен Сталин?», где ставился вопрос о роли личности в создании советской системы планирования и постановке недостижимых целей [Nove 1969, 1964].

В ходе церемонии соблюдались все возможные формальности. Мы все были в полном академическом облачении; свое я позаимствовал у другого студента. Вскоре после начала у меня вдруг возникло желание снять шапочку, которая была на несколько размеров больше, чем следует, и сползала с головы. «Надеюсь, никто не возражает, если я сниму шапочку», — нервно выпалил я. «Вовсе нет, — подал голос Ноув. — А когда вы будете подавать апелляцию на наше решение, можете сослаться на коричневые ботинки Гарри Виллетса, которые также нарушают кодекс». — «О нет», — простонал я про себя. — Почему я должен обжаловать их решение? Они что, намерены отклонить ее?» В оставшуюся часть моей защиты, возможно, в остальные полтора часа, я стиснул зубы, отвечая с большим жаром, чем то было оправдано вопросами, и, если уж говорить о высокой температуре, обильно потея под своими одеждами. Я покинул аудиторию мертвенно-бледным и думал, как мне сообщить Лине, что мне придется заново переписать эту чертову диссертацию. Я ждал в соседней комнате, казалось, целую вечность, ожидая худшего. В конце концов, после получения решения комиссии, Шукман позвал меня в свой кабинет. «Отлично, — воскликнул он, хлопая меня по плечу, когда я вошел. — Поздравляю!» Слишком ошеломленный, чтобы сказать что-либо, кроме «спасибо», я только позже спросил Гарри, почему Ноув говорил о том, что я буду обжаловать их решение. «Полагаю, — ответил он, — он просто шутил, чтобы тебя успокоить».

Глава 4

Мельбурн и трудовая история

Мадам Эскола, должно быть, думала, что мы исчезли с лица земли. «Напишите мне об Австралии, — потребовала она 15 марта 1976 года, — и расскажите, что там еще есть, кроме кенгуру. Вашего города Бандоора нет ни на одной карте, я даже в библиотеке смотрела. Где это?» Несколько месяцев спустя мой друг математик Вадим из Москвы написал: «Как вы там, в Австралии, под нами вверх ногами? У вас другое небо, другие звери и птицы, в общем, вы живете на другой планете». К письму Вадим добавил рисунок: глобус, слева сверху человек, изображающий Вадима, держит плакат с надписью «Да здравствуют американские компьютеры!» — а справа внизу другой человек, стоящий на голове, держит плакат «Да здравствует история России!».

В то время Вадим нашел работу в компьютерном центре Стройбанка, который финансировал промышленное, коммерческое и жилищное строительство, и у них с женой Ириной в августе должен был родиться первый ребенок. Благодаря тому, что компьютерный центр находился в центре Москвы, рядом с Главпочтамтом на улице Горького, Вадим оказался в непосредственной близости от «хороших магазинов с относительно неплохим снабжением». «Вы, несомненно, удивитесь, что я пишу о таких необычных вещах, как “снабжение”, — продолжал он, — но наши реалии не очень приятны. Недавно я читал в “Литературке” (так сокращенно называют “Литературную газету”, издание для интеллигентов) такое наблюдение, что слово “купить” постепенно исчезает из обихода, а взамен говорят “достать”. Поэтому люди

становятся не чем иным, как потребителями, проводят слишком много времени в очередях, бегая из одного магазина в другой... Бесит, что у меня остается все меньше и меньше времени, чтобы читать хорошие книги».

Когда я читал это письмо, мне, конечно, было жалко Вадима, но особо я об этом не задумывался. Всю мою жизнь заняла та новая планета, на которую мы приземлились в феврале 1976 года. От Джека Грегори, заведующего кафедрой истории в Ла Троба, я узнал, что Бандоора — это «внешний пригород» Мельбурна. Но в остальном я знал о своем новом доме не больше, чем мадам Эскола. Я принял предложение о работе в Ла Троба в основном потому, что уже было невыносимо ждать чего-то более подходящего. После двух лет в Москве и Хельсинки невысказанно было остаться с родителями более чем на несколько месяцев. Никогда еще пригороды Лонг-Айленда не казались более скучными и замкнутыми. Пока Лина ходила в библиотечный Колледж Ч. У. Поста Университета Лонг-Айленда, я нашел работу на складе местного универмага. Я хорошо ладил с коллегами по работе, большинство из которых имели среднее образование, но меня огорчало отсутствие перспектив для научной работы. Академический рынок не внушал надежд и не дарил поводов для утешения: у меня не было надлежащей выписки из зачетки, а от рекомендательных писем, написанных Шукманом в сдержанных тонах (не по злой воле, а просто потому, что британский научный мир не знал другого способа выражения мыслей), было мало проку.

«Возможно, мне придется временно поработать научным сотрудником в Штатах в одном из центров исследования России (Гарварде, Стэнфорде, Мичиганском университете)», — наивно писал я Иву Шарби в ноябре 1974 года. Как бы не так. К апрелю 1975 года в ответах деканов исторических факультетов (и я их цитировал Иву) звучало одно: «наш бюджет заморожен» и «мы не можем позволить себе нанять историка». Фактически перспективы для специалистов по истории достигли в Соединенных Штатах рекордного минимума, как раз когда я начал искать работу в науке. С 1972 по 1973 и с 1975 по 1976 год американские университеты ежегодно выпускали более 1100 специалистов по

истории, тогда как число открытых вакансий варьировало от 620 до 780. Согласно анализу Американской ассоциации историков, к концу 1970-х годов «только около 65 процентов из тех, кто получил кандидатские степени по истории в 1970-х годах, могли найти работу в сфере науки» [Townsend 1997, 2009]. Те, кто желал специализироваться по истории России, столкнулись с еще более тяжелыми проблемами. После поражения США во Вьетнаме прошло сокращение региональных исследований, а с концом холодной войны и началом разрядки рассчитывать на расширение в этой сфере не приходилось. Как писал в 1984 году Герберт Дж. Эллисон, тогдашний директор Института перспективных российских исследований имени Кеннана:

До недавнего времени общая ситуация для исследований России и Восточной Европы была мрачной: уменьшалась финансовая поддержка со стороны частных и государственных фондов, сильно сужались перспективы для кандидатов исторических наук в научных институтах и других местах... неуклонно сокращались академические должности на факультетах общественных наук, где места, освобожденные специалистами по России, были востребованы для других целей» [Ellison 1984: 403]²⁰.

Хорошо помню, как я был огорчен, когда Университет штата Нью-Йорк в Дженесео отклонил мою заявку на одну из немногих доступных вакансий в моей области. Экономисты уверяют, что закон спроса и предложения в конечном итоге сокращает избытки, ограничивая перепроизводство. Но что нам делать тем временем? В наши дни переизбыток кандидатов наук, образовавшийся не столько по причине «перепроизводства», сколько из-за сокращения расходов на нерентабельных гуманитарных факультетах, привел к расцвету рынка прекариата, когда пролетарии от науки работают внештатными преподавателями. Они привязаны к круп-

²⁰ Институт Кеннана, основанный в 1974 году в пику этим тенденциям, продолжает предоставлять долгосрочные и краткосрочные стипендии ученым, использующим обширные библиотечные фонды и другие ресурсы в Вашингтоне, округ Колумбия. Я получил несколько краткосрочных стипендий в начале 1980-х, когда еще жил в Австралии, и еще раз в 2014 году.

ным городам с большим количеством научных учреждений и тратят непомерное количество времени и денег, передвигаясь между ними, читая лекции то здесь, то там. Я это знаю, потому что у меня сын — кандидат искусствоведения, и у него именно так обстоят дела, он чувствует себя так, словно его предали, и это напоминает то, что чувствовал я за несколько лет до того, как он вошел в этот мир.

Когда поступило предложение из Ла Троба, я присоединился к проекту, возглавляемому деканом библиотечного училища в Колледже Ч. У. Поста. Насер Шарифи, иранец, получил от Тегерана поручение подготовить предварительный проект Национальной библиотеки имени Пехлеви. Он нанял Лину, меня и еще четыре-пять человек для работы с консультантами из разных стран. Мы редактировали их предложения по всем аспектам — архитектуре здания, процедурам сбора материалов, хранению и комплектации персоналом — и работали в небольшом офисном здании, арендованном специально для этой цели. Обильное финансирование этого предприятия означало, что можно рассчитывать на щедрое вознаграждение от Шарифи; помню даже, он спрашивал, как я читаю, сколько он должен мне заплатить. В коллективе сложились прекрасные товарищеские отношения, и все условия казались крайне приятными. Были ли у меня какие-то сомнения по поводу работы над проектом, призванным повысить престиж шаха, режим которого становился все более репрессивным? Да. Искал я для себя оправданий? Снова да. В конце концов, я же участвовал не в строительстве военного объекта или какой-нибудь игрушки для богатеньких, а в создании национальной библиотеки. Конечно, иранцы это заслужили. Я представлял себе, как техническая интеллигенция и другие сотрудники «третьего класса», связанные с ВПК, оправдывают свое участие в организации, занимающейся совершенствованием военной экономики, а затем решают работать на молодое советское правительство после 1917 года.

Я обдумал предложение от Ла Троба. С одной стороны, это помешало бы Лине получить степень в области библиотечного дела; с другой стороны, никаких других предложений я не получал,

и кто знает, когда попадется следующее? Кроме того, это было бы приключением. Я посоветовался с Дайаной Кенкер, которая приехала из Принстона, чтобы обсудить этот вопрос со мной. Дайана, которая, я думаю, тогда уже начала работать в Университете Темпл, считала, что следует соглашаться, и я воспользовался ее советом, как еще не раз случится в будущем.

Довольно скоро я начал определять свои обстоятельства фразой «тирания расстояния», которой историк Джеффри Блейни описывал, что чувствовали в девятнадцатом веке по поводу своего нового дома британские поселенцы и другие европейские иммигранты в Австралии [Blainey 1966]. Я описал это Иву в письме от июля 1977 года как «ноющее чувство, что, как бы ни была приятна жизнь здесь, тут ничего не происходит», добавив: «А то, что мы не коренные жители и что я лишняя деталь, чужак в этом пейзаже, еще усиливает это чувство». «Конечно, — продолжал я, — тирания эта не так велика, как, наверное, десять-двадцать лет назад... За последнее десятилетие Австралия быстро делает успехи, становясь более космополитичной, ломая англоидентификацию большинства австралийцев». По прошествии времени изоляция кажется намного более пугающей. Примерно через десять лет после того, как я вернулся в Соединенные Штаты, один аспирант отреагировал на слова о том, что я провел семь лет в Австралии, воскликнув: «Вау, это было до того, как изобрели электронные письма!»

Но вернемся к письму Вадима. Лишь после того, как М. С. Горбачев назвал 1970-е годы периодом «застоя», я начал понимать его жалобы. К середине 1970-х восходящая кривая «предложения» сгладилась, но ожидания улучшений не изменились. Вадим пережил эти годы застоя вместе со всеми, но, когда в 1983 году его мать и брат эмигрировали в Калифорнию, они с женой решили к ним присоединиться. Ирина получила разрешение уехать со своей дочерью Аллой, но не с Вадимом. Власти сказали ему, что его знания о компьютерах содержат государственные тайны, из-за чего он уехать не может. Семья столкнулась с мучительным решением: отказаться от шанса, который дается раз в жизни, или на время расстаться. Они выбрали последний вариант. Органы

безопасности посчитали его заявление на выезд доказательством нелояльности, так что он лишился работы без возможности устроиться куда-либо в своей области, что усугубило его страдания. Таким образом, он стал «отказником» — незавидная доля некоторых евреев в Советском Союзе, оказавшихся в подвешенном состоянии.

В то же время, после того как его брак распался, Вадим встретил русскую (то есть нееврейскую) женщину Лиду и влюбился в нее. Когда я встретился с ними несколько лет спустя, они жили с маленькой дочерью в просторной квартире недалеко от Смоленской площади, напротив МИДа. Лида работала в приемной Верховного Совета, отвечая на письма, которые становились все более отчаянными, по мере того как плановая экономика продолжала распадаться. Вадим купил английского блаухаунда (сэра Персиваля, сокращенно Перси), с которым прогуливался по набережной Москвы-реки под удивленными взглядами прохожих. Чтобы свести концы с концами, Вадим готовил абитуриентов к вступительным экзаменам по математике в МГУ. Однако он очень скучал по своей старшей дочери и матери. После перестройки ему удалось покинуть Советский Союз, но это означало еще одну дилемму, потому что Лида отказалась бросить своего престарелого отца. Планировалось, что она с дочерью последует за Вадимом, но этого не произошло. Так Вадим оказался в Калифорнии, вдали от двух своих жен и двух дочерей. У этой истории в целом оказался счастливый конец: после второго развода Вадим женился на ласковой и домовитой медсестре-филиппинке. Сейчас они живут в Уолнат-Крике, Калифорния, где Вадим преподает математику в местном колледже.

Я провел в Университете Ла Троба семь с половиной лет. Будучи относительно новым заведением, он привлекал много ученых из-за рубежа, особенно из Соединенных Штатов. Странно, но вне университета я с ними мало общался. Самые близкие мои друзья были из Англии и Канады. Все они приехали несколькими годами ранее, и, как это всегда бывает с эмигрантами в новой стране, они помогли мне сориентироваться, что к чему. Барри Карр, один из нескольких латиноамериканистов на историческом факультете,

женился на австралийке и намеревался остаться в стране навсегда. Гордон Терновецкий, социолог, приехал из Виннипега со своей женой Кэрролл. Они полностью погрузились в австралийский образ жизни и даже купили недвижимость на полуострове Морнингтон, где проводили выходные «в буше». Мы с Линой впервые их встретили, по иронии судьбы, на торжественном обеде 4 июля по случаю двухсотлетия независимости, который организовал один американец.

Я смотрю на свое время в Ла Троба как на продолжение обучения профессии историка. В Оксфорде я не провел ни одного занятия в качестве аспиранта, что было еще одним негативным фактором при поиске вакансий. В Ла Троба я преподавал не только современную историю России, но и более специализированные курсы: «Ленинизм и сталинизм», «Социальные основы сталинизма» и «Советское общество через призму литературы» (Александр Блок, Владимир Маяковский, Исаак Бабель, Борис Пильняк, Евгений Замятин, Михаил Зощенко, Михаил Булгаков, Юрий Олеся, Валентин Катаев, снова Пильняк, Надежда Мандельштам, Анна Ахматова, Александр Солженицын и Владимир Максимов). Я также руководил семинарами по крестьянам («кросс-культурность») и «переходу от феодализма к капитализму».

В этом последнем курсе, согласно учебному плану, изучалась «уместность таких различных *аналитических единиц*, как способ производства, общественно-экономическая формация, мировая система и классовая борьба»; исследовалось, «как возникают и эволюционируют такие понятия, как феодализм и капитализм»; и рассматривались «последствия некритического применения концепций, обусловленных их западноевропейским происхождением, к другим условиям». Самим формулировкам, которые я использовал, я обязан работам, которые незадолго до того прочел: Иммануила Валлерстайна²¹ (чей выпускной курс по со-

²¹ Иммануил Морис Валлерстайн (англ. Immanuel Maurice Wallerstein, 1930–2019) — американский социолог, политолог и философ-неомарксист, один из основателей мир-системной теории, один из ведущих представителей современной левой общественной мысли. — *Примеч. ред.*

циологии я проходил в Колумбии), Родни Хилтона²² и Андре Гундера Франка²³. Увы, оттуда же и склонность к догматизму. Например, в качестве дополнительной цели я указал «изучение исторических корней неудовлетворенности немарксистскими концептуализациями феодализма и капитализма». «Почему, — спрашивалось в учебном плане, — такие термины, как “общественно-экономическая формация”, более предпочтительны, чем такие обиходные понятия, как “общество”?» Мне не приходило в голову, что, может быть, не все их предпочитают.

В курсе на тему «Ленинизм и сталинизм» обнаруживается нечто иное — зарождающееся, хотя пока и ограниченное, желание выйти за рамки политики Кремля, чтобы исследовать советскую жизнь во всей ее неупорядоченной сложности. Программа курса афишировала девятую неделю как посвященную «сталинизму как образу жизни». «Практически каждый аспект советского общества, — говорилось в ней, — за годы сталинского руководства трансформировался. Некоторые утверждают, что это было настоящей революцией, революционными переменами в образе жизни людей, в их отношениях с другими советскими гражданами и т. д.; другие считают эти изменения... контрреволюционными, отступлением от “завоеваний 1917 года”». В то время я, видимо, склонялся к тому, чтобы подчеркнуть негативные аспекты, отметить, что «повседневный сталинизм», заимствуя термин Шейлы Фицпатрик, представлял собой триумф контрреволюции. Поэтому я включил в курс «Преданную революцию» Троцкого, которая представляла наиболее предвзятый взгляд на этот новый образ жизни. Но я все еще, очевидно, считал политику первостепенной, а общественные процессы — производными. Спустя двадцать лет,

²² Родни Говард Хилтон (англ. Rodney Howard Hilton, 1916–2002) — английский историк-марксист, специализировавшийся на позднем Средневековье (в частности, аграрных отношениях, крестьянских движениях и классовой борьбе в позднесредневековой Англии) и проблеме перехода от феодализма к капитализму в целом. — *Примеч. ред.*

²³ Андре Гундер Франк (англ. Andre Gunder Frank, 1929–2005) — немецкий экономист, социолог и политолог, один из основоположников мир-системного анализа и теории зависимого развития. Использовал некоторые марксистские концепты из политической экономии. — *Примеч. ред.*

когда я готовил сборник документов, собранных совместно с Андреем Соколовым, для публикации в издательстве Йельского университета, в качестве названия я выбрал «Сталинизм как образ жизни». Теперь под этой формулировкой я подразумевал совершенно другое (о том, что я использовал именно такую формулировку в курсе, который я вел в Ла Троба, я совершенно не помнил).

Исторический факультет Ла Троба был большим и очень разным, по большей части молодым. На каждом факультете есть свои фракции, и наш не стал исключением. К чести сказать, раскол фракций проходил по политическим пристрастиям, а не по историческим периодам или личностям. К марксистам принадлежали Стив Нибло (1941–2008) и Барри Карр, оба латиноамериканисты, и Том Спир, африканист. Время от времени мы собирались как читательская группа, чтобы разбирать «Капитал»; Шейла, жена Тома, хоть и не была ученой, превосходила всех нас проникательностью наблюдений. К многочисленным «этногам» факультета, как мы шутливо называли этнографов, приверженных идеям «Интерпретации культур» (1973) Клиффорда Гирца и «Островов и берегов» Грега Денинга (1980), относились Инга Клендиннен (1934–2016), Рис Айзек (1937–2010), Бронвен Дуглас и Джун Филипп²⁴. Только моя фракционная принадлежность к марксистам помешала мне воспользоваться их присутствием и узнать от них по возможности больше. Инга, женщина с высоким интеллектом и большой энергией, которая могла бы сделать великолепную карьеру как историк и публичный интеллектуал, писала о культуре ацтеков и их контакте с европейцами²⁵. Рис, гениальный южноафриканист, получил Пулитцеровскую премию по истории в 1983 году за книгу «Трансформация Вирджинии, 1740–1790» (*Transformation of Virginia, 1740–1790*).

²⁴ Денинг (1931–2008), который преподавал в Ла Троба до того, как стал профессором истории в Колледже Макса Кроуфорда Университета Мельбурна, был своего рода культовой фигурой среди преподавателей «Мельбурнской группы», как их называл Гирц. Благодарные воспоминания приведены у Бронвена Дугласа [Douglas 2008].

²⁵ Инга прервала свою блестящую карьеру историка — исследователя контактов между испанцами и коренными жителями Нового Света, переключившись на не менее болезненную тему Холокоста [Clendinnen 1999].

Как единственный специалист по России на факультете, я мог бы приложить больше усилий, чтобы установить связи с другими людьми в Мельбурне, которые имели схожие интересы, но частым контактам препятствовали различия между поколениями, культурой и дисциплинарными интересами. В то же время мои языковые навыки начали утрачиваться из-за отсутствия носителей русского языка и легкодоступных записей. Это двойное отдаление — от родной страны и от всего, что напоминает ту страну, чьей истории я посвятил свою научную деятельность, — не могло остаться без последствий, но также странным образом освободило меня, так что я смог заняться любыми привлекательными для себя темами и любым выбранным способом.

Например, при подготовке диссертации я натолкнулся на тот факт, что на замену шахтерам, призванным в армию во время Первой мировой войны, набирали китайских и корейских кули. Китайцев? Корейцев? Я понятия не имел, что мигранты из Северного Китая и Корейского полуострова регулярно пересекали российскую границу. Я действительно очень мало знал о дальневосточной части Российской империи, так почему бы мне не отследить пути этих рабочих-мигрантов, золотодобытчиков и овощеводов? Никто не предостерегал меня от погружения в ориентализм, да и термина такого не было до появления книги Эдварда Саида с таким названием в 1978 году.

Помимо любопытства к далекому прошлому дальней части мира, я был не чужд и современности. В 1974 году вышла в английском переводе вторая часть мемуаров Никиты Хрущева. Меня привлек конец главы об отношениях СССР с Китаем, где Хрущев упоминает разговор, состоявшийся в Кремле с Эдуаром Даладье, бывшим премьер-министром Франции. Даладье, возвращаясь домой из поездки в Китай, спросил Хрущева, не беспокоит ли советского лидера «желтая опасность». «Я был удивлен такой постановкой вопроса и резко отверг его рассуждения: “Мы по-другому относимся к людям, не делим их по цвету кожи”». Эта часть главы озаглавлена «Реальна ли желтая опасность?»²⁶, и в за-

²⁶ В английском издании [Khrushchev 1974]. — *Примеч. пер.*

ключение Хрущев размышляет, что если бы Даладье «...был жив, то посмеялся бы, вероятно, над моим ответом. Для него, буржуазного деятеля, и не потребовалось бы никаких других доказательств, кроме наших сегодняшних взаимоотношений с Китаем» [Хрущев 2016: 438]. Никита Сергеевич добавляет, что не «желтая опасность» угрожает Советскому Союзу, а «политика, которую проводит Мао». Ранее в этой книге Хрущев ссылается на предложение, сделанное в 1954 году советской делегацией в Пекине. Делегация, в которую входил и сам Хрущев, чтобы преодолеть дефицит рабочей силы в Сибири, предложила «...какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки богатств Сибири, прежде всего на лесоразработки». Хрущев пишет: «Нам требовалось около 1 млн человек, а может быть, и больше» [Хрущев 2016: 25]. Сначала, по словам Хрущева, Мао отверг это предложение, но впоследствии, однако, обе стороны пришли к соглашению, и около 200 тысяч китайских рабочих прибыли в СССР, сделали свою работу и вернулись домой. Далее Хрущев утверждает: «Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей». И потом: «Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток... с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население» [Хрущев 2016: 28]. То есть все-таки «желтая опасность».

Итак, будучи лишенным советов профессионалов, я приступил к сбору рассказов путешественников конца XIX — начала XX веков, пользуясь любыми современными русскими источниками, которые я мог найти в библиотеке Мельбурнского университета или заказывая по MBA из других библиотек. В результате я собрал текст, не связав свое исследование с более поздней историей, в том числе рассказанной в воспоминаниях Хрущева, и значимостью для нее. Отчего так? Потому что никто не сказал мне, что выявление такой связи может повысить ценность статьи. Моя убежденность в обратном проистекала из схоластических заблуждений. Не помню, почему я решил отправить статью «Еще одна желтая опасность» в «Modern Asian Studies», почтенный, если не чопорный британский журнал, но, когда в конце концов получил известие

о ее принятии в печать, то испытал огромное удовольствие [Siegelbaum 1978]. Моя любовь к этой статье только росла с годами. Я горжусь тем, насколько гладко в ней сочетаются традиционная политическая и трудовая истории, сколько сведений приведено о китайских учреждениях, как аргументирован тезис о том, что, как бы сильно русское население и предприятия ни зависели от китайских мигрантов, они их присутствия не желали. Сегодня аналогии с рабочими из Центральной Америки, мигрирующими в Соединенные Штаты, кажутся совершенно очевидными, но в 1970-х годах дело обстояло иначе.

Затем, следуя схеме, которая будет не раз повторяться в первые годы моей научной карьеры, я переключился с «Modern Asian Studies» на «The Journal of Religious History», куда отправил более слабую статью «Крестьянские волнения и миф о царе: Русские вариации на тему миллениаризма»²⁷ [Siegelbaum 1979]. Вдохновившись «Повстанцами во имя царя» (1976) Дэниэла Филда, увлекательным историческим экскурсом о том, как царские чиновники и революционная интеллигенция пытались манипулировать наивным монархизмом крестьян, я хотел понять сущностную реальность крестьянской веры. Я прочитал все, что мог, о миллениаризме, прежде чем заключил, что «социально-утопические легенды» крестьян отражают их стремление к освобождению. Такие желания, часто преломленные через мотивы православного христианства, породили сектантские движения, которые я считал миллениаристскими. Откуда, могу я теперь спросить, мог я знать, что на самом деле думали «крестьяне»?

Выборочно начитавшись антропологических текстов по истории религии, затем я склонился в сторону экономической истории. Благодаря Эрику Джонсу, который преподавал экономику и экономическую историю в Ла Троба с 1975 по 1994 год, я познакомил-

²⁷ Миллениаризм — мировоззрение или убеждения (религиозные, политические) религиозной, социальной или политической группы или движения, связанные с верой в грядущую фундаментальную трансформацию общества, после которой «все изменится». Миллениаризм существует в различных культурах и религиях по всему миру, с различными интерпретациями того, что представляет собой эта трансформация. — *Примеч. ред.*

ся с Малькольмом Фалькусом, который провел семестр в качестве приглашенного профессора. Фалькус, чью небольшую книгу «Индустриализация России, 1700–1914 годы» (1972) я счел полезной для преподавания, упомянул как-то о важности международной торговли зерном для экономического благосостояния имперской России и даже для роста ее городов. Идея исследования этой взаимосвязи — установление причинных связей между экспортом зерна и ростом городов — увлекла меня по двум причинам. Одна из них связана с популярностью историометрии, то есть применения эконометрических методов к историческим процессам, и моим желанием познакомиться с чем-то новым в своей дисциплине. Другая, более личная, причина (хотя я особо не интересовался отслеживанием жизни своих предков, в данном случае было сделано исключение) заключалась в том, что мой дед по отцовской линии, Луи, родился в Одессе, главном городе-экспортере зерна на Черном море.

Таким образом, я начал исследование, прочитав все, что мог найти о российских черноморских портовых городах. Чрезвычайно ценными оказались отчеты британских консулов, хранящиеся на микрофильмах в библиотеке Университета Мельбурна. Множество других источников я изучил в Хельсинки зимой 1977–1978 годов и следующей зимой — в Соединенных Штатах. Многие оказались смертельно скучными, что компенсировалось заметками некоторых современных журналистов и путешественников. Мое сердце пело, когда я сталкивался с такими пассажами, как «в обществе даже женщины после обычных приветствий и замечаний о погоде поворачивают разговор на пшеницу». Я подсчитывал каждую четверть (устаревшая российская единица веса) пшеницы, ячменя, ржи и кукурузы, ежегодно экспортировавшихся из Одессы, Николаева или Херсона во Францию, Великобританию, Германию и другие страны, и кропотливо выписывал цифры на больших листах бумаги. Я подсчитывал количество предприятий, школ, рабочих и евреев; прослеживал, как по миру распространялась технология зерноподъемников, от их появления в Буффало и Чикаго; следовал за строительством железнодорожных путей через Новороссию (т. е. Украину); и, когда пришло время предста-

вить статью для публикации, подготовил таблицы, график и карту, которые вошли в приложения. Карту эту (южнорусских портов и хлеботорговли 1880–1913 годов) я заимствовал из неопубликованной работы Фалькуса, что явилось еще одним свидетельством его доброты.

Статья «Одесская хлеботорговля: пример роста и развития городов в царской России» вышла в весеннем выпуске журнала «Journal of European Economic History» за 1980 год [Siegelbaum 1980]. Это широко известное издание *Banco di Roma*, которое, что необычно для академических журналов, платит своим авторам гонорар²⁸. Моим единственным разочарованием стало то, что все труды и финансовые расходы, затраченные на исследования, не привели к появлению книги. Книга — это то, что я имел в виду, когда подал заявку в 1978 году в Австралийский комитет по исследовательским грантам (ARGC) для поддержки исследования «Хлеботорговля и регулирование экономики в России. 1861–1914 годы». Тем не менее эта статья в почти сорок страниц представляла, как я заявлял в своем докладе секретарю ARGC, «существенный вклад в наше понимание закономерностей роста и развития городов в дореволюционной России». В ней был приведен тот простой аргумент, что хлеботорговля структурировала рост и развитие Одессы, определяла, где будут расположены дороги и железнодорожные терминалы, склады, портовые сооружения и другие здания, и обеспечивала средства на ведение городского хозяйства.

Самый важный урок, который я вынес из этой статьи, и причина, по которой она не была расширена до книги, заключается в том, что мне больше не следует заниматься экономической историей. Я мог пользоваться ее категориями и отбирать данные, но не мог выработать свежий взгляд. Это как математика в старших классах: я мог применять формулы для решения задач, но затруднялся с применением их для решения задач другого типа. Я нашел

²⁸ Помню, что получил чек на несколько десятков тысяч лир, что при переводе в австралийские доллары едва ли покрывало стоимость хорошего ужина в Мельбурне.

рациональное обоснование своей слабости, решив для себя, что историометрия — это некая манипуляция: она берет в расчет только то, что может сосчитать, что приводит к ошибочному заключению: имеет смысл только то, что можно сосчитать.

Сейчас взгляд остановился на следующем отрывке из статьи:

Возможно, самое главное... — это то, что хлеботорговля определяла структуру населения в отношении пола и профессий. Помимо состояния, накопленного основными экспортерами, зерно давало средства к существованию тысячам агентов, комиссионеров, брокеров, весовщиков и мелких торговцев, многие из которых ездили в деревню летом и осенью, чтобы заключить контракты, скупить излишки и продать свои товары. Это также задействовало еще большее количество водителей, тюковщиков, шивателей мешков, портовых и строительных рабочих, чья ежедневная заработная плата росла и падала в зависимости от размера складских запасов и цен на пшеницу. В период с апреля по ноябрь в город приходило до 50 тысяч крестьян, в основном мужчин. Те, кто мог себе это позволить, жили в полуподвальных этажах или домах. Другие спали в катакомбах, вырезанных в известняковых карьерах, или под открытым небом. Они часто посещали припортовые кабаки и проституток, услуги которых также пользовались спросом у торговых моряков [Siegelbaum 1980: 118–119].

Это напоминало не столько экономическую, сколько социальную историю. Сейчас я бы написал этот отрывок так же, разве что заменил бы «пол» на «гендер» во вступительном предложении. Что любопытно, этот отрывок в общих чертах отражает долгосрочную перспективу моей карьеры. Перечень ремесел и профессий предвосхищает трудовую историю, которой я посвятил следующее десятилетие. К сосредоточению на одном конкретном товаре я вернусь в своей работе об автомобилях. Пятьдесят тысяч крестьян, прибывших в Одессу, снова появятся в большем количестве в качестве городских мигрантов в более поздней моей работе.

Вскоре после выхода статьи я начал перерабатывать свою оксфордскую диссертацию. Эти четыре упущенных года можно объяснить только тем, что я не знал, чего ожидает профессия от новоиспеченного кандидата наук. Никто не поведал мне, что продвижение по службе и срок пребывания в должности зависят

от «книги», вероятно, потому, что в Ла Троба от этого ничего не зависело. Люди моего поколения могут иногда жаловаться на сопровождение молодых ученых как на бессмысленную обязанность, но мой опыт подсказывает совсем обратное. Не помню, чтобы я обращался в издательство Кембриджского университета, но письмо Арчи Брауна от 2 мая 1980 года о том, что редколлегия решила «не публиковать диссертацию в виде книги», означает, что каким-то образом она туда попала. Как он об этом узнал — до сих пор для меня загадка. Браун, который начал работать в Колледже Св. Антония в 1971 году, также сообщил мне, что он стал редактором новой серии, издаваемой Макмилланом совместно с колледжем. «Хотя, очевидно, я не могу гарантировать положительный вердикт, — добавил он, — если вы хотите, чтобы мы рассмотрели возможность издания вашей диссертации в качестве книги в этой серии, не могли бы вы сразу же направить свой ответ по экспресс-почте?» В своем ответе несколько дней спустя я перечислил предполагаемые изменения и график готовности.

Я высоко оценил поддержку, которую я получил от Арчи Брауна, а затем от Майкла Казера, но процесс доводки книги до печати оказался более сложным, более медленным и менее удовлетворительным, чем ожидалось. Изменений было немного. Получив анонимные отзывы, я написал вступительную главу, которую в честь Е. П. Томпсона назвал «Русская промышленность и создание российской промышленной буржуазии». Между заключительной главой «Вызов революции» и эпилогом, где подводился итог того, что случилось с военно-промышленными комитетами после Октябрьской революции, я вставил заключение, где подчеркивал взаимно разрушительные результаты соперничества между царскими бюрократами, ревниво оберегающими свои полномочия, и «промышленной буржуазией», стремящейся превратить экономическое влияние в политическую власть. Как я утверждал в безупречно марксистских терминах:

Это не было вопросом безответственности или измены, в чем каждая сторона обвиняла другую как до, так и после революции. Государство не было «слепым», как утверждал Рябушинский незадолго до войны; оно был структурно и идеологически не-

способно узаконить национальные буржуазные интересы. Люди также не были «осиротевшими». Их все более не устраивало правление их «маленького отца», но, добившись его падения, они отказались принять буржуазию в качестве своего законного представителя [Siegelbaum 1975: 212].

Несомненно, я мог бы внести более обширные изменения. Ханс Роггер, профессор истории в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, с которым я познакомился, когда он вел семестр в Колледже Св. Антония, считал, что мне следует «расширить книгу, чтобы сделать ее более общим исследованием экономической мобилизации в России... и политики военных лет». Жалею ли я, что не воспользовался советом Ханса? Да, но нетерпение, присущее моей природе, особенно в юности, помешало спокойно его обдумать. Мне также не хватало свободного доступа к дополнительным источникам, я уже приступил к другого рода исследованиям, и поэтому сомневался, что смогу это осуществить. По настоянию Макмиллана я договорился о совместной публикации с издательством «St. Martin's Press» в Соединенных Штатах и в установленном порядке, в марте 1982 года, получил предложенный Макмилланом контракт. Каково было мое удивление, когда контракт ограничил объем работы «не более чем 256 страницами». Это было намного меньше, чем я предполагал. Я сразу же позвонил редактору Тиму Фармилоу и получил заверение, что, после обсуждения этого вопроса «с руководителем производства, мистером Бэйсом, в данных обстоятельствах» они готовы «увеличить объем с 256 до 320 печатных страниц». Затем возникли технические проблемы: различия американского и британского правописания; отсутствие подходящего шрифтоносителя для «текстопроцессорного оборудования для изготовления оригинал-макета» и другие проблемы, которые сейчас кажутся анахронизмом. На письме, полученном от Бэйса 18 июня 1982 года, я написал: «Исправления получены. Отправим 25.02.83 или около того». В своей биографии Э. Х. Карра Джонатан Хэслем сообщает, что Карр завершил рукопись своей книги «Романтические изгнанники» к Рождеству 1932 года, отправил ее в издательство «Gol-

lancz» 20 января 1933 года и получил печатную копию 27 марта того же года. Следующая книга Карра, биография Маркса, издавалась с такой же, если не более впечатляющей, быстротой: «К началу марта 1934 года появилась первая редактура биографии Маркса; и с быстротой, которая даже сейчас, с современными высокими технологиями, показалась бы издателям невозможной, книга появилась на прилавках в мае» [Haslam 1999: 52, 55]. «Сейчас» у Хэслема означает конец 1990-х. Моя книга дошла до меня не в феврале, а в октябре 1983 года, через два месяца после того, как я покинул Австралию. Мое нетерпение и разочарование задержкой видны из черновика письма в издательство Макмиллана:

К сожалению, я вынужден снова обратиться к вам. Прошу сообщить, когда я получу авторскую копию моей книги, и дату ее публикации [затем предложение вычеркнуто с последующим многоточием]. Многочисленные задержки, которые были связаны с выпуском книги, доставляют мне значительные душевные страдания и в настоящее время служат причиной профессиональных проблем. Не думаю, что мои требования к издательству чрезмерны, и, если вас вообще беспокоит доброе имя «Макмиллана», прошу сделать все возможное для ускорения решения данного вопроса.

Когда после всей этой мороки в один из октябрьских дней 1983 года я наконец взял в руки готовый к печати авторский экземпляр в красном цельнотканевом переплете, то почувствовал скорее облегчение, чем удовлетворение.

Тридцать пять лет спустя трудно судить, был ли мой опыт типичным для тогдашней неразберихи с научными публикациями, хотя подозреваю, что это так и есть. Конечно, я преувеличивал, написав, что задержка публикации вызвала «профессиональные проблемы». В отличие от многих молодых профессоров в Соединенных Штатах, моя работа, то есть срок пребывания в должности, не зависела от наличия «на руках» книги. В Ла Троба еще за год до выхода книги я уже продвинулся до старшего лектора, что соответствует доценту в американской системе. Тот факт, что свои письма я адресовал безликим «бриттам», может отчасти объяс-

нить мой воинственный тон, причем воинственность эта подогревалась моим нью-йоркским радикализмом и тем, что я к тому времени семь лет провел в Австралии и привык к непреходящему чувству обиды по отношению к бывшим колониалистам. Но это, конечно, не оправдывает грубость.

У меня сохранилось семь рецензий на книгу. В «*Russian Review*» написали, что она «хорошо написана», вносит «реальный вклад», но грешит «неспособностью развить определенные темы» и отличается «довольно узким пониманием политических событий и проблем». В рецензии также утверждалось, что в книге экономические, политические и социальные аспекты мобилизации рассматриваются «слишком разрозненно». Рецензент в «*American Historical Review*» писал: «К сожалению, недостаточно разработаны описание и анализ их роли в Февральской революции». Журнал «*Technology and Culture*» описывал книгу как «увлекательную», но сожалел по тому поводу, что «целесообразно было бы больше внимания уделить <...> усилиям по послевоенному восстановлению». Как и в отношении многих других книг, эти рецензии читаются как палимпсесты собственных работ или интересов рецензентов. Историк, рецензирующий книгу в «*Soviet Studies*», считает ее не только «еще одним доказательством того, что империя была нежизнеспособна, а революция неизбежна», но также, «что более интересно, <...> [доказательством того], что провал либеральной революции в марте был также неизбежен». Не думал, что писал так категорично; последние строки этой рецензии меня обескуражили и до сих пор забавляют: «Анализ второстепенных причин большевистской революции — полезное упражнение, но в нем отсутствует настоящая драма самой революции». Более теплый отклик книга получила в «*Slavonic and East European Review*», и еще более — в «*The International History Review*». Там, в отличие от сожалений «*Russian Review*», говорится, что книга «свидетельствует об остром понимании взаимодействия политики и экономики». «Прочитав анализ Сигельбаума», рецензент «склоняется к мнению, что московские “либеральные патриоты” просто прикрывали имперским стягом стремление к наживе и бесконтрольной свободе предпринимательства».

Я рассказываю о том, что моя первая книга получила не слишком выдающийся прием, не для того, чтобы посетовать, а чтобы сказать, что степень успеха в этой (да и любой другой) профессии в большей степени зависит не от непосредственного одобрения старших охранителей, но от желания извлекать уроки и решимости добиться большего успеха в следующий раз.

На обложке книги я был представлен как «старший преподаватель истории в Университете Ла Троба... который занимается изучением советских рабочих 1920–1930-х годов». Как долго я этим занимался? Помню, как на втором Всемирном конгрессе по советским и восточноевропейским исследованиям, состоявшемся в Гармиш-Партенкирхене, Германия, в начале октября 1980 года, меня поразило, как много других молодых ученых начали заниматься вопросами советского рабочего класса тех десятилетий. Джон Рассел, парень из английских рабочих, дал мне копию своей статьи об ударных бригадах. Я также встретил там Дона Фильцера, Владимира Андрле, Франческо Бенвенути и других — казалось, всех. У меня был доклад о видении будущего русской буржуазией — будущего, которому не суждено сбыться, — но мои интересы уже были связаны с рабочими. Не рабочими в Российской империи, но после революции, в процессе становления Советского Союза, и особенно сталинской индустриализации.

Для меня это означало два крупных поворота: один — к советской истории, в отличие от истории России до большевистской революции, другой — к социальной истории. Надо отдать должное великому Э. П. Томпсону за то, что он вдохновил меня на последнее. Я имею в виду не только его книгу «Становление английского рабочего класса» (*The Making of the English Working Class*), но и ряд его статей, его антивоенную деятельность, серию лекций, прочтенных им в Стэнфордском университете в начале 1980-х годов и посвященных воспоминаниям и размышлениям о краткой жизни его брата Фрэнка. Позже они вылились в книгу «Позади фронта» (*Beyond the Frontier*). Стоит упомянуть и «Бедность теории» (*The Poverty of Theory*) (1978), его гневную и блестящую, хотя небезупречную и несколько грубую отповедь

французскому философу Луи Альтюссеру. Кажется, что и сейчас знакомство с Томпсоном было бы для меня не менее важным и волнующим, чем когда мы впервые встретились в конце 1970-х. Я неоднократно использовал его работы на протяжении всей своей преподавательской карьеры и обнаружил, что студенты легко воспринимают основополагающую демократичную добропорядочность его мировоззрения. Чем дальше время и жизненный опыт отделяет их от «бедного погонщика, нищего луддита, “старомодного” ручного ткача, “утопического” ремесленника и даже заблудшего последователя Джоанны Сауткотт», столь чудесно вызванных к жизни Томпсоном и убежденных им «от высокомерной снисходительности потомков», тем больше они склонны ценить чудодейственное возвращение этих людей к жизни в его прозе [Thompson 1980: 12]. Что студентам сложнее понять, так это то, что Томпсон уберег этих людей «старомодного прошлого» не только от высокомерной снисходительности, но и от того, чтобы они превратились в числа, модели, тенденции и другие абстракции, состоявшие на вооружении экономических историков 1950-х и 1960-х, а также европейских марксистов, которых Томпсон позднее избрал своей мишенью за их склонность к структурированию всего и вся. Стало общим местом утверждать, что через него обычные люди прошлого получили голос, и тем самым он открыл «новую социальную историю», но это не делает ее ни менее истинной, ни менее значимой. Томпсон славил этих людей за то, что программа, которую они выдвигали, хотя и была обречена на неудачу, служила для них источником надежд и достоинства, — то, чего их более удачливые современники стремились их лишить. Его симпатии распространялись даже на их религиозную практику — «даже», потому что марксисты издавна сокрушались по поводу «опиума для народа» (или «ложного сознания», если использовать более снисходительную формулировку, используемую коммунистами), отравлявшего рабочих. Методизм мог представлять собой «нелепую смесь» «еврейских генеалогий, анафем и хроник», но Эдвард Томпсон признавал, что «рабочий класс внес в храмы свои собственные ценности взаимопомощи, добрососедства и солидарности... То там, то тут

появляются на свет тексты, применимые практически к любому контексту» [Thompson 1980: 431]. Творчество Томпсона отличает его непреходящая новизна. Недавно я прочел «Мятеж, стачку, бунт» Джошуа Кловера, анализ долгосрочных доминирующих форм протеста, связанных с переменами в доминирующих формах эксплуатации [Clover 2016]. Кlover чаще цитирует работу Томпсона «Нравственная экономика английской толпы» (*The Moral Economy of the English Crowd*), чем его же «Становление...», приводя подробные цитаты, относящиеся к переходу от протестных выступлений на рыночных площадях к забастовкам на рабочих местах. За рамками предметного измерения очевидна та смелость, с которой Томпсон выводит на сцену своих актеров и описывает действие; от нее перехватывает дыхание, и в то же время она вдохновляет.

Конечно, существует огромная разница между становлением класса — процессом, происходившим в Англии между Французской революцией и зарождением чартизма, — и совершением социалистической революции. Тем не менее благодаря Томпсону, а также политическим вихрям, бушевавшим в большей части мира в 1960-х и 1970-х годах, когорты специалистов по российской истории свежей чеканки направила свои усилия на применение уроков новой социальной истории к революции 1917 года. Не все они сходились во мнении о том, как «случился» (если использовать терминологию Томпсона) в России воинственный рабочий класс; но все они придерживались марксистской истории об опыте угнетения, который ведет к протестным настроениям и более высокому уровню классового и политического сознания. Эта литература олицетворяла то, что мы с Ронем Суни называли активизацией трудовой истории, которая, по нашему наблюдению, теперь «разделяла общий оптимизм в отношении политической значимости восстановления опыта прежней борьбы» [Siegelbaum 1994: 4]²⁹.

²⁹ В этом абзаце перефразируется текст моего очерка советской трудовой истории [Siegelbaum 2006b].

Что случилось с этим классом после Октябрьской революции? Согласно общепринятому советскому нарративу, он стал правящим классом, который был атакован всевозможными силами контрреволюционной буржуазии и одержал над ними победу. Такая трактовка никогда не убеждала практикующих западных историков, по крайней мере тех из них, кто увлекся идеями Томпсона. Предательство рабочих большевиками, что некоторые считали привлекательным объяснением, меня тоже не удовлетворяло. В обзоре западных работ о советском рабочем классе и трудовой истории, который я опубликовал в 2006 году, я попытался определить ключевые вопросы и ответы, представленные моим поколением трудовых историков [Siegelbaum 2006b]. Вдохновленный Томпсоном вывод о том, что советские рабочие сами участвовали в становлении своего класса, а также Советского Союза, его трудовой практики, культуры и институтов, опровергало все другие объяснения, которые тоже нуждались в защите как от пренебрежительного отношения старшего поколения западных советологов, для которых имели значение только лица, принимающие решения в Кремле, так и от убеждений трудовых историков о том, что имело значение только сопротивление рабочих.

Прежде чем закончить с Томпсоном, хочу сослаться на письмо, которое мой отец написал мне 29 ноября 1982 года, в день, когда «мы похоронили бабушку [Сэди]»: «Смерть всегда настолько физически бесповоротна, что от этого больно, — написал он, — хотя замечательная речь, которую произнес Стиви», помогла уменьшить эту боль. Затем он сообщал о том, что они с мамой переезжают в дом на станции Хантингтон и обо всех связанных с этим хлопотах: навешивании полок, выборе обоев и так далее, но добавил, что ему тем не менее удалось прочесть около трети «Становления...». «Почему, — спрашивал он, — марксистские лидеры, типа советских, не читают труды ученых и не учатся у них?» Хотелось бы мне спросить его, что, по его мнению, могли бы узнать у таких ученых так называемые марксисты. Его замечание теперь заставляет думать, что он, как и Миша Левин, все еще пытался спасти Советский Союз, несмотря на то что это государство не смогло спасти лично его.

С этого времени моя собственная работа подпитывалась интересом к тому, что это значит — быть советским рабочим. Вместе со своими коллегами я понял, что важную, а порой и решающую роль играли возраст, гендер, профессиональный уровень, род занятий и географическое местоположение. Как и другие ученые, на передний план в драме сталинской промышленной революции я выводил рабочих и профсоюзную политику, что заложило основу для исследований предприятий, которые появились в 1990-х годах. Позже я расскажу о недостатках этих и других своих работ, но сначала хочу подробно остановиться на ранних проявлениях такого подхода.

Я начинал скромно, с исследования практики социалистического соревнования, когда в первую пятилетку (1928–1932) одни трудовые коллективы бросали вызов другим по выполнению или перевыполнению плана. Интересно, почему рабочие добровольно стали работать интенсивнее, зная, что в результате нормы выработки возрастут? Конечно, не казались приемлемыми ни стандартное советское объяснение этого энтузиазмом рабочих по выполнению амбициозных целей пятилетнего плана и тем самым ускорения построения социализма, ни предположение западных историков о принуждении к труду. Все еще не имея доступа к советским архивам, я начал вчитываться в профсоюзную прессу, партийную литературу и вторичные источники. Пришлось немало поработать с западной историографией конца 1970-х годов, хотя источников по трудовой истории было крайне мало. Междисциплинарный сборник «Сталинизм: очерки по исторической интерпретации», основанный на материалах конференции 1975 года, дал толчок для последующих исследований [Tucker 1977]. Там впервые сталинизм использовался как аналитическая категория, характерная для определенного периода советской истории. Самым ярким произведением в сборнике был блестящий очерк Моше Левина «Социальный фон сталинизма»; его подход к социальной истории был столь же своеобразным, сколь и привлекательным. Первое предложение очерка, сформулированное в неповторимом левинском стиле, до сих пор для меня звучит как манифест интеграции политики и «социальных факторов»:

Изучение социальных факторов, которые имели решающее значение для формирования и содействия развитию сталинского феномена, с уверенностью можно начинать с исследования положения, в котором большевизм оказался в конце Гражданской войны, и субъективного восприятия или, скорее, идеологических (теоретических, если угодно) терминов, в которых руководство страны анализировало это положение на тот момент [Tucker 1977: 111].

У Левина к тому времени уже вышли три книги: его переработанная диссертация о коллективизации, которая вышла на французском в 1966 году и на английском — в 1968, исследование о борьбе за власть после ухода Ленина, рассчитанное на более широкую аудиторию, и более техническое исследование советской экономической политики 1960-х — начала 1970-х годов, отдававшее долг идеям Бухарина [Lewin 1966, 1968, 1974, 1975]. Кроме того, его эссе вышло в сборнике «Культурная революция в России» (1978) под редакцией Шейлы Фицпатрик [Lewin 1978].

«Культурная революция», термин, который Фицпатрик позаимствовала у тогдашней кампании в Китае, послужила удобным способом размышления о радикализме в СССР конца 1920-х — начале 1930-х годов, затронувшем практически все сферы жизни, от теории права до учебно-воспитательной работы, от «утопического градостроительства» до исторической науки. Хотя рабочий класс в этом сборнике почти не отражен, книга помогла вписать в контекст некоторые из наиболее неоднозначных инициатив, затрагивающих рабочих. Ту же роль сыграла книга Кендалла Бейлса «Технологии и общество при Ленине и Сталине» [Bailes 1977], где анализируются знаковые противоречия в среде технической интеллигенции³⁰. Советские рабочие появляются более

³⁰ См. также [Bailes 1981]. Я также цитировал [Lampert 1979]. Кен, дотошный ученый, получивший степень в Колумбии в 1971 году (почти что во время моего студенчества), также был в Москве в 1973–1974 годах по программе IREX. В 1981 году мы делили комнату — или скорее кабинку — на ежегодном конгрессе Американской ассоциации развития славянских исследований (AAASS) в Асиломаре, Калифорния, на прекрасном участке тихоокеанского

заметно, хотя все еще в значительной степени в объективированном виде, у Чарльза Беттельхейма в его книге 1978 года «Классовая борьба в СССР: второй период (1923–1930)» (Class Struggles in the USSR: Second Period, 1923–30) [Bettelheim 1974, 1978] и в статье Сэма Либерштейна в журнале «Technology and Culture» [Lieberstein 1975]. Как и молодые историки, с которыми я общался на конференции в Гармиш-Партенкирхене в 1980 году, Беттельхейм и Либерштейн в своих работах обращаются к советскому прошлому, чтобы пролить новый свет на современные страхи западных рабочих движений — опасения по поводу рутинизации труда и потерю независимости рабочих вследствие расширения практики внедрения фордистских и тейлористских методов организации труда³¹. Книга Гарри Бравермана «Труд и монополия капитала» (Labor and Monopoly Capital) послужила отправной точкой для многих ученых, включая меня самого [Braverman 1974; см. также Edwards 1979]. Позднее появилось и свидетельство из первых рук о применении сдельных расценок на современной венгерской фабрике, показавшее сходство двух систем [Haraszti 1977]. Но я стремился отличить соцсоревнование, объективно подчинявшее работников ритмам и системам стимулирования, разработанным руководством, от других, которые повышали самоорганизацию и взаимопомощь работников. Социалистическое соревнование, на мой взгляд, представляло собой арену (или, как бы я выразился десятилетием позже, дискурсивное поле), где на кону стояла судьба трудового процесса, развившегося при капитализме. В одной из последующих статей я утверждал, что возможности институционализации контроля рабочих над своим трудом исчезли в начале 1930-х годов, когда компартия решила подчинить себе трудовые коллективы и коммуны [Siegelbaum 1986a]. В то время я не одобрял мнение Беттельхейма и других о том, что

побережья. После этого мы коротко пересекались на последующих конференциях AAASS, а в 1987 году он сказал мне по телефону, что заразился СПИДом. Он умер в следующем году в сорок семь лет.

³¹ Непревзойденный анализ первоначального влияния тейлоризма в Европе см. [Maier 1970].

в СССР не произошло подлинной трансформации трудового процесса, но подспудно об этом я и говорил.

Я решил представить свою статью о социалистическом соревновании в неизвестный тогда австралийский левый журнал [Siegelbaum 1982]. Почему так? Я полагал, что отсутствие архивных ссылок и другие недостатки, судя по академическим стандартам того времени, помешали бы публикации в других местах. Или, может быть, я пытался произвести впечатление на марксистов, с которыми встречался в Ла Троба и в других местах в Мельбурне. Журнал «Thesis Eleven», который в наши дни позиционирует себя «марксистским по происхождению, постмарксистским в силу неизбежности», начал выходить в 1980 году. Он был основан группой социологов, объединившихся вокруг венгерского философа-марксиста Агнес Хеллер и ее мужа Ференца Фехера, которые эмигрировали в 1977 году и получили работу в отделе социологии в Ла Троба. Среди его бессменных редакторов — до сих пор работающие Питер Бейлхарц и Питер Мерфи. Статья Иоганна Арнасона, ныне почетного профессора социологии Ла Троба, появилась в том же номере, что и моя. Смотря из сегодняшнего дня, можно только поражаться, в какой выдающейся компании оказалась моя публикация. Кроме Арнасона, Янош Корнай, венгерский экономист, чья книга «Экономика дефицита» (*Economics of Shortage*) (1980) прояснила много запутанных вопросов по поводу рациональности централизованного планирования в социалистических государствах, представил статью «О замедлении роста восточноевропейских социалистических стран»; французский (изначально греческий) экс-марксистский философ и эрудит Корнелиус Касториадис (1922–1997) написал о «Невозможности реформ в Советском Союзе»; а Андре Гундер Франк (1929–2005), чья теория отставания в развитии латиноамериканских стран произвела на меня сильное впечатление, представил статью «После рейганомики и тэтчеризма: что дальше?». В такой достопочтенной компании я вряд ли когда-нибудь окажусь.

Достаточно грустно по прошествии времени перечитывать публикации такого рода. Ссылки на рейганомику и тэтчеризм, столь характерные для левой литературы начала 1980-х, подразу-

мевают оптимистическую уверенность, что массовый сдвиг в капиталистической экономике может быть обращен вспять после следующих выборов или, что еще более оптимистично, с долгожданным приходом социализма. В то время практически не обращали внимания на готовность финансового сектора к восприятию новшеств в сфере кредитования для расширения и ускорения оборота капитала, что одновременно разрушало стены госрегулирования, возведенные для восстановления экономики после Великой депрессии. Первыми жертвами такой «глобализации» капитала стали фабричные рабочие и шахтеры в доселе «развитых» капиталистических странах, которые уже начали терять конкурентное преимущество перед другими частями мира. По мере того как фабричный труд шел на спад, в значительной степени утрачивал силу поучительный опыт боевитости рабочих Советской России, отстаивавших свой контроль над производством. Позже, ссылаясь на этот эпохальный сдвиг, Джошуа Кlover заявлял: «Условий, которые исторически активизируют социалистический глоссарий — реальное накопление, напряженный рынок труда, возможность получить власть путем присвоения доли накопления, рост промышленного пролетариата, — больше не существует» [Clover 2016: 145].

Гендер практически не привлекал мое внимание. Борьба рабочих на капиталистическом Западе сопровождалась такими важными гендерными аспектами, как, например, сохранение «семейной заработной платы» или связь между работой, требующей большого физического труда, и понятиями маскулинности; сейчас все это кажется до боли очевидным, но только в ретроспективе. «Маскулинность» советских рабочих, которых я изучал, также оказалась вторичной по сравнению с другими характеристиками: городские и сельские, квалифицированные и неквалифицированные. Помимо классовой принадлежности, расовые аспекты удостоивались большего внимания в левом анализе язв капитализма, чем гендер, по крайней мере в тех кругах, в которых я вращался. Оглядываясь назад из эпохи Трампа, можно сказать, что это один и тот же комплект, каждая часть которого влияет на другие, но тогда мы чувствовали, что прежде всего необходимо подчеркнуть

классовую принадлежность (в ее ограниченном определении, как происходящей из отношений материального производства).

Моя бестолковость в отношении вопросов гендерного равенства распространялась, конечно же, и на мою личную жизнь. В 1981 году появился на свет мой первый сын, Сэми, подарив много радости родителям, бабушке и дедушке. Система здравоохранения в штате Виктория максимально облегчала воспитание ребенка, предоставляя бесплатные и доступные медицинские услуги. Лучше нечего было желать и с детским садом, куда Сэми ходил с первого года. Тем не менее мы с Линой умудрялись постоянно спорить об обязанностях по уходу за ребенком, что стало частью непрестанного ухудшения ситуации с нашим браком. Теперь совершенно ясно, что мы принадлежали к поколению, в котором феминистское воспитание способствовало тому, что женщины ставили под сомнение все унаследованные от родителей нормы относительно соответствующих сфер работы и домашних обязанностей. Конечно же, они имели для этого все основания. Тем не менее наши споры казались совершенно личными. Каждый из нас подсчитывал, сколько времени потратил на присмотр за сыном и другие повседневные дела, а затем мы спорили по поводу этих расчетов. Вместо того чтобы заниматься его воспитанием, мы ссорились по этому поводу, и стали ссориться еще больше, когда через пять лет родился младший брат Сэми, Сасу. Ясно, что я был несправедлив к Лине. Я просто не мог признать, что все связанное с ее работой в качестве библиотекаря в Мельбурнском университете — должность, которую она заняла после получения степени магистра по библиотечному делу в Королевском технологическом институте в Мельбурне — могло быть для нее не менее значимым, чем исследовательские поездки были для меня. Меня не было в Австралии летом 1981–1982, 1982–1983 годов, я уезжал, чтобы проводить исследования в Соединенных Штатах и Великобритании, а Сэми на то время оставался без отца.

Среди прочего я побывал в Бирмингеме, тогдашнем центре советологических исследований в Англии. Там Боб Дэвис предложил тему для моей следующей статьи: система установления норм выработки, столь важных для сдельной системы оплаты, которая

возникла в Соединенных Штатах в виде тейлоризма (или, по словам Фредерика Уинслоу Тейлора, «принципов научной организации труда») и стала доминировать в советской промышленности. Этот проект относился не столько к трудовой истории, сколько к истории условий труда рабочих, к спорам о том, как определять профессиональное мастерство, соответствующие методы стимулирования и другие составляющие организации труда в СССР [Siegelbaum 1984a]³². Почему-то я со всей серьезностью подходил к изучению дебатов советских экспертов о качестве и количестве труда, хотя в такие дискуссии у себя дома вступал с определенной долей иронии.

В статье «Советская система нормирования труда» я утверждал, что независимо от того, как сильно партия стремилась приспособить науку к определению норм выработки, сюда примешивался человеческий фактор в форме договоренностей между руководством и рабочими и особенно определение бригадирами итога работ «на глазок». Это означало, что, «по сути, зарплата определяет норму, а не наоборот». Помимо сознательного саботажа, думал я, даже самый опытный разработчик норм сталкивается с ограниченностью своих знаний. Сами рабочие зачастую лучше знают, какое время необходимо для выполнения той или иной задачи. Но история на том не кончается. Партия вскоре выделила отдельных рабочих, на которых могла полагаться, чтобы превзойти установленные нормы и переиграть управленцев с их негласными договоренностями с рабочими. Таких рабочих называли ударниками, а затем стахановцами, после того как шахтер Алексей Стаханов во время своей смены в ночь с 30 на 31 августа 1935 года добыл 102 тонны угля. Тем не менее даже тогда навязать общее применение норм выработки оказалось делом нелегким. Тогда я прямо признал, что «трудовой процесс, сложившийся в ходе советской индустриализации, по сути идентичен тому,

³² Большинство источников для этой статьи я получил в виде ксерокопий через межбиблиотечный абонемент, мой спасательный круг в Ла Троба. Я всегда буду благодарен Джону Горачеку и другим сотрудникам библиотеки Борхардта в Ла Троба за то, что они неизменно эффективно исполняли мои многочисленные просьбы.

который сформировался в капиталистическом мире», потому что «формальный контроль рабочих над выполняемыми заданиями, классификация их труда и интенсивность производственного процесса систематически уничтожались в течение 1920–1930-х годов». «Однако, — писал я, заглядывая вперед и из духа противоречия, — сражение <...> еще не закончено, хотя борьба идет в основном скрыто» [Siegelbaum 1984a: 64].

Как видно из процитированного, я как трудовой историк начал обретать собственный голос. В этом и других отношениях я обязан помощи тех, кто, как и я, пытался выяснить, что происходило на советских заводах и фабриках в период до Второй мировой войны. Некоторые были старше меня, и намного старше, как Боб Дэвис, который высказал полезные замечания по черновому варианту, который я ему отправил. Он пригласил меня в Бирмингем, где я мог представить свою работу на его семинаре по экономической и социальной истории. Некоторые были немногим старше меня, как Шейла Фицпатрик, которая, хоть и была занята переходом из Колумбийского университета в Техасский университет в Остине, не только предложила прочитать черновой вариант моей работы, но и ответила на многочисленные вопросы, и другими способами продвигала меня в начале карьеры. Были в этой группе и другие, мои ровесники или моложе: Пэдди Дейл, который еще заканчивал диссертацию в Университете Бирмингема, но уже хотел сотрудничать со мной; Дж. Арч Гетти, который тогда, как и я, только завел семью и начинал работать в Калифорнийском университете в Риверсайде; Билл Чейз, хороший друг Арча из аспирантуры, который в то время перерабатывал свою диссертацию в книгу; Венди Гольдман, с которой у нас было так много общего в политических взглядах; Хироаки Куромия, аспирант из Принстона, который в своей одержимости поиском источников превосходил даже меня; Дэвид Кристиан, тоже выпускник Оксфорда, который преподавал в Университете Маккуори в Сиднее, выдал мне три страницы через один интервал комментариев к черновику статьи об определении нормы выработки; и прежде всего Дайана Кенкер, которую я никогда не смогу отблагодарить в достаточной мере и которая будет настаивать на том, что я вовсе

не обязан это делать. Мы все вошли в эту работу вместе, помогали друг другу преодолеть неуверенность в себе, другие тревоги и заботы; мы действительно были единомышленниками, хотя и отделенными друг от друга расстояниями и лишенными такого сомнительного удовольствия, как электронная почта.

В своей решимости нанести на карту еще больше советских заводских цехов сталинской эпохи позже я написал статью о мастерах. Я отправил ее в «Festschrift», сборник в честь Миши Левина; она вошла в том, в котором я был соредактором [Siegelbaum 1992b; 1993].

Тем временем я сорвал семью с насиженного места, вернувшись — в моем случае — на родину. Прежде чем покинуть Ла Троба в этих воспоминаниях, хочу завершить эту главу, отдав дань лучшим из своих учеников в этом университете. Брэд Аллан, саркастичный и смысленный, оставался со мной на связи после того, как я покинул Австралию, и встретил меня в Мельбурне по возвращении туда в 2015 году. Мы быстро подружились с Полин и Дэвидом Фраем. Мы с Линой навещали их «на природе» в восточной Виктории, где они жили после окончания университета со своей маленькой дочерью. Еще до этого мы провели незабываемую ночь и раннее утро в июле 1980 года, смотря по телевизору знаменитый финальный матч Уимблдона, где в пяти сетах сражались Бьорн Борг и Джон Макинрой. Мерил Хинксон, необычайно одаренная студентка, уже зрелая мать троих маленьких детей, написала впечатляющую дипломную работу о Донбассе конца XIX века, где источниками послужили отчеты британского консульства, а теоретической основой — категории марксистской политэкономии. Дэвид Блейзер умело скомпоновал радиопрограмму, в которой мы с Барри Карром обсуждали историю Первоя от его языческих истоков до марксистского / коммунистического праздника. Петр Водичка написал отличную учебную статью о том, был ли сталинизм порождением ленинского большевизма или следствием социокультурной ситуации в России. Пол Бартроп, всего на шесть лет младше меня, ныне известный историк Холокоста и геноцида, в 1976 году написал статью «Русские крестьяне на фабрике». Кейт Мустафа, подруга

Дэвида, еще одна взрослая студентка, устроила нам приятную отвальную.

Только однажды я имел честь воспользоваться помощью своего ассистента. Роджер Марквик, в то время соискатель докторантуры в Мельбурнском университете под руководством Ллойда Черчварда, как оказалось, разделял мои политические взгляды и научные интересы и стал моим другом на всю жизнь³³.

Нельзя не упомянуть Майкла (Мика) Моргана. 5 ноября 1982 года Мик с отличием защитил диплом на тему «Царское государство: критическое сравнение нескольких подходов к его изучению». В шестидесятистраничной работе рассказывалось, как Ричард Хелли, Ричард Пайпс, Джордж Яни и некоторые другие американцы — историки Московии и царской России искажают отношения между государством и обществом, представляя их в виде борьбы антагонистических блоков. Мы с Миком совместно написали текст, который впоследствии был опубликован в «Radical History Review» [Siegelbaum 1984b]. Чрезмерно напыщенная, с часто вырванными из контекста цитатами, с неуклюжими отсылками к историческому материализму, сейчас она вызывает некоторое смущение. Есть соблазн списать эти недостатки на относительную молодость Мика и недостаток опыта, но большая часть вины лежит на мне. Если в «Советской системе нормирования труда», которую я писал в то же время, авторский голос звучит уверенно, то здесь — излишне напористо. Тем не менее некоторые критические замечания, высказанные там в отношении книги Пайпса «Россия при старом режиме» [Pipes 1974] и статьи Хелли «Структуры современной российской истории» [Hellie 1977], до сих пор представляются мне обоснованными. Их представления о патерналистском / тоталитарном / диктаторском государстве — кривое зеркало, искажающее взгляд на историю России; среди прочего, такой взгляд оттесняет на задний план общественные силы и, как

³³ Не так давно, в январе 2018 года, в ответ на мое запоздалое поздравление с Новым годом Роджер написал: «Ерунда! Не нужно извиняться. Как ни печально, вы — один из немногих людей в нашей области, с кем я действительно могу общаться».

мы отмечали, «выполняет очевидную функцию... возрождения мышления времен холодной войны». Помимо неоконсерватизма (а Пайпс известен тем, что собрал и возглавил так называемую команду Б в администрации Форда), не менее очевиден сейчас *неолиберальный* подтекст их антиэтатизма. Утверждение Пайпса о том, что патернализм царского режима сломил предпринимательский дух буржуазии, могло бы прозвучать из уст Фридриха фон Хайека или Томаса Фридмана. Его убеждение, что монголы ответственны за искаженную «патримониалистскую» политическую идеологию и государственные структуры России, сейчас кажется до крайности ориенталистским³⁴. У Хелли была своя своеобразная версия российского отклонения от нормы. В работе, опубликованной в 1982 году, он приписал эндемичное насилие в Московском государстве XV–XVI веков недостатку витаминов; позже он соотнесет «долгие темные зимы» с ослабленным развитием левого полушария [Hellie 1982: 505–506; 1999: 258]³⁵. Мое смущение проистекает также из той неуклюжести, с которой я подвергаю критике историю *longue durée*, не предлагая какой-либо разумной альтернативы. Мы с Миком лишь банально прошлись с критикой по идеологически обусловленным толкованиям, порекомендовав читателю обратиться к «Родословной абсолютистского государства» Перри Андерсона [Anderson 1974; Андерсон 2010], и привели длинную цитату оттуда, которая устраняла необходимость дальнейших разъяснений. С точки зрения лингвистического поворота не могу себе представить, что можно говорить о государстве и обществе в терминах «совокупности всех компонентов». Когда через десять лет я опубликовал книгу с обеими категориями в названии, я более твердо стоял на земле; по крайней мере, так мне в то время казалось.

³⁴ Ориентализм, конечно, связан с книгой Эдварда Саида с соответствующим названием [Said 1979]. Хотя книга вышла в 1978 году, автор ее процитировать не может, потому что ее не читал.

³⁵ Вдумчивый очерк о Пайпсе и других основополагающих фигурах в американских исследованиях российской истории см. [Daly 2017].

Глава 5

Трудовая история и социальная история через призму культурного поворота

Когда мы с Линой отправились в Мельбурн в 1976 году, мы думали, что уезжаем на три года, не больше. Три года были сроком моего первоначального контракта. Когда три года превратились в четыре, а потом в пять, я начал всерьез задумываться о занятии советологией в Соединенных Штатах. Первой доступной позицией, которая появилась, стал Ратгерский университет. Помню, как-то я ехал из дома родителей на Лонг-Айленде на собеседование в кампус и зачем-то взял с собой маму. По причине разочарования ничего больше не помню об этой неудачной попытке, а также о другой, в Техасском университете в Остине, куда в итоге оказалась принята Шейла Фицпатрик. Затем, в конце 1982 года, Университет штата Мичиган (УШМ)¹ объявил вакансию по советской истории. Об этом университете я знал только две вещи: в шестидесятых у него были очень успешные футбольные команды, которые тренировал Даффи Доэрти, и тогда же там появилась так называемая Консультативная группа по Вьетнаму², известная по иллюстрации на обложке журнала «Ramparts» в апреле 1966 года, где была изображена мадам Нью, де-факто первая леди Южного

¹ Университет штата Мичиган, в отличие от Мичиганского университета. — *Примеч. пер.*

² Консультативная группа Университета штата Мичиган — программа технической помощи, предоставляемой правительству Южного Вьетнама в государственном строительстве со стороны Госдепа США. — *Примеч. ред.*

Вьетнама, в виде чирлидерши мичиганской команды. Только позже я узнал, что оба предыдущих специалиста по истории России, Артур Э. Адамс (1917–2007) и Роберт М. Слуссер (1916–1997), работали на американскую разведку.

Дайана Кенкер, которая держала меня в курсе вакансий на американском рынке и сама искала место, чтобы уйти из Университета Темпл, в апреле 1983 года сообщила, что УШМ предложил ей работу, но она от нее отказалась, потому что они с мужем приняли предложение от Университета штата Иллинойс. «Искренне надеюсь, — писала она, — что они [УШМ] предложат вам работу». В третий раз мне повезло. Выкроив время, я поговорил по телефону с Гарри Ридом, председателем отборочной комиссии, и был приглашен в кампус на собеседование. В мае 1983 года я вылетел из Мельбурна в Лансинг. Та поездка мне запомнилась. Я прилетел в аэропорт поздним вечером и был не в себе из-за смены часовых поясов. Гарри встретил меня и представился. Я старался не выдавать свое удивление от того, что меня встречает афроамериканец, потому что по телефону Гарри, родом из Лос-Анджелеса, не «звучал как черный», то есть как дети, с которыми я рос в Лэйквью. С таким же успехом я мог проспать, как Рип ван Винкль, все время своего отсутствия в американских научных кругах; десять лет назад редко можно было встретить старшего преподавателя — афроамериканца. Гарри сопровождал меня в Келлогг-центр, где останавливались гости университета. Сам кампус, с рекой Ред Сидар и тысячами гигантских дубов, вязов, кленов и многих других деревьев, которые тогда уже покрылись блестящими весенними листочками, превзошел все мои ожидания, как и размер футбольного стадиона; «наш храм» — с иронией отзывался о нем один из преподавателей.

На собеседовании Владимир (Володя) Шляпентох (1926–2015) с социологического факультета сидел справа от меня рядом с Уильямом МакКеггом-младшим, у которого было серьезное нарушение слуха. Несколько раз Шляпентох, советский эмигрант с колоссальной энергией и таким же самомнением, наклонялся к Биллу и громким сценическим шепотом говорил: «Этот парень не знает, о чем говорит». То, о чем я говорил, касалось моих исследований

стахановского движения, или, как я упорно называл его, «стахановизма». Остальная часть моего визита прошла мгновенно, и на обратном пути где-то над Тихим океаном я потерял сознание в проходе самолета — от изнеможения, я полагаю — и в Гонолулу вынужден был подписать отказ, снимая с авиакомпании ответственность на случай, если мне потребуется госпитализация или я не доживу до стыковочного рейса. Несмотря на Шляпентоха, работу я получил³. В августе 1983 года я вернулся в Ист-Лансинг в сопровождении семьи.

Мы приехали прямо в разгар того, что я воспринимал как рейгановскую контрреволюцию. В предыдущие приезды я если и обращал на это внимание, то только урывками. В декабре 1980 года, во время летних каникул в Австралии и через месяц после избрания Рейгана президентом, я присоединился к более чем 200 тысячам человек в Центральном парке, чтобы не только почтить память Джона Леннона, но и оплакать конец эры надежды. Подавление забастовки авиадиспетчеров, запуск Стратегической оборонной инициативы, размещение морских пехотинцев в Ливане и слова Рейгана об «империи зла» — все это предшествовало нашему прибытию в Мичиган. За этим последовало вторжение США на Гренаду, начало скандала «Иран-контрас» и победоносное переизбрание Рейгана. Мичиган, переполненный «рейгановскими демократами», играл решающую роль в этой контрреволюции.

Заново войти в американское общество для меня было трудно и по другим причинам. Когда завкафедрой говорил о перспективах здравоохранения, он постоянно упоминал ООЗ, как будто я должен был знать, что это такое, но я и понятия не имел. Помимо того что я был сбит с толку многими вещами, меня еще и разочаровали студенты первого семестра. Они не смущались

³ В течение примерно десятка лет мы с Володей всякий раз, к большому сожалению Билла МакКегга, при каждой встрече схлестывались в споре. Однако в начале 1990-х годов мы обнаружили общую антипатию к Борису Ельцину и решили зарыть топор войны. Помимо разницы в темпераменте и политических взглядах, я подозреваю, что наша первоначальная неприязнь друг к другу отражала взаимное недоверие между ученым-эмигрантом, который ранее монополизировал свой советский опыт, и выскочкой-американцем.

свободно говорить на занятиях, по крайней мере по сравнению со студентами в Ла Троба, но обладали поразительно плохими навыками письма. Я думаю, что в итоге все могло сложиться не так; в декабре, прилетев в Сан-Франциско, чтобы выступить с докладом на конференции Американской исторической ассоциации, я сказал Джону Сэлмонду, старшему преподавателю в Ла Троба, что хочу обратно в Австралию. «Погодите еще пару месяцев, Льюис, — сказал он мне. — Не торопитесь с решением». Как оказалось, это был мудрый совет.

Лина тоже тяжело переживала переезд, даже еще тяжелее, хотя бы потому, что до этого момента она прожила в Штатах меньше года, и то с моими родителями на Лонг-Айленде. Она нашла работу в библиотеке Департамента транспорта штата Мичиган. Обучившись библиотечному делу по славистике и поработав в Мельбурне библиотекарем, она чувствовала себя не в своей тарелке. В конце концов, примерно через восемнадцать месяцев, ее взяла на работу библиотека в УШМ, так что она заняла должность, аналогичную той, что оставила в Мельбурне. Сколько браков в нашем поколении потерпело крах, потому что один из супругов (обычно муж) тащил другого из одного конца света в другой? Наш явно был одним из них. Сыграли свою роль и мои амбициозные устремления. Мои родители, особенно отец, наверняка почувствовали наши натянутые отношения, когда впервые приехали в наш новый дом. 18 мая 1984 года, вскоре после возвращения на Лонг-Айленд, папа написал мне: «Интересно, почему ты все еще пишешь статьи и очерки», а не «полноценную книгу».

Ты не должен и не можешь позволять своим семейным делам этому помешать, — предупреждал он. — Твои... должны просто освободить тебя от домашних забот, чтобы ты работал настолько продуктивно, насколько, я знаю, ты можешь. Мы с матерью в детстве никогда не давили на тебя, чтобы ты хорошо учился в школе. Ты сам был таким напористым. Так что я знаю, что ты можешь сделать это. Просто Лина должна проявить больше понимания и сотрудничества. Это то, что тебе необходимо.

Как человек, который упорно трудился, чтобы его семья жила в удобстве, пока его жена сидела дома, мой отец, видимо, не мог

понять, что у Лины есть своя работа, в которой она тоже хотела бы продвигаться. Как и у многих женатых мужчин моего поколения, у меня были проблемы с семьей. Стресс нашего поколения ударил по дому⁴.

В первые годы в УИШМ мне посчастливилось работать под руководством Билла МакКегга (1930–1993), одного из самых мягких и щедрых людей, которых мне выпала честь повидать в своей профессии⁵. Билл с женой Луизой, талантливым скульптором, воспитывали дочерей в соседнем городке Бат Тауншип. Их необычный дом был построен вокруг гигантского дерева, ствол которого располагался где-то между кухней и гостиной. Блестящий историк Венгрии эпохи Габсбургов, Билл также проявлял большой интерес к Восточному блоку. Слух его все ухудшался и ухудшался, и это побудило его «поспособствовать распространению информации об инвалидах России и в целом Восточной Европы в историческом и социологическом плане», о чем я упомянул на ежегодной конференции AAASS в ноябре 1988 года. Из этого специфического интереса выросла идея проведения конференции по этой теме. Конференция «Инвалиды в Советском Союзе и Восточной Европе» прошла в кампусе УИШМ в апреле 1985 года. На нее собралась разнородная группа ученых разных специальностей. Некоторых, как меня, пришлось уговаривать слегка отклониться от их основных научных интересов; другие писали об инвалидах или профессиональной работе с ними; третьи сами были инвалидами. Не обошлось без небольшого дискомфорта и недопонимания. Но думаю, у всех осталось ощущение, что достигнут какой-то интеллектуальный прорыв. На основе материалов конференции издательство Питтсбургского университета выпустило сборник «Инвалиды Советского Союза:

⁴ Как еще в 1970 году писала Гейл Шихи, «дом — это место, по которому можно измерить потенциал роста женской свободы. Все, что заметно растет даже за пределами движения за освобождение женщин, есть следствие этого движения. Маленький шагжок... на каждом пороге — повод для раздражения» [Sheehy 1970: 32]. Спасибо за цитату Лесли Мок и Гутлу.

⁵ Мой краткий некролог см. [McCagg].

прошлое и настоящее, теория и практика» (*The Disabled of the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice*) (1989), где мы с Биллом были соредакторами⁶. Сборник этот стал основой для изучения инвалидности в контексте коммунизма⁷. Работа с Биллом оказалась важной для меня еще и в другом смысле: она установила планку для многих других совместных работ на протяжении всей моей карьеры. Для конференции и сборника я подготовил доклад о производственном травматизме и его профилактике в 1920–30-х годах [Siegelbaum 1989c: 85–118]. Тема мало разработанная; тем не менее в ходе своих изысканий я понял, как советские власти манипулировали данными и засекречивали их. Это было полезно, когда я писал о суперпроизводительных советских стахановцах 1930-х годов.

Мой интерес к стахановскому движению вырос из моей работы о социалистическом соревновании, интереса к социальным основам поддержки сталинизма и моего желания выяснить, чем мотивировались эти рабочие. Дополнительным толчком послужил фильм Анджея Вайды «Человек из мрамора», который, хотя и был снят в 1977 году, был показан в Австралии только в сентябре 1980 года. Помню, как смотрел его с матерью, которая тогда пересекла полмира, чтобы взглянуть на новорожденного внука. Действие фильма происходит в Польше 1970-х. Молодая студентка киношколы снимает свой дипломный фильм об ударнике коммунистического труда каменщике Матеуше Биркуте. Биркут, в 1950-х годах увековеченный в мраморе, впоследствии исчезает. Пытаясь разузнать о его жизни, студентка беседует со знавшими его людьми: пожилым режиссером, снявшим документальный фильм

⁶ Как упоминается в некрологе, Билл нашел средства для съемок художественного фильма о своей собственной глухоте. Фильм «Мост Бена» (1992) стал совместной немецко-венгерско-американской продукцией. Билл написал сценарий, а также появился на экране в роли глухого профессора. В фильме снимались также известные польские актеры Ежи Штур и Дорота Сегда. Мировая премьера состоялась в театре «Одеон» торгового центра «Франдор» в Лансинге.

⁷ Одно из свидетельств тому — книга Майкла Рейселла и Елены Ярской-Смирновой [Rasell 2013: 9].

о трудовом подвиге Биркута, бывшим партийным секретарем, ставшим директором ночного клуба, членом бригады и близким другом Биркута и его бывшей женой. Снимая фильм, Вайда уже весьма предвзято относился к польскому коммунистическому строю, но, похоже, все еще испытывал ностальгию по поводу его ранних романтических надежд. Биркут изображен в фильме как наивный человек, искренне верящий, что чем эффективнее он и его товарищи будут класть кирпичи, тем раньше рабочие получат квартиры. Жизнь Биркута пошла под откос после того, как репрессировали его друга, который воевал в Гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. По иронии судьбы этот друг, вышедший из тюрьмы по амнистии во время десталинизации, становится директором крупного строительного предприятия в Нова Гуте под Краковом. Этот фильм, несмотря на то что представляет собой художественный вымысел, специфически привязанный к трагической послевоенной истории Польши, дал мне много пищи для размышлений.

По правде говоря, не уверен, я ли нашел стахановцев или они нашли меня. Будучи мальчиком, когда бы я ни выполнял какую-то физическую работу, бабушка Сэди восклицала на идише: «*Er iz a schwerarbeiter*». Не думаю, что она меня так хвалила, но я в то время полагал это за комплимент. Быть *schwerarbeiter* означало не быть «жлобом» (тупицей, «йокелем», деревенщиной), а скорее кем-то, кто напрягался, потел (*schwitzed* на американизированном идише, на котором говорила моя бабушка), чтобы добиться цели. Чем больше усилий я прикладывал, тем больше была награда — больше молока, больше похвал, или позже, в средней школе и колледже, — отличных оценок. Кто сказал, что я не был стахановцем еще до того, как услышал это слово?

Работая над книгой о стахановском движении, я выступал с докладами на конференциях и публиковал статьи о различных аспектах этого движения и его предыстории [напр., Siegelbaum 1986b]. Одна из этих статей, посвященная трудовым коллективам и коммунаам, наиболее удачно сочетала мои политические взгляды с методологической строгостью (хотя и позитивистской). Я представил рукопись в «*Slavic Review*» в августе 1984 года. Статью

предваряли два эпиграфа, иллюстрирующие главную мысль — огромную дистанцию, отделяющую сталинское определение «императивов» советской индустриализации от сознания, характерного для членов коллективов и коммун:

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет марксистского социализма и увлечение уравниловскими тенденциями сельскохозяйственных коммун похожи, как две капли воды, на мелкобуржуазные взгляды наших левацких головотяпов, у которых идеализация сельскохозяйственных коммун доходила одно время до того, что они пытались насадить коммуны даже на заводах и фабриках, где квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работая каждый по своей профессии, должны были отдавать зарплату в общий котел и делить ее потом поровну. Известно, какой вред причинили нашей промышленности эти уравниловско-мальчишеские упражнения «левых» головотяпов [Сталин 1947: 359–360].

Эй, братишка, мы не холопы. К бригадиру не подлизываться [Погодин 1930].

Я утверждал, что рабочие создавали трудовые коллективы и коммуны не столько в попытках резкого скачка в утопическое будущее, сколько как практические механизмы, предназначенные для конкретных целей, в которых ясно прослеживалась заметно меньшая зависимость от непосредственного начальства. Этот аргумент лежал в основе того, что имел в виду социализм, он выражал мою веру в важность восстановления альтернативных коллективистских, эгалитарных смыслов, парадоксально подавленных во имя строительства социализма [Siegelbaum 1986a: 65, 72]⁸.

Мой отец, которого я упомянул в посвящении к «Политике промышленной мобилизации» как «моего самого строгого критика», прочитал черновик этой статьи. «Здесь речь идет об увлекательном аспекте советского (не социалистического) развития», — написал он на первом листе. В остальном он ограничился в своих замечаниях несколькими вопросительными знаками на полях и лаконичным «непонятно» в начале заключения.

⁸ Статья предвосхитила главный аргумент Энди Виллимотта [Willimott 2017].

Я понимал, что пишу не для своего отца, а для другой, более разнообразной аудитории, хотя теперь я осознал, что на более фундаментальном уровне я писал для себя самого. Редко, если вообще когда-либо в течение этого периода моей карьеры, я отказывался написать для журналов обзоры книг или энциклопедий со статьями, основанными на моих предыдущих работах о ВПК и новых — по трудовой истории⁹. Для чего? Застолбить свой авторитет в этой тематике? Дополнить список достижений для ежегодной отчетности на факультете? Я не буду утверждать, что был выше такой мелочности. Но двигала мной и более легитимная цель: написание таких целевых текстов в пределах установленного количества слов помогало мне отличить важное от случайного или тривиального.

В «Стахановском движении», основном итоге моих усилий второй половины 1980-х годов, библиографический список включает много архивных материалов, но ни одного — из Советского Союза. Бог не даст соврать, я пытался проникнуть в святая святых источников по своей теме. Действительно, как я с разочарованием писал директору IREX в 1986 году: «Это не первый и не второй, а третий раз, когда мне было отказано в визе для проведения архивных работ по этому вопросу»¹⁰. Взамен я воспользовался доступным Смоленским партийным архивом — доступным благодаря тому, что он был захвачен нацистами в 1941 году и конфискован в конце войны американцами, — на микрофильмах в Национальном архиве в Вашингтоне, а также архивом Гарвардского проекта по советской социальной системе, который тогда располагался в цокольном этаже Центра российских исследований Гарвардского университета. Моя попытка в одну из немногих исследовательских поездок в Москву заказать заводские и местные

⁹ См., например, *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. № 1. P. 100–101; и энциклопедии [MERSH 1976–1994; Blackwell 1988; Dictionary 1989].

¹⁰ Аллан Кассоф, директор, поправил меня, указав, что мне не было отказано в выдаче визы, но отсутствовал договор с соответствующим советским институтом. Я дважды ездил в Советский Союз, чтобы исследовать свою тему в библиотеках. Еще в июне 1980 года Дэн Орловский спрашивал меня в письме: «Советы дадут вам доступ типа Шейлы Фицпатрик?»

газеты в Библиотеке имени Ленина оказалась неудачной. «Заштабелирован» (надо понимать, затруднен или буквально загроможден доступ), — написала библиотекарь на моих бланках с просьбой. Поездка в подмосковные Химки, где хранились газеты, тоже не увенчалась успехом. Милиционер у входа не принял мой читательский билет, потому что Химки, как я хорошо знал, были закрытым для иностранцев городом. Однако я в отчаянии стоял на своем, изображая надоедливую зануду, пока библиотекарь не сжалась и не пустила меня. Я дал ей свой список газет, и мои надежды резко возросли, когда она начала обрабатывать заказ. Вскоре, однако, кто-то с большей властью все запретил. Поэтому я вынужден был опираться на множество общенациональных, региональных и отраслевых газет, полученных в других местах, выискивал издания различных комиссариатов, профсоюзных и других организаций и читал все книги, связанные с этой темой.

Некоторые из этих исследований я проводил в Хельсинки, куда ездил в те годы иногда с Линой и Сэми, иногда один. После рождения Сасу в 1986 году наша семья увеличилась до четырех человек. Поездки в Финляндию истощали наш бюджет, но финские бабушка с дедушкой имели право видеть своих мальчиков, так что в один из июньских дней 1987 года мы собрали вещи и поехали в детройтский аэропорт. Тогда Сэми было шесть лет, а Сасу — чуть больше года. На полпути в аэропорт мы обнаружили, что забыли дома паспорт Сэми, поэтому я резко развернулся и помчался по шоссе I-96 со скоростью почти 130 километров в час. В итоге мы успели на самолет, и все последующие восемь часов вынуждены были, вместе с другими пассажирами, слушать вопли бедного Сасу, который заходился в истошном крике. Не уверен, что в ту поездку у меня получилось много поработать, хотя я и старался использовать каждую возможность по максимуму. Эти поездки, а их вряд ли было больше двух-трех, имели свой смысл: укрепить связи мальчиков с родиной их матери и финскими родственниками, улучшить мой финский язык (слегка), теснее сблизиться с родителями Лины, особенно с ее отцом, ветераном войны, который, похоже, не возражал против того, что его зять посвятил свою карьеру изучению Советского Союза.

Даже когда я путешествовал один, без семьи, не обходилось без приключений. Как-то я поехал в Хельсинки один, чтобы написать большую часть текста «Стахановцы в культурной мифологии 1930-х годов», предпоследней главы моей работы о стахановском движении [Siegelbaum 1988]. Вдохновленная книгой Катерины Кларк «Советский роман: история как ритуал» [Clark 1981], эта глава сильно отличается от других в том плане, что в ней сделан упор на жизнь за пределами работы и на то, что позже я бы с большей уверенностью назвал «дискурсом». Благодаря беспрепятственному доступу к советским газетам я работал легко, большей частью в библиотеке. Через несколько дней, вернувшись к себе в Мичиган, я собрался снова заняться этой главой, но не смог найти желтую тетрадку, где писал черновик. До меня дошло, что я, должно быть, оставил ее либо в самолете, либо в транзитном зале аэропорта во Франкфурте-на-Майне, где я пересаживался на рейс, потому что я четко помнил, что работал над главой в самолете. Я написал в авиакомпанию TWA, спрашивая, не нашел ли кто-нибудь мою тетрадь, и убедил коллегу, который специализировался на истории Германии, написать такое же письмо администрации аэропорта во Франкфурте. Тем временем я начал восстанавливать написанное. Для автора не может быть более болезненной задачи, чем попытка воспроизвести незаконченный исчезнувший текст. Это «старомодный» аналог тому, когда при сбое компьютера пропадают несохраненные файлы (гм, самое время нажать «сохранить»!). В процессе, когда я уже потерял надежду получить черновик обратно, он прибыл по почте. Оказалось, у меня была ложная память о том, что я работал над главой во время поездки. Я, несомненно, думал об этом, но это не одно и то же. Глава, как оказалось, неделями лежала нетронутой на библиотечном столике, где я ее оставил. Сотрудники библиотеки предполагали, что я ушел на перерыв и вернусь. Наконец они, видимо, поняли, что я покинул страну, и каким-то образом — может быть, у моего зятя, которому я сообщил о пропаже, — узнали мой адрес. Несмотря на все переживания, благодаря этому у меня появилось время для дополнительных размышлений и внесения изменений, что главе пошло только на пользу.

Книга о стахановском движении открывалась, как и статья о «соцсоревновании», ленинской цитатой: «Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. <...> Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме» [Ленин 1958–1965: 187]. Вся книга была посвящена тому, как советская власть пыталась всеми средствами научить рабочих работать лучше и как рабочие реагировали на эти усилия власти. В заключительном абзаце книги я сделал отсылку к настоящему времени, сославшись на то, что М. С. Горбачев использовал пятидесятую годовщину стахановского движения (1985 год) для «ускорения» промышленных процессов, и усомнившись, что «передовые рабочие, “стахановцы 1980-х”, могли вдохновляться» примером своих коллег-предшественников [Siegelbaum 1988: 308]. В самом деле, в создании новых героев труда Горбачев преуспел не больше, чем в других своих все более отчаянных попытках.

По иронии судьбы, в то самое время, когда я развивал идею о маниакальной приверженности Советов к промышленному прогрессу и о привитии соответствующего менталитета, глобализированный капитализм совершал переход к своей деиндустриализованной версии. На фоне контейнеризации¹¹ и внедрения новых финансовых инструментов, столь характерных для гибкости капитала, были обречены на провал отрасли промышленности, обеспечивавшие первенство Америки в экономике XX века, — угледобывающая, сталелитейная и автомобилестроение. Традиционный заводской рабочий класс, соответственно, сократился, как и профсоюзы, которые его защищали, и территории, которые зависели от его заработков.

Что еще более иронично, я был не один такой. В том же году, когда в издательстве «Cambridge UP» вышла моя книга о стахановцах, появились на свет работа Хирояки Куромия о сталинской

¹¹ Контейнеризация (англ. *containerization*) — это форма смешанной транспортировки, при которой товары упаковываются в контейнеры автомобильного размера, которые можно перевозить как по автомобильным дорогам, так и по железным дорогам, на морских и речных судах.

промышленной революции [Kugomiya 1988], книга Владимира Андрле о индустриализации и социальных изменениях [Andrle 1988], работа Франческо Бенвенути о соревнованиях в стахановском движении [Benvenuti 1988]. Два года спустя еще одна работа на ту же тему вышла на немецком [Maier 1990]. Эта подборка, начало которой положил в 1986 году Дон Фильцер своей книгой «Советские рабочие и сталинская индустриализация» [Filtzer 1986], представляла всплеск продуктивности в исследованиях советской трудовой истории и истории рабочего класса. В этих работах удалось определить, в каких трудовых практиках повторялись прежние механизмы, какие заимствовались в современном им капиталистическом мире, а какие являлись чисто советскими изобретениями. Это помогло прояснить возможности и пределы общественных преобразований 1930-х годов и, как видно из заглавий, расширило понимание взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими аспектами жизни при Сталине. Никто из авторов так настойчиво не следовал в этом научном направлении и не был так сосредоточен на советских рабочих, как Фильцер. Объединяя множество сводных данных с наглядными примерами эксплуатации и борьбы рабочего класса, он в течение четырнадцати лет выпустил четыре последовательных тома, описывающих советских рабочих вплоть до «краха перестройки». Абсолютно надежные, они служат настольными книгами для всех интересующихся советской трудовой историей.

Однако со временем все меньше и меньше ученых проявляли такой интерес. Трудовая история в целом начала сдавать свои позиции в 1980-х годах, и этот процесс еще более ускорился в 1990-х. Я бы частично объяснил эту тенденцию наступлением постиндустриальной эпохи, в которой класс утратил свою имманентность, в то время как иные отношения и идентичности, такие как гендер, этничность, раса и сексуальная ориентация, приобрели более заметный характер. Более того, с приходом культурного и лингвистического поворотов историки увлекались детализацией («деконструкцией») нарративов *о людях*, а не *о жизни людей*. Оглядываясь назад, они начинают считать свои ранние работы эпистемологически наивными на фоне своей нынешней новой

искушенности¹². Миша, интеллектуальный маяк и большой шутник, называл эти новые тенденции не «деконструкцией», а «деконстракцией»¹³, соединяя таким образом дистракцию и деконструкцию. Я относился к ним не так однозначно. Даже если бы я только начал чувствовать себя комфортно в качестве трудового историка и с энтузиазмом относился к тому, что делал в этом качестве, я бы не хотел остаться на задворках интеллектуального прогресса. Для меня этот прогресс был связан с читательской группой, организованной Роном Суни и состоящей в основном из его коллег из Мичиганского университета. Примерно раз в полтора месяца в течение учебного года мы собирались у Рона, чтобы обсудить какую-нибудь работу по истории или родственной дисциплине (антропологии, культурологии, социологии), которую рекомендовал кто-то — чаще всего Джеофф Эли¹⁴. Летом мы встречались реже и обычно обсуждали художественную литературу. MSG (Marxist Study Group, «Группа изучения марксизма», как мы ее иронически называли) впервые собралась в 1984 году, и, невзирая на временное перемещение Рона в Чикагский университет, его творческие отпуска и другие перерывы, наши встречи все еще продолжают. Такая долговечность связана с гениальностью Рона как хозяина.

Начинали мы с классического труда по политэкономии Карла Поланьи «Великая трансформация» [Polanyi 1944], книги Эрика Вольфа «Европа и люди без истории» [Wolf 1982] и двух книг Майкла Буравоя, «Согласие на производство» [Burawoy 1979] и «Политика производства» [Burawoy 1985].

В то время наибольшее впечатление произвели на меня книги Буравоя; они вдохновили на подзаголовок моей книги о стаха-

¹² Современную критическую оценку последствий культурного поворота см. [Suny 2017: 17–52, 102–105].

¹³ Неологизм, образованный соединением слов «дистракция» и «деконстракция». — *Примеч. ред.*

¹⁴ Джеофф Эли (р. 1949) — специалист по истории Германии, изучал нацизм и фашизм, историографию и историю левого движения в Европе. — *Примеч. ред.*

новском движении. Сейчас очень актуальным мне представляется предупреждение Поланьи о неограниченном рынке, разрушающем демократию. Трудовая история, социальная история и политическая экономия присутствовали в наших чтениях и в последующие годы. В 1987 году мы читали «Пленников американской мечты» Майка Дэвиса [Davis 1986], а затем «Создание советской системы» Моше Левина [Lewin 1985]. В меню следующего года вошли сборники «Формирование рабочего класса» [Working-class 1986] и «Дебаты Бреннера» [Brenner 1987], а также «Самодержавие, капитализм и революция в России» Тима Макдэниэла [McDaniel 1988]. В моем представлении сложившийся баланс нарушился в 1989-м, знаменательном для Европы году. Книги Джоан Лэндис «Женщины и общественная жизнь в эпоху Французской революции» [Landes 1988] и «Ева и Новый Иерусалим» Барбары Тейлор [Taylor 1983] проложили дорогу для феминистской / гендерной истории. «Метаистория» Хейдена Уайта [White 1975] познакомила нас с нарративностью. С тех пор культурные исследования / культурные истории, представленные «Новой культурной историей» Линны Хант [Hunt 1989], «Литературой в архивах» Натали Земон Дэвис [Davis 1987] и книгой Эндрю Росса «Почтения нет: интеллектуалы и популярная культура» [Ross 1989], начали вытеснять наши прежние интересы, и только лишь, подобно тлеющим углям от потушенного пожара, великолепные «Лондонские повешенные» Питера Лайнбо [Linebaugh 1991] и «Происхождение городского кризиса» Томаса Сьюгру [Sugrue 1996] иногда напоминали нам о прежнем интересе к социальной истории.

Соблазнительно рассматривать такой поворот к культурализму как отказ от политической активности. При таком толковании мы предстаем устаревшими левыми интеллектуалами, неспособными понять, что смерть коммунизма была предвестием, по печально известной фразе Фрэнсиса Фукуямы, «конца истории». Но я не поддаюсь такому соблазну. Начнем с того, что интерес к нарративным конструкциям и мощи дискурсивных формаций не означают отказ от политики. Я предпочитаю думать об этом как о свидетельстве того, что мы обогатили понимание расстановки

сил. Во-вторых, я не уверен, что мы достаточно ясно осознавали, что события, разворачивавшиеся в Восточной Европе, означали конец коммунизма, а не сокращение его влияния. Специалисты по Польше, Венгрии, Чехословакии и другим восточно-центральному и восточноевропейским странам в этом отношении имели больше возможностей, чем советологи. Как это ни поразительно, мы, специалисты по Советскому Союзу, будь то историки, как я, или политологи, изучавшие современность, не смогли понять, что к 1989 году дни страны были сочтены.

Лично мне все еще было трудно представить себя кем-то другим, кроме трудового или социального историка, спасающего рабочих от высокомерного забвения. В период с 1987 года до начала тысячелетия я реализовал немало проектов, которые отражали эту напряженность между новой культурной историей, которая становилась все более популярной, и устаревающей социальной историей. Некоторые проекты так никогда и не вышли за рамки рассуждений, и лишь немногие претворились в исследования. Другие, изначально задуманные как компоненты макропроекта, от которого я в конечном итоге отказался, реализовались в виде отдельных статей. При этом я поучаствовал в нескольких совместных проектах, принял предложение выпустить сборник и воспользовался шансом встретиться с настоящими живыми советскими рабочими.

Если говорить о незаконченных предприятиях, в мае 1987 года я обратился к замдекана Колледжа искусств и литературы Университета штата Мичиган для получения общеуниверситетского исследовательского гранта. Я запросил финансирование для «изучения антирелигиозной активности в Советской России <...> под предварительным названием “Без Бога: Лига воинствующих безбожников и антирелигиозный активизм в Советской России, 1917–1941 годы”». Я описывал взаимодействие между культурой, регламентированной советскими властями, и традициями, ценностями и символами советского народа как «одну из перспективных областей советологических исследований». Предполагалось, что я буду работать в советских библиотеках и архивах в 1989–1990 годах, а до тех пор собирать материал в библиотеках Соединенных

Штатов, в частности в университетах Мичигана и Иллинойса. Едва начав работать по этому плану, я сразу забросил его — не из-за невозможности получить финансирование, а из-за отсутствия устойчивого интереса к вопросам религии с моей стороны. Когда в 2000 году на эту тему вышла книга, я в лучшем случае бегло ее просмотрел [Husband 2000].

В следующие несколько лет в голову приходили и другие идеи. План книги «Хулиганство и социальная трансформация в СССР. 1917–1941» был обстоятельно описан на одной странице. Я планировал шесть глав, описывающих, начиная с царской России, 1917 года, «революционное правосудие», жизнь при НЭПе в городах, деревнях и на промышленных предприятиях. Пожалуй, дальше этого я и не продвинулся. Там ничего не было о дискурсе, за исключением разве что свидетельств о хулиганстве на заводах «как переопределения снижения темпа работы и других традиционных практик». Книжки о хулиганстве в поздней имперской России и при Хрущеве появились в 1993 [Neuberger 1993] и 2012 [LaPierre 2012] годах.

Одно время у меня была идея написать биографию Алексея Стаханова, чья внезапная слава, пьянство во время учебы в московской Всесоюзной промышленной академии и алкоголизм на протяжении всей жизни, работа мелким чиновником в Министерстве угольной промышленности вроде бы иллюстрировали трагедию советского человека. А может, и нет. Позже, в 90-х годах, меня заинтриговало первое государственное зерновое хозяйство, созданное в 1928 году в Сальском районе Ростовской области, естественно, названное «Гигант» и призванное послужить образцом хозяйства для производства зерна. Здесь есть явная связь с Америкой; я имею в виду не одноименный роман Эдны Фербер [Ferber 1952], по которому потом сняли известный голливудский фильм (1956), а Томаса Д. Кэмпбелла, фермера, который выращивал пшеницу в Монтане и был консультантом по внедрению заводских методов на «Гиганте»¹⁵. Эту историю я забросил; спустил

¹⁵ Собственный отчет Кэмпбелла о его консультационных услугах см. [Campbell 1932]. В Историческом обществе Монтаны в Хелене хранятся документы фермерского хозяйства Кэмпбелла с 1918 по 1975 год [Archives West].

несколько лет у меня будет достаточно возможностей для изучения американской технической помощи в связи с автомобилестроением.

Я пожертвовал «Гигантом» ради макропроекта, в котором предполагалось изучить тему труда в российской истории. «Труд, — как я отмечал в одном из первых запросов на финансирование, — служил показателем модерности или ее отсутствия и важной, хотя и проблемной, составляющей российской национальной идентичности».

Начиная с попыток реформы крепостничества в середине XIX века и до постсоветского времени, труд в России всегда был одним из ключевых объектов для научных исследований, литературного и художественного изображения, организационных экспериментов и утверждения как национальной неполноценности, так и национального превосходства перед лицом Запада.

Я задумал этот проект как серию очерков, каждый из которых был бы посвящен «определенному эпизоду или моменту, когда труд приобретал высокую политическую значимость, а смысл его вызывал споры». Книга, в моем воображении, должна была состоять из семи глав, позже расширенных до девяти. Трудно объяснить, почему она не увидела свет; разве что нетерпение (снова!) меня одолело, так что вместо того, чтобы ждать, пока будут готовы все очерки, я решил публиковать их по отдельности. Идея о том, что они будут хорошо смотреться, дополняя друг друга, потеряла привлекательность.

Лучше мне удавалась реализация совместных проектов. Некоторые из них просто упали в руки, не требуя особых исследований. Например, вместе с Биллом Чейзом мы представили статью о советском довоенном опыте для сборника о нормировании рабочего времени и индустриализации [Chase 1988]. Ко времени нашего сотрудничества Билл опубликовал ряд статей и рецензий по советской трудовой истории, а также книгу о московских рабочих 1920-х годов [Chase 1987]. Каждый из нас специализировался на определенном периоде, что и обусловило разделение труда, и казалось, что статья практически написалась сама. Другие

совместные проекты были связаны с конференциями и совместными изданиями, соредактором одного из которых был Билл Розенберг, а другого — Рон Суни. В апреле 1988 года в Мичиганском университете в Анн-Арборе был проведен пятый и последний семинар в серии, организованный Советом по исследованиям в области социальных наук (SSRC) по русской и советской социальной истории XX века. Детище Моше Левина, этот семинар сделал больше для продвижения социальной истории в сфере советских исследований, чем что-либо еще, кроме работ Шейлы Фицпатрик и самого Левина. Прежде всего я имею в виду книги Шейлы Фицпатрик об образовании и социальной мобильности в СССР [Fitzpatrick 1979] и Моше Левина о советской системе [Lewin 1985]. Я не присутствовал на предыдущих семинарах либо потому, что проживал в далекой Австралии, либо еще не был признан как историк межвоенного периода. Для этого пятого семинара я подготовил доклад о мастерах, о котором здесь уже писал. Совместная работа над сборником предполагала исполнение обязанностей редактора, которые я делил с Биллом, и написание первой главы в соавторстве с Роном, коллегой Билла по Мичиганскому университету. Я не знаю, имел ли Билл Розенберг в виду меня как соредактора с самого начала, но я высоко оценил его приглашение. Билл выполнял большую часть работы, переписываясь с авторами, договариваясь с одним из аспирантов о создании указателя и составляя введение [Siegelbaum 1993]. Работа шла так гладко, что мало что запомнилось. В сборнике прослеживалась идея о том, что общественные силы (менталитет рабочих, культура, институты, ожидания и т. д.) сильно ограничивали планы и методы советской власти по индустриализации страны. Среди авторов были представлены лучшие из западных историков, работавших в то время над тематикой сталинизма, от старших — Боб Дэвис, Миша Левин и Питер Соломон — до тех, кто только начинал добиваться успеха — Шейла Фицпатрик и Катерина Кларк; приняли участие и новички — Хирояки Куромия и Дэвид Ширер, и самый юный среди нас — Стивен Коткин. Коткин произвел на конференции большой ажиотаж. Приехал прямо из архивов в Магнитогорске и исполненный рвения, до-

стойного Фуко, он с типичной для него молодеческой удалью определил все наши концептуальные рамки как устаревшие. Его очерк «Заселение Магнитостроя» (объемом раза в два больше других) в будущем послужил основой его книги «Магнитная гора» [Kotkin 1995].

Наша с Роном статья, «Осмысление командной экономики», стала первым моим обращением к историографии со времен неразберихи «Radical History Review» в начале 1980-х. К тому времени мои суждения стали более продуманными, а Рон помог мне еще больше отточить стиль. Мы в основном одобряли проанализированные нами тенденции, но у меня оговорок было больше, чем у Рона. В конце мы писали, что «дискурсивные, а также социологические аспекты трудового и управленческого опыта начинают отображаться только сейчас», что означало, что дискурсивные аспекты нуждаются в рассмотрении не менее, чем социологические. Затем мы ссылались на конференцию, организованную в УШМ в ноябре 1990 года, где участники дискуссии подвергли энергичной критике старые классовые концепции и «недостаточное внимание к взаимосвязи между гендером и классом, классом и этничностью и влиянию культурных репрезентаций в целом» [Siegelbaum 1993a: 12]. В дальнейшем мы переработали этот очерк и он вышел под заголовком «Построение командной экономики: западные историки о советской индустриализации» [Siegelbaum 1993b].

Среди участников дискуссии на этой университетской конференции Билл Сьюэлл самым непреклонным образом бросил постструктуралистский, антипозитивистский вызов, спросив несчастного докладчика, который назвал события или процессы «разворачивающимися»: «Во-первых, скажите нам, кто их свернул?» Джеофф Эли и Кэтлин Кэннинг подталкивали докладчиков в направлении культурологических исследований, тогда уже проводимых по истории Германии. Лора Энгельштейн, указав на то, что «мир выдающегося рабочего активиста — это мир мужской солидарности, мужского братства, индивидуализм», отчитала нас за игнорирование гендерной природы классового сознания и идентичности [Siegelbaum 1994: 11]. Другие выступавшие, например

социолог из Беркли Майкл Буравой, известный йельский историк труда в США Дэвид Монтгомери и Билл Чейз, были гораздо ближе к общим понятиям трудовой истории. Мы вели оживленные дискуссии. Жаль, что мы их не включили в сборник; это было бы крайне полезным приветом из прошлого от некоторых из лучших умов в нашей профессии, особенно в свете происшедших в ней кардинальных изменений.

Мы с Роном совместно отредактировали этот сборник и убедили издательство «Cornell University Press» его опубликовать. Конференция называлась «Становление советского рабочего класса», но однажды вечером за ужином во вьетнамском ресторане в Ист-Лансинге мы решили озаглавить книгу «Становление советских рабочих». Тут отразился переход от томпсоновской парадигмы к той, в которой «формирование классов — процесс не только неограниченный, но и происходящий и в глазах смотрящего, и в “опыте” акторов». Если, как мы писали во введении, «класс — это больше, чем социальный слой, больше, чем уровень заработной платы или статус в общественных производственных отношениях...», то «дискурсы, в которых он конституирован, должны исследоваться в ходе изучения его конституирования» [Siegelbaum 1994: 26].

Мы полагали, что намечаем будущее трудовой истории России, дополняя ее выводами, которые Гарет Стедман Джонс, Билл Сьюэлл, Жак Рансьер и Джоан Скотт сделали исходя из лингвистического поворота. Но, как следовало из того, что предлагалось в статьях о рабочих до революции, не все были согласны с такой повесткой дня. Тогда как Реджинальд Зельник ссылаясь, вслед за Рансьером, на «массовое переосмысление трудовой истории», предполагающее, что власть действует «посредством механизмов категоризации и социального контроля», Марк Штейнберг подчеркивал креативность пролетариата в апроприации буржуазных ценностей. Хизер Хоган подчеркивала широкое пролетарское сознание, в то время как Стив Смит придерживался анализа заводских цехов. Восемь очерков о рабочих 1920–30-х годов еще больше напоминали коллаж. Виктория Боннелл предложила богато иллюстрированный обзор и анализ визуальных представле-

ний советских рабочих. Стивен Коткин представил еще одну часть своей пока не опубликованной книги, где содержалось то, что станет самым известным неологизмом в этой области, — «большевистский язык». «Если и был когда-либо случай, когда выделялась политическая значимость высказанных вещей, или дискурс, — утверждал Коткин, — то это выражение социальной идентичности при Сталине» [Kotkin 1994]. Большинство авторов проигнорировали эту точку зрения.

«Вместе взятые, — писал Билл Чейз в хвалебном отзыве, появившемся на задней обложке, — эти очерки намечают контуры будущих исследований по российской и советской трудовой истории». Не совсем так. Книга, возможно, и стала «точкой отсчета», как предсказывал Чейз, но вместо того, чтобы намечать контуры будущего, сейчас она выглядит как лебединая песня трудовой истории СССР. Это суждение слишком сурово? Нет, в том смысле, что никогда прежде такая группа известных и талантливых историков не собиралась для обсуждения данной тематики. Да, если принять во внимание множество последующих работ, в том числе и мою, которые остались в социальной истории рабочих. При изучении этой книги видно, что в ней преобладают исследования формирования рабочего класса на базе заводов. Я имею в виду, в частности, «Крестьянскую метрополию» Дэвида Хоффманна [Hoffmann 1994], «Магнитную гору» Коткина [Kotkin 1995] и «Завод и сообщества в сталинской России» Кеннета Штрауса [Straus 1997]. К ним можно добавить такие более поздние публикации, как «Революция и контрреволюция: классовая борьба на Московском металлургическом заводе» Кевина Мерфи [Murphy 2005], написанная, как и работы Хоффманна и Штрауса, на материале московского завода «Серп и молот», и книга Джеффа Россмана «Рабочее сопротивление при Сталине» [Rossman 2005] о забастовке на хлопчатобумажном комбинате в Тейково в 1932 году.

Когда-то бывшие в авангарде советологических исследований, истории работников и работниц в период до 1941 года в 1990-х потеряли свою значимость. Помимо «внутреннего» объяснения новых тенденций в гуманитарных науках, очевидны два других

внешних фактора. Деиндустриализация на Западе, о которой я уже упоминал, сделала формирование советского рабочего класса намного менее интересным. Десоветизация, то есть распад Советского Союза как такового, поставила перед историками множество новых вопросов о национальности и имперской природе СССР, отодвигая в тень рабочую и трудовую историю. Наконец, независимо от этих событий, я бы сказал, что в изучении трудовой жизни русских рабочих в первые десятилетия века была достигнута точка насыщения.

Тем не менее я не останавливался. Пришло что-то вроде второго дыхания. Думая, что смысл понятия труда позволяет мне объединить элементы трудовой и культурной истории, я приступил к ряду проектов, согласующихся с таким подходом. Первый перенес меня в годы непосредственно после Октябрьской революции, второй — еще дальше, в поздний период империи. Наконец я вернулся в середину 1930-х годов, в свою хронологическую «зону комфорта» со времен книги о стахановском движении. Оглядываясь назад, можно сказать, что эти три исследования, помимо их общего замысла как частей единого целого, которому не суждено явиться на свет, связаны общей заинтересованностью в нарративе и репрезентации, а два из них — тем, как рабочие позиционировали себя перед властью. Их голоса, услышанные тут и там при работе в архивах, получены опосредованно. Тем не менее трудно передать то волнение, которое я испытывал, обнаруживая их. Частично это волнение было связано с их материальностью. Эти документы, написанные от руки, как правило, низкого качества, позволили мне в самом буквальном смысле прикоснуться к прежде недоступному прошлому. Не питая иллюзий о том, что я служу проводником их сообщений, я не мог не попытаться их расшифровать. «Это, — писал я в одной из двух опубликованных мной статей о товарищеских судах, — ранние советские аналоги французских писем о помиловании XVI века, о которых писала Натали Дэвис». На одной из встреч группы MSG, посвященной «Литературе в архивах», я познакомился с очаровательной манерой работы Дэвис с документами, содержащими обычно успешные просьбы к королю о помиловании.

Подобно «литературному вымыслу», содержащемуся в этих документах, дискурсивные стратегии, применяемые нарушителями трудовой дисциплины, могут изучаться с точки зрения того, что они «считали хорошей историей, как они объясняли свои мотивы и как, через нарратив, осмысливали неожиданное и встраивали аргументацию в непосредственный опыт» [Davis 1987: 4]. Но объяснительные советских нарушителей дисциплины содержат нечто большее, <...> часто они включают революционную риторику, иногда высказываемую как сожаление о невыполненном обещании, иногда — как средство убедить суд в виновности обвиняемого, и не менее часто — как обвинение против обвинителей. Используемая лексика — «рабочий класс», «пролетарский», «дисциплина», «эксплуатация», «буржуазный», «чиновник» — знакома исследователям того периода, но в ней часто встречаются и личные моменты, и воспоминания о дореволюционном прошлом [Siegelbaum 1992a].

Итак, в конце концов я в достаточной мере проникся идеей лингвистического поворота, чтобы подчеркнуть важность языка в том, как люди предъявляют себя. Но могу ли я сделать следующий шаг и признать действующую силу самого языка? На самом деле нет. Я мог утверждать, что «труд или трудовая дисциплина — это дискурсивные категории, имеющие богатую и разнообразную историю в России» [Siegelbaum 1992a: 707], но для меня было слишком приписывать этому дискурсу власть как над рабочими, так и над управленцами. Теперь я думаю, что с этим все в порядке. Если бы я пошел до конца, как, например, сделал Билл Сьюэлл, я был бы совершенно другим историком, оставил бы свои материалистические основы и ориентиры только ради того, чтобы позже признать свои ошибки, как признал их Билл¹⁶.

Вместо того чтобы продолжить анализ дискурсивности их риторики, я пытался найти эмоциональную близость с этими рабочими. Казалось, я стоял рядом с работницей московского завода АМО Натальей Алхимовой, когда она объясняла свой

¹⁶ Здесь я имею в виду [Sewell 2005], особенно гл. 3: «Именно в тот период, когда историки радостно отбросили понятие структурной детерминации, форма нашего социального мира коренным образом изменилась в результате изменений в структурах мирового капитализма» [Sewell 2005: 49].

прогул, надеясь, в частности, на невероятное в своей невозможности решение «Совета обороны труда»¹⁷: «Сейчас, — писала она, обжалуя решение суда низшей инстанции, — я обращаюсь в Совет как защитник рабочего класса, в котором, думаю, смогу найти поддержку, чтобы объяснить, что я не виновата». Или взять бедного Дрогунова, который, сославшись на трудную семейную ситуацию в качестве причины кражи трех фунтов муки из московской пекарни № 5, умолял суд не причинять страдания его невиновной семье. Кроме Натали Дэвис, я упомянул Жана-Франсуа Лиотара и да, конечно же, Жака Рансьера. Но это было сделано, чтобы украсить витрину. Мой настоящий умысел заключался в том, чтобы «изучить, как проблема вышла за рамки только трудовой дисциплины и открыла ряд других вопросов, <...> вопросов часто очень личных, вращающихся вокруг конфликтов между ожиданиями, обидами, характерами и материальными потребностями отдельных лиц, с одной стороны, и требованиями верности и послушания коллективу <...> с другой» [Siegelbaum 1992a: 717–718, 728]. Эта статья мне настолько понравилась, что через пять лет я опубликовал ее измененный вариант, озаглавив «Нарративы апелляции и апелляции нарратива» [Siegelbaum 1997b]. Мое пристрастие к предмету этих статей делало исследование привлекательным. Помимо профсоюзных газет, журналов и других публикаций, которые я читал в московских библиотеках, я работал с материалами Центрального совета профсоюзов (фонд 5451) и Центрального комитета профсоюза работников текстильной промышленности (фонд 5457). Весь материал размещался в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), как он назывался в 1990–1991 годах, когда я там работал¹⁸. Первый раз после 1974 года я вернулся в комплекс больших серых зданий на Большой Пироговской уже в совершенно иных

¹⁷ Алхимова неправильно называет Совет труда и обороны (1920–1937), видимо, в соответствии с предъявляемой просьбой, «Советом обороны труда», учреждением, призванным оборонять трудящихся, то есть ее в данном случае.

¹⁸ В 1992 году ЦГАОР был переименован в ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).

условиях, когда Советский Союз находился «в свободном падении». Я также работал в московском областном архиве (ЦГАМО), располагавшемся в неброском здании на юге столицы; там я вволю начитался протоколов дисциплинарных судов. В этом архиве режим работы строился более по-домашнему, но не за счет эффективности обслуживания. В дни, когда ЦГАОР открывался в полдень, с утра я работал в ЦГАМО, потом спускался в метро, перекусывал грузинским хачапури, купленным по дороге. Как опытный мастер, в руках у которого давно не было любимых инструментов, я не мог насытиться этими источниками и счастливее быть не мог. В то время, в начале 1990-х, я еще писал заметки от руки, на карточках 10 × 15 см или листах бумаги, которую я нарезал на этот размер. Переход на компьютер ждал моего возвращения в Мичиган. Что касается методологии, расшифровка каждого почерка служила решающим критерием: если я мог понять то, что прочел, то использовал этот материал, если нет, тогда «проехали».

Я представил доклад «Нарративы апелляции» на конференции «Советские письма властям», которую Шейла Фицпатрик организовала в апреле 1996 года в Чикагском университете. Затем он превратился в статью для специального выпуска «Russian History», посвященного петициям и доносам, который Шейла редактировала. Дэвис и Рансьер по-прежнему фигурировали в сносках, но теперь там появились и Билл Сьюэлл, и Пегги Сомерс, оба из нашей читательской группы в Анн-Арборе. Тем временем Сьюэлл опубликовал статью, предлагающую новую «теоретическую конфигурацию социального мира», состоящую из «взаимно конституирующих комплексов значений, недостатков и отношений власти» [Sewell 1993: 34]. Сомерс, историк-социолог, помогла мне понять разные стратегии построения повествований [Somers 1992].

Я проанализировал заявления рабочих в товарищеские суды; некоторые из них появились в предыдущей статье, а некоторые, новые, — в докладе и новой статье. Теперь я не просто предоставлял этим работникам право защищать себя, но и проанализировал нарративные структуры их защиты. В конце я отмечал, что они «могут быть истолкованы как свидетельство сложного процесса

проб и ошибок» [Siegelbaum 1997b: 87], который Дайана Кенкер назвала «пороговым периодом определения социализма» [Koenker 1995: 2].

В промежутке между этими двумя вариантами статьи меня заинтересовал другой вид нарратива — тот, где рассказывалось о том, что значит быть русским, на материале ярмарок кустарных промыслов. Должно быть, я уже начал думать об этом в августе 1991 года, когда представил свой отчет об исследовании товарищеских дисциплинарных судов в Американский совет научных обществ. «Дальнейшие исследования, — писал я, — будут посвящены отслеживанию ранних (дореволюционных) выражений обеспокоенности по поводу отсутствия в России культуры труда и, если позаимствовать известную фразу, тому, что с этим делать». К лету 1992 года благодаря внутреннему финансированию УШМ я уже начал изучать в обширных хельсинкских коллекциях российских журналов дискуссии среди исследователей села 1870–80-х годов о происхождении, природе и жизнеспособности ремесел. Вначале я понял, что эти дискуссии стали причиной волнений образованного общества по поводу дестабилизирующего воздействия капитализма на сельскую Россию. В таких деревенских ремеслах, как плетение кружев, вышивание, ручное ткачество, резьба по дереву и изготовление игрушек, образованные россияне склонны были видеть воплощение прежней гармонии, еще не разрушенной промышленностью и презренными скупщиками с их пагубным влиянием. Чтобы овладеть терминологией, связанной с этими ремеслами, еще много требовалось выучить.

Я вспоминаю то лето с большой теплотой. Мы с женой все более отдалялись друг от друга, но мы договорились, что со мной поедут оба наших мальчика, которым тогда было одиннадцать и шесть лет. Их сопровождал друг Сэми Ной, который уговорил родителей его с нами отпустить. Мы жили в двухэтажном доме, стоявшем вдали от дороги в Йолласе, на юго-востоке Хельсинки; до центра города надо было добираться на метро и автобусе. Дом принадлежал Илмари Сусилуото, старому приятелю Лины со студенческих лет, который тогда на лето уехал с семьей в Штаты. Среди множества людей, с которыми я столкнулся в своих странствиях по миру

советологии, никто не сравнится с Илмари в эксцентричности и одаренности. Экстравагантный шутник, очень теплый в общении, он не вписывался в стереотип о финнах. Илмари написал новаторское исследование системного мышления (т. е. кибернетики) в СССР, обнаружив его истоки в кругу одного из ранних большевиков-соперников Ленина, А. А. Богданова (1873–1928) [Susiluoto 1982]¹⁹. Затем он сделал неожиданную карьеру в финском дипломатическом корпусе в качестве ведущего эксперта по Советскому Союзу, а потом занялся написанием книг, среди прочего, о Карелии, алкоголе в России и русском юморе.

Дом Сусилуото с юга граничил с лесом, а берег, усеянный крошечными островками, лежал на юго-западе. Покрытые мхом дорожки вели мимо больших деревянных домов конца XIX — начала XX века. Хотя и обшарпанные, они могли быть теми самыми дачами, в которых чеховские три сестры тосковали по Москве. Пока я работал в библиотеке, три мальчика идилически проводили время: катались на лодке по островам, ходили пешком по лесу и приезжали в город, чтобы пообедать или пройтись по магазинам со мной. Сэми и Сасу говорили по-фински, потому что их мать настояла на том, чтобы они учили ее родной язык. В этом они преуспели и исполняли обязанности переводчиков для Ноя, а иногда и для меня. Единственная неприятность, насколько я помню, случилась, когда я однажды вечером стоял у открытого гриля и готовил ужин для гостей. Сасу выбежал из дома с криком: «Папа, папа, иди скорее». Оказалось, что он взял спички и поджег полотенце в ванной комнате, отделанной деревянными панелями.

С перерывами на другие занятия исследования ярмарок крестьянских промыслов тянулись до 1994 года. В том году я месяц провел в Санкт-Петербурге. Мои хозяева, семья, с которой я познакомился через американского аспиранта и его русскую жену, с теплым гостеприимством разместили меня в своей уютной квартире на набережной реки Карповки на Петроградской стороне. Сережа, автомеханик, который подрабатывал ремонтом

¹⁹ См. некролог Илмари в одной из центральных газет Финляндии [Luukkanen 2016: 18].

телевизоров, его жена Лена, которая продавала их, и их сын-подросток стали моими друзьями на много лет. Я сблизился с сестрой Лены, которая жила в разводе, со взрослой дочерью. Конечно, больно вспоминать эту супружескую неверность. Как минимум мне неловко ассоциироваться со стереотипом об американце, который оказался на свободе в стране, где, как я расскажу ниже, многие женщины занимаются проституцией. Ирина, у которой был хороший, хотя и нестабильный доход от какого-то товарообмена, ничем таким не занималась, но все же, но все же...

Я работал в Российском государственном историческом архиве (РГИА), который тогда еще размещался в здании Сената. Там увядшее имперское великолепие соседствовало с легким домашним уютом: архивисты вместе с читателями полдничали вареными яйцами, печеньем и чаем. В моем распоряжении были документы комитетов, которые организовывали ремесленные ярмарки или спонсировали показы на всемирных выставках в Париже и Чикаго. Материалы были в изобилии. Вот, например, список документов, которые я прочел за один день (24 мая):

Ф. 401 (Отдел кустарной промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде, 1896), оп. 1:

д. 1 — требования к участникам;

д. 5 — протоколы заседаний экспертной комиссии;

д. 6 — письма, реклама, переписка и т. д.;

д. 8 — петиции от земств и ремесленников;

д. 13 — список лауреатов.

Я, вероятно, перестарался и собрал огромное количество материала, который до сих пор загромождает мои шкафы. В своих рассуждениях я соотносил смешанные и нередко противоречивые сообщения с выставок крестьянских ремесел с поздней Российской империей как таковой. Невзирая на то, что организаторы старательно пытались отрегулировать вопрос, кто может выставлять свои товары, «нарушений было предостаточно». Претенденты в строгом соответствии с правилами описывали себя и то, как они изготавливали свои товары.

Многие крестьяне увлекались тем, что профессиональный художник, вовлеченный в возрождение ремесел, назвал «пагубным влиянием <...> городской и фабричной цивилизации». Мягкие, эстетизированные версии российских древностей, воплощенные в изделиях и экспонатах, скрывали эти напряженные отношения между мастерами и их покровителями из высших слоев общества. Две всероссийские выставки крестьянских промыслов в 1902 и 1913 годах стали «в высокой степени срежиссированными мероприятиями, призванными символизировать уважение к государю, *tableaux vivants* просвещенных чиновников, меценатов, земских органов [созданных после освобождения крестьян], наставников и трудолюбивых крестьян, окруженных товарами, будто рассыпанными из рога изобилия». Тем не менее, несмотря на все усилия организаторов, не могли быть разрешены противоречия между искусством и трудом, элитарностью и ширпотребом, оригинальностью и привычностью, а также между русским национальным характером и другими народами империи [Siegelbaum 1995a].

Как видно из приведенной ссылки, результаты моего исследования были опубликованы в сборнике докладов на одном из проходящих раз в четыре года всемирных конгрессов по исследованиям Восточной Европы и России. Я побывал в польской столице, где проходил конгресс, в августе 1995 года. Мы с Сэми, которому исполнилось четырнадцать, провели неделю во французском регионе Луара, остановившись в каменном коттедже XVIII века, арендованном у американской пары. Их объявление Сэми увидел в «The New York Review of Books». Затем мы сели на поезд из Парижа в Краков, следуя тем же маршрутом, что и евреи, депортированные из Франции в Освенцим, которые ехали в вагонах для скота более полувека назад. Сэми незадолго перед тем посмотрел «Список Шиндлера». Фильм произвел на него большое впечатление, и он захотел посетить все показанные там места. Мы провели день в Закопане, прекрасном курортном городке в Татрах, так что я удовлетворил свое желание увидеть то место, где Биркут воссоединился со своей женой в главной сцене «Человека из мрамора». В четырнадцать лет Сэми в последний раз мог провести

каникулы с отцом, что объясняет, почему я так тоскую по этой поездке.

Статье о кустарных промыслах тоже пришлось попутешествовать до своей публикации в сборнике материалов конгресса. Где-то в начале 1995 года я представил в «The American Historical Review» раздутую ее версию, насчитывающую пятьдесят девять страниц с иллюстрациями. Со временем я получил комментарии от трех читателей и сопроводительное письмо от редактора. «Исследование впечатляет; аргументация, однако, не полностью сформирована <...>. Автор пытается увязать свое исследование со слишком многими существующими интерпретациями, пытаюсь сделать слишком много в одной статье». В общем, так оно и было. Редактор рекомендовал мне статью переделать, отметив, что у нового варианта будут неплохие шансы для принятия в печать. Я внес изменения и повторно отправил статью. Читателям понравилась вторая версия, но, как писал новый редактор журнала, «по-прежнему имеются серьезные опасения по поводу эффективности представления материала». Этого мне было достаточно. Не понимаю, как мне в голову пришло послать в журнал неупорядоченный, слишком длинный текст. Ясно только, что тема, которая меня когда-то заинтересовала, потеряла свою привлекательность, подвергшись серии критических нападков. Издание в сборнике оказалось запасным вариантом.

К счастью, к этому времени мне на глаза попался очень интересный эпизод, на основе которого появилась статья, ставшая одним из моих любимых произведений. Эта статья, «Уважаемый товарищ, просите, что вам нужно», появилась почти случайно [Siegelbaum 1998]²⁰. В поисках материалов в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, ранее ЦГАОР) о работниках совхозов я наткнулся в описи на переписку между инструкторами из Союза работников молочно-мясных совхозов Центра и Юга (малоизвестного учреждения) и 145 премированными доярками и пастухами. Переписка, большая часть которой была написана от руки, датирована 1935–1936 годами, периодом, хорошо мне

²⁰ Затем я опубликовал слегка переделанный вариант [Siegelbaum 2000a].

знакомым по исследованиям стахановского движения. В письмах премированным работникам их просили сообщить о семейном положении, материальных условиях, режиме питания, грамотности и состоянии здоровья. Там прямо спрашивалось: «Что вам нужно в плане жилья, мебели, одежды?» «Уважаемый товарищ, просите...» — эта приветственная фраза из писем и дала название статье.

Я инстинктивно понимал, что в этой переписке содержалось что-то существенно важное, но что? Риторические стратегии этих по большей части полуграмотных работников — только часть истории. При всем при том, этот обмен информацией инициировал обмен другого рода — материальными товарами и услугами — за благодарность и обязательство исполнять роль образцовых советских граждан. Это я назвал «распределительной политикой», которая была если не уникальным, то значительным аспектом в обществах государственного социализма, особенно в сталинскую эпоху, когда государство практиковало «социалистический патернализм». Теперь я вижу, что распределительная политика занимает среднее положение между моим прежним погружением в производственную политику и занятием, в следующем десятилетии, культурой потребления и материальной культурой.

Все 90-е годы я сам был чем-то вроде производственного механизма. Моя работа помогала справиться с тогдашней ситуацией, убежать от нее, но в то же время усугубляла ту самую ситуацию, которой я пытался избежать. Я имею в виду все более напряженные отношения в нашем браке. Проводя время вдали от дома или работая дома в своем кабинете, я избегал столкновения с той горечью и пустотой, которые мы оба ощущали. Конечно, такое самоустранение не могло не повлиять на моих сыновей. Недавно в подвале среди пожелтевших тетрадей и писем я обнаружил записку Лине от некой Сьюзен из службы ухода за детьми от 28.07.1989: «Сасу так грустил этим утром, так сильно скучал по папе. Ему стало немного лучше, когда я нарисовала эту картинку. Я сказала ему, что вы отправите или передадите ему этот рисунок. Спасибо». Сьюзен нарисовала большое хмурое лицо и скрепкой прикрепила рисунок к записке. Вверху слева на рисунке она на-

писала: «Кому: Папе. Мы тебя любим!» На рисунке были два треугольника на двух кружочках. В одном кружочке Сьюзен написала «Сэми», в другом — «Сасу». Сасу тогда было меньше трех лет; он что-то намазюкал разными цветами в каждом кружочке. Не помню, показала Лина мне рисунок или нет, когда я вернулся из трехнедельной поездки в Донецк, но теперь у меня душа болит, когда я смотрю на него. Я никогда не брал мальчиков с собой в Советский Союз, о чем жалел потом всю жизнь, но в то время для меня так было проще.

Правда также и то, что работа меня дико увлекла. Мое стремление рассказать другую историю о десятилетиях становления СССР, когда трудящиеся находились в центре событий, не ослабло и после распада Советского Союза. Советские элиты, вероятно, решили, что достаточно долго держались за коммунизм, но я все еще не готов был с ним расстаться. В этом отношении я напоминал тех действовавших из лучших побуждений, но сбитых с толку покровителей крестьян-ремесленников, которые хотели затормозить развитие капитализма. Они делали это на заре капитализма, прерванной Октябрьской революцией, я — во время его второго расцвета. Я пытался спасти Советский Союз не от самого себя, а от презрения ученых мудрецов. Однако к концу 90-х эти мотивы начали ослабевать. Был то признак зрелости или эмоционального истощения? Трудно сказать. Скорее всего, запоздалое признание того, что игра наконец закончилась.

В этой главе я описал масштабный процесс своего перехода от трудовой истории к более широкой социальной и культурно-исторической перспективе, перехода, который позволил мне завершить в девяностых четыре проекта. В каждом из них был свой набор персонажей, и каждый помог мне лучше понять, как Советский Союз принял свою итоговую форму. Понимание этого оказалось даже более важным после его кончины, чем при его жизни. Первый проект, «Советское государство и общество между революциями», я описывал в заявке на грант как «обзор периода новой экономической политики [НЭПа] (1921–1929 годы), предназначенный для студентов старших курсов и аспирантов». Я уже опробовал свои силы в таком синтетическом обзоре,

написав статью «Государство и общество в 1920-е годы», вошедшую в книгу о реформе исследований истории России [Siegelbaum 1989c]. Естественно, разговоры о реформах широко распространились в разгар перестройки. Таким образом, написание книги о двадцатых годах давало возможность оценить ход реформ в прошлом и даже узнать кое-что о том, почему они так трагически завершились сталинизмом. Готовиться к ее написанию означало знакомиться с постоянно растущим количеством трудов историков того времени и искать первичные (в том числе архивные) источники, которые мне были необходимы для обоснования своих доводов. Мне также следовало быть в курсе того, как советские журналисты трактовали «уроки» НЭПа. Статьи, появившиеся в «Новом мире» в 1988 году, произвели на меня особенно сильное впечатление, равно как и стенограммы дискуссий советских историков за круглым столом [Нуйкин 1988; Селюнин 1988; Круглый стол 1988]. В результате в библиографии появилась вереница работ, как более, так и менее известных. Когда, где и как книга была написана? Между 1988 и 1991 годами, наряду с преподаванием, поездками, ссорами с Линой и попытками остаться отцом для сыновей, в подвале, который служил мне кабинетом.

В стремлении избежать презентизма²¹, а также в нахождении баланса между синтезом чужих работ и своей собственной точкой зрения, мне очень помогла Мэри Маколи. Я знал Мэри со времен учебы в Оксфорде, когда приходил к ней в Университет Эссекса, чтобы поболтать с ней о фабричных комитетах 1917 года. Я вспомнил, что им она посвятила свою первую книгу, и, заинтригованный, захотел выяснить почему [McAuley 1969]. Мэри, которая выстроила долгую и блестящую карьеру ученого и правозащитника, периодически появлялась, как волшебная фея, готовая протянуть руку помощи. В этом случае она редактировала серию книг, в которой появилось мое «Советское государство и обще-

²¹ Презентизм — направление в методологии истории XX века (особенно в США в 1920–40-х годах), которое рассматривает историческую науку не как отражение объективных, имевших место в прошлом явлений, а лишь как выражение идеологических отношений современности. — *Примеч. ред.*

ство», прочла наброски первых глав и дала мудрые советы по поводу их улучшения. Поблагодарил ли я ее? Надеюсь, что да. Если нет, то делаю это сейчас, хотя и с опозданием.

В ходе работы над книгой «Обзор периода новой экономической политики» стал чем-то гораздо большим. НЭПу я посвятил всего 35 из 229 страниц текста. «Государство» и «общество», показал я, теперь функционируют как «строительные блоки исторического анализа, <...> силовые поля, отмеченные сложным взаимодействием притяжений и отталкиваний, и, следовательно, как динамические структуры с разной категориальной принадлежностью» [Siegelbaum 1992с: 3–4; Keane 1988: 20]. В книге я перешел от того, что революция и Гражданская война «оставили в наследство» Советской России, к кризису 1920–1921 годов, опасностям «отступления и ревизии», жизни при НЭПе, а также рискам и возможностям конца 1920-х годов. Разделы о браке, религии, повышении производительности, а также спорах об аграрной и промышленной политике основывались на материалах, которые я собрал для предыдущих проектов, включая заброшенный замысел об активных безбожниках. Как гласит старая мудрость, которую цитировали многие левые радикалы в моей юности, «без риска не достичь успеха».

Отзывы о книге порадовали меня как серьезностью, с которой рецензенты отнеслись к ее концептуальной структуре, так и похвалами. Более непосредственные отклики я получил от коллег-историков на конференции AAASS, которая состоялась в ноябре 1994 года в Филадельфии. Моя книга обсуждалась за круглым столом под председательством Венди Гольдман. Стив Коткин метко назвал книгу «синтезом против синтеза»; Венди отметила, что я использую социальную историю, чтобы изменить традиционный политический нарратив, но выразила беспокойство по поводу того, что я уделяю большое внимание классу в ущерб гендеру; Дэвид Хоффманн тревожился о том, что лингвистический поворот ставит под угрозу социальную историю. В течение многих лет после публикации я не мог смотреть на эту книгу, вероятно, потому, что она напоминала мне о несчастливом периоде в моей жизни. Однако позже я не раз обращался к ней, когда учил маги-

странтов советской истории и истории коммунизма, потому что не мог найти ничего лучше для разговора о 1920-х годах.

У некоторых проектов есть свойство порождать другие, даже если связь между ними не очевидная и не прямая. Читая источники для книги «Советское государство и общество» [Siegelbaum 1992c], я наткнулся на материал о рабочих клубах и дворцах культуры — учреждениях, призванных сосредоточить в себе и контролировать досуг работников. Дискуссии о подходящей архитектуре для таких учреждений интересовали меня не меньше, чем виды деятельности в них. Эти два аспекта связаны друг с другом интереснейшим образом: их функция определяет форму, а популярная культура противостоит культуре авангарда. Обратившись к этим аспектам, я получил возможность выйти за рамки темы образования классов на рабочих местах и начать выяснять обстановку, в которой происходили культурные мероприятия, и содержание самих этих мероприятий. Эта история выходила за пределы 1920-х годов, охватывая и 1930-е, и поэтому я отложил эту идею до тех пор, пока не выпустил в свет скромную, на четырнадцать страниц, статью для «International Labor and Working-Class History» [Siegelbaum 1999].

Более всего в постсоветские девяностые годы историки приветствовали раскрытие документов в советских архивах и публикацию серии справочников по архивным коллекциям. «Российская архивная серия» (Russian Archive Series, RAS) Центра российских и восточноевропейских исследований Университета Питтсбурга выпускалась в сотрудничестве с Сергеем Мироненко, директором Государственного архива Российской Федерации. Справочники, которые охватывали документы как советских государственных учреждений, так и бывшего Центрального партийного архива, были просты в использовании и, по моему опыту, абсолютно надежны [см., напр., Гетти, Козлов 1993]²². Билл Чейз и Арч Гетти, оба члены редколлегии RAS, были редакторами нескольких из них. Арч также обеспечивал иностранных ученых жильем, в чем ему помогали Елена Дроздова и Леонид Вайнтрауб, московская

²² Дополнительные тома этой серии см. [Russian Archive].

чета, у которой, казалось, имелись широчайшие связи с владельцами квартир, желающими сдать их в аренду. После того как мой друг Вадим уехал из Москвы в Калифорнию, я полагался исключительно на контору Арча, официально известную как Praxis International.

Тогда же, в 1992 году, когда была запущена «Российская архивная серия», Джонатан Брент из «Yale University Press» начал печатать «Летопись коммунизма»²³. Это амбициозное начинание объединяло российских историков и архивистов с учеными из Северной Америки с целью публикации документов с комментариями. При поддержке Национального гуманитарного фонда и Фонда Сороса Йельский университет предоставил россиянам столь необходимую финансовую поддержку и обеим сторонам — деньги для покрытия транспортных расходов. Планировалось, что Чейз, Гетти, Фицпатрик, Городецкий и Пайпс, среди других, будут редактировать издания этой серии²⁴. Также в 1992 году Андрей Соколов из московского Института российской истории направил Йельскому университету предложение издать книгу, которую он предварительно назвал «Советская общественная жизнь в 1930-х годах: личный опыт из документов». Ранее Андрей уже имел тесные связи с архивными работниками, участвовал в издании «Russian Archive Series» Питтсбургского университета и был хорошо знаком с Чейзом и Гетти.

Билл Чейз завербовал меня для работы над этой книгой в феврале 1993 года. Прежде всего моя задача состояла в том, чтобы перевести и прокомментировать предложение Соколова. При финансовой поддержке издательства в июне того же года я провел несколько недель в Москве, помогая идентифицировать документы из партийного архива (тогда он сокращенно назывался по-русски РЦХИДНИ, Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории; позже — Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ) и ГАРФ. Вскоре Брент узнал о моем увлечении «невероятно бога-

²³ Краткий обзор см. [Brent 2017].

²⁴ Полный перечень 29 изданий этой серии см. [Annals].

тым» материалом, который я там встретил. Действительно, это была богатейшая документация, мечта исследователя. Материал в основном включал четыре типа документов: славословия, жалобы и предложения, адресованные советским и партийным руководителям, государственным органам и редакторам газет относительно «социалистического строительства»; доносы-«разоблачения»; протоколы и резолюции собраний первичных партийных организаций, профсоюзов и комсомола; сводки отчетов КГБ о ситуации, отношениях к власти и проявлениях недовольства со стороны населения в целом. Следующей весной Соколов написал по электронной почте (эту технологию он только начал использовать), что он и его команда архивистов «практически закончили подбор документов». В этом он оказался слишком самоуверенным. Я вернулся в Москву в сентябре 1995 года и, находясь там, предложил добавить некоторые увиденные мной документы, которые касались совхозных лауреатов в животноводстве и молочном хозяйстве. Судя по письму, присланному мне младшим партнером Соколова Сергеем Журавлевым, процесс отбора продолжался до ноября. «В целом, — писал Сергей, — чем больше работаешь в архивах, особенно с недавно рассекреченными документами, тем больше убеждаешься в том, как мало мы знаем об истории 1930-х годов и сколько еще остается “девственной”, нетронутой территорией».

Я предложил Бренту, чтобы Йельский университет организовал приезд Соколова ко мне летом и мы могли беспрепятственно поработать над книгой. Он наконец приехал в осеннем семестре 1996 года, и мы хорошо поработали вместе, обсуждая порядок представления документов и согласовывая свои черновики для выстраивания связного повествования. В середине его визита мы провели «беседу» между мной и моими коллегами по историческому факультету на тему «Изучение социальной истории сталинской эпохи в свете новых архивных материалов». Тяжелое воспоминание о приезде Андрея связано у меня с вечером, когда я повел его посмотреть, как Сэми играет в футбол. В середине игры Сэми сломал голень и малоберцовую кость, врезавшись в ногу противника. Никогда не забуду тот звук — как будто сло-

малась сухая ветка. Не забуду и благодушное настроение Андрея, его терпеливость, пытливый интерес к жизни американского Среднего Запада и живой ум²⁵. По согласованию с Йельским университетом в 1998 году он опубликовал русскую версию в издательстве «РОССПЭН» (что расшифровывается как «Российская политическая энциклопедия»), основанном в 1991 году, указав себя как главного редактора, а меня — как участника создания книги [Соколов 1998]. Несмотря на то что у нас было два лучших переводчика в этой тематике, Томас Хойзингтон и Стивен Шабад, английская версия, которую я курировал, вышла только через два года.

Во введении книга описывалась как труд по социальной истории, который дал

возможность крестьянам и рабочим, образованным и неграмотным, взрослым и детям, женщинам и мужчинам, русским и представителям других национальных групп, угнетенным и элите рассказать своими словами свои истории. Они «говорят на большевистском» (некоторые лучше других), а также на других языках. Они жалуются и умоляют, они и умалчивают о многом, и шокирующе откровенны. Они заявляют о своей неизменной преданности делу построения социализма и ужасе от того, что творится от его имени. В их совокупности, чаще всего неосознанно, раскрываются социальные ценности, кодексы поведения, стереотипы, патологии и, да, надежды и страхи, которые породили это самое травмирующее десятилетие в советской истории и были им порождены [Siegelbaum 2000b: 6].

Пожалуй, я никогда не писал с большей уверенностью и воодушевленностью. Приведу самый приятный отзыв от понимающего человека:

Эта книга дала голос людям, которые пережили бурное десятилетие 30-х годов. Большинство документов написано либо простыми гражданами, либо о них... Превосходные вдумчивые

²⁵ См. некролог Андрея Соколова (1941–2015), который мы написали с Арчем Гетти: *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 1. P. 241–243.

комментарии Льюиса Сигельбаума и Андрея Соколова осторожно ведут читателя от документа к документу, оставаясь в тени и не отвлекая внимание от голосов прошлого [Krevsky 2002].

Не раз включая части этой книги в свой курс советской истории, я все ближе узнавал многих авторов этих 157 документов. Все они вызывали разнообразные ассоциации и эмоции: молодой ленинградский рабочий, который писал своему дяде Феде из Магнитогорска; председатель сельсовета, который жаловался Председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Калинин на то, что он как будто ходит «по краю пропасти»; семидесятилетний россиянин, который, поблагодарив Сталина за «счастливую жизнь», призывал, чтобы в конституции «не забывали нас, сталинских»; ленинградец, предложившему такие поправки в политику регулирования рождаемости, что сам Олдос Хаксли не поверил бы своим глазам; семнадцатилетняя дочь кулака, которая «сгорала от стыда перед подругами», обращалась к вдове Ленина Надежде Крупской с просьбой дать ей возможность продолжить учебу. Из их жизненных ценностей, из слов, которыми они их выражали, видно было, что сталинизм действительно стал образом жизни.

Уже заканчивая эту книгу, я устремился к совершенно другой теме. Вместо того чтобы продолжать сотрудничать с более старшим русским историком, я решил поработать самостоятельно. Вместо того чтобы заниматься множеством мест по всей стране, я сосредоточился только на одном; вместо целого десятилетия — на паре месяцев; вместо сложностей и противоречий построения социализма — стройплощадка для рытья канала. Внезапно я вернулся к трудовой истории, но с другим нюансом. «Роман о советском рабочем», как я позже его охарактеризовал, для меня закончился, но зародился другой роман — с советским Востоком. Вдохновили на то фотографии, сделанные Максом Пенсоном (1893–1959) в 1939 году на строительстве Большого Ферганского канала, которые я впервые увидел на выставке в Нью-Йорке²⁶.

²⁶ Пенсон, еврей родом из Беларуси, чья семья переехала в Коканд во время Первой мировой войны, был одним из ведущих фотожурналистов 1920–30-х годов. Его работы оставались неизвестными за пределами Советского Союза

Панорамные фото тысяч узбекских крестьян с мотыгами (кетменями) в руках под палящим летним солнцем напоминали времена египетских фараонов. Советская пропаганда писала о «всенародной стройке» 270-километрового оросительного канала.

Отведя воды реки Сырдарьи, канал обеспечит «хлопковую независимость» для всего Советского Союза и заодно приведет к катастрофическому высыханию Аральского моря. Из чистого любопытства я попробовал выяснить, как возник этот проект, как советское государство организовало трудящихся на рытье канала и похоже ли это было на начинания колонизаторов в других частях света. Я узнал также, что строительство вдохновило великого советского режиссера Сергея Эйзенштейна на создание полнометражного художественного фильма (который должен был называться «Ферганский канал»). Эйзенштейн предполагал использовать в фильме реальные кадры строительства канала и в кульминации — картину воды, стекающей в прорытый канал. Что стало с этим фильмом?

Сентябрь 1998 года я провел в Москве за чтением нескольких советских диссертаций в Химках, больше не закрытых для иностранцев. Я работал в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), читал материалы по предыдущим ирригационным проектам (ф. 2276) и документы Комиссариата сельского хозяйства (ф. 7486) по Ферганскому каналу. Наслаждением было погружаться в личные записи Эйзенштейна и смотреть фильмы и фотографии в архиве в Красногорске под Москвой²⁷. В октябре я писал специалисту по Эйзенштейну Джоан Нойбергер: «Я тоже поме-

до 1990-х годов, когда его потомки, все еще жившие в Ташкенте, начали их публиковать [Kinzer 1998]. С 2004 по 2015 год в нью-йоркской галерее «Nailya Alexander» прошли четыре выставки, где заметно выделялись работы Пенсона [Penson].

²⁷ Бумаги Эйзенштейна хранятся в фонде 1923 РГАЛИ (Российского государственного архива литературы и искусства). В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) я посмотрел кинохронику (из «Союзкиножурнала»), два документальных фильма («Народная инициатива», реж. М. Каюмов, и «Мощный поток», реж. Л. Варламов и Б. Небылицкий), несмонтированные материалы и сотни фотографий.

шался на Эйзенштейне». Но увлечение Эйзенштейна советским Востоком имело свои пределы. Отсняв материал на канале, он отказался от проекта, поскольку ограниченное финансирование не позволяло воплотить в жизнь его грандиозные планы. Я вернулся в Ист-Лансинг, не утратив энтузиазма, и решил обратиться в IREX за помощью для исследований в Узбекистане. Позже, когда я выступал в Гарварде на семинаре по истории России, мне повезло познакомиться с аспиранткой из Узбекистана. У нее оказался адрес электронной почты дочери Рахимы Аминовой, автора диссертации, которую я читал в Москве. Аминова, первая узбечка — доктор исторических наук, в 1953 году защитила диссертацию на тему «Великое народное движение в ирригационном строительстве в Узбекистане (1939–1940 годы)». В своем письме Диноре Азимовой, дочери Аминовой, я упомянул о своем намерении продолжить исследования в Ташкенте, «но прежде всего хотелось бы узнать, можно ли встретиться с вашей матерью», — написал я.

В марте 1999 года IREX сообщил мне, что готов профинансировать мою работу в Узбекистане. В разгар переписки вокруг получения визы, поиска жилья и других дел от Диноры пришел ответ. В качестве «заведующей кафедрой международных отношений Университета мировой экономики и дипломатии» она заверяла: «все члены нашей семьи будут рады встретиться с вами», в том числе ее мать. Динора оказалась очень гостеприимной. Она угостила меня роскошным ужином в просторной квартире ее семьи, в котором приняли участие два других гостя: американка из Университета Нотр-Дам в Индиане и джентльмен из Индии, который был знаком с моим оксфордским другом Мадхаваном из Дели. К сожалению, речь матери Диноры Рахимы, которую я впоследствии встретил в их загородном доме, страдала от прогрессирующей болезни Паркинсона, так что ее слова расшифровывали две ее дочери, что затрудняло беседу²⁸. Я также поговорил со

²⁸ О Рахиме я написал короткий некролог, который был опубликован на русском в «Uzbekiston Tarihi» («История Узбекистана») в мае 2004 года [Siegelbaum 2004a].

свеком Диноры, который поделился своими воспоминаниями о том, как он, тогда четырнадцатилетний комсомольский активист из Коканда, видел строительство канала.

Архивная работа в Ташкенте и Фергане прошла хорошо. В Ташкенте я прочел материалы из узбекских государственных архивов (ф. 2702), в которых документирован ход строительства канала, а в Фергане меня привлекли бумаги (ф. 546) главного гидролога Клавдия Синявского. Тем не менее всего за несколько недель я не мог сделать много. Как я написал IREX в своем отчете: «Стоя у канала, я внезапно понял, что, если бы я собирался разыскать людей, которые работали в этом строительстве, было бы весьма неплохо порасспрашивать в кишлаках вдоль канала», но я понял, что «это потребует дополнительной подготовки и помощи». «Таким образом, — добавил я, — вероятно, мне потребуется еще одна исследовательская поездка, возможно, будущей весной или летом».

Этого не случилось. Подготовив документы для доклада о «Ферганском канале» Эйзенштейна на конференции AAASS в Денвере в ноябре 2000 года, я заархивировал собранные материалы и едва ли потом думал о них. Почему? Может, меня расстроила реакция редакторов нового журнала «Kritika», которые после того, как я отправил им исправленный вариант статьи, потребовали переделать ее снова? Почему я так легко расстроился? Самое подходящее объяснение — то, что в 2000 году я стал завкафедрой исторического факультета УШМ, и обязанностей оказалось гораздо больше, чем предполагалось. Объяснение удобное, но явно недостаточное. Думаю, что случилось так, что, сменив область трудовой истории на более широкую социальную историю через культурный поворот, я ощутил свою неспособность снова меняться. То, что такая перемена произошла всего через несколько лет, могло бы противоречить этому объяснению, за исключением того, что встает вопрос, каким историком я отказался стать.

Первоначальная идея заключалась в том, чтобы понять, что побудило этих узбекских крестьян работать под жарким солнцем в течение напряженных полутора месяцев; теперь же она казалась наивной и недостижимой. Меня также волновало то, что придет-

ся заниматься экзотическим востоковедением, а не зная местный язык, я бы оказался просто самозванцем. Альтернативный подход к теме, фактически даже оформленный в виде заявки, я назвал «Сооружение Большого Ферганского канала». Такой подход был бы в равной степени метаисторическим и историческим; в нем внимание было бы сосредоточено на том, как три человека «построили» канал: Эйзенштейн, его коллега сценарист Петр Павленко и Рахима Аминова. Это превратило бы меня в культуролога, а тогда, на рубеже тысячелетия, я знал, что не хочу им становиться. Если кто-то в будущем заинтересуется тем, чтобы что-то сделать с этим материалом, я буду рад помочь.

Если бы начать все с начала... Так горько жалуются те, чьи надежды не оправдались. Да, признаюсь в обманутых надеждах. Когда я это пишу, я только что закончил редактировать книгу (с гораздо более молодым ученым-экспертом в этой области) о евразийских пограничных областях Российской империи и Советской России [Goff 2019]. Это поле, которое я мог вспахать два десятилетия назад. Почему бы мне не рассматривать инженера Синявского, русского, отправленного из Москвы для преобразования узбекского ландшафта, как колонизатора? Возможно, моя неспособность заняться постколониальными исследованиями означала мое консервативное нежелание рассматривать Советский Союз в этом свете²⁹. Теперь, когда я признал, что Советский Союз обладал признаками империи, слишком сложной кажется перспектива возвращения в Фергану, чтобы снова тщательно проанализировать бумаги Синявского.

²⁹ Наиболее четко сформулированное опровержение подобных мыслей см. [Khalid 2006; Khalid 2015].

Глава 6

Центры и периферии

Когда мы говорим о сроке жизни книг, мы обычно не учитываем, как долго они остаются живыми для своих авторов. Несомненно, у разных авторов это складывается по-разному, в зависимости от периода жизни, когда книги были написаны, от того, как их книги были приняты читателями, и от других факторов. Как уже упоминалось, с книгой «Советское государство и общество» мы расстались сразу же после ее публикации и не общались до тех пор, пока почти двадцать лет спустя, как блудный сын, этот том внезапно не вернулся и я вновь не увлекся им. С книгой о стахановском движении все было иначе. Зимой 1990 года Фрэнк Смит, редактор издательства Кембриджского университета, с которым я сотрудничал, сообщил мне, что они решили выпустить книгу в мягкой обложке. Мы обсудили детали, он согласился с новым предисловием, в котором я должен был связать содержание книги с событиями, происшедшими после первого ее выхода в твердом переплете в 1988 году. Предисловие я написал и отправил исключительно быстро.

За несколько месяцев до того я вернулся из Донецка, главного города Донбасса, где пробыл три недели среди шахтеров и их семей как член съемочной группы по проекту об устной истории. По счастливой случайности, мы приехали сразу после того, как почти 400 тысяч шахтеров по всей стране приостановили забастовку против Министерства угольной промышленности, чтобы дать правительству время для удовлетворения их многочисленных требований. С 1920-х в Советском Союзе это была первая забастовка, длящаяся более нескольких дней. Были созданы забастовочные комитеты, на базе которых возникли рабочие комитеты, переизбраны советы трудовых коллективов, и у шахтеров появи-

лось реальное чувство собственных прав и возможностей. «Перестройка снизу» — так я описал эти события в предисловии, и так же назван часовой документальный фильм, в съемках которого я участвовал.

Впервые за полвека, — писал я, — к шахтерам приковано внимание и в стране, и за рубежом. Сегодня, в отличие от прошлых лет, они на слуху не благодаря трудовым подвигам с их неуклюжими героями, которые только затрудняли жизнь остальным. Прибегнув к стачке, советские шахтеры продолжают старые традиции, когда рабочие осмеливались выражать свои чаяния через коллективные формы самоорганизации и протеста.

Старая песня, но на этот раз в ней звучит не горе, а надежда. Посвятив книгу о стахановцах Сэми и Сасу, новое издание я решил посвятить шахтерам Донбасса. Только вот когда я получил по почте свой экземпляр, я обнаружил отсутствие предисловия. Извиняясь, мой редактор признался, что просто забыл его добавить. Кто сейчас помнит шахтерские забастовки 1989 года — начала 1990-х? У кого в наши дни Донбасс ассоциируется с шахтерскими династиями? Несколько лет после обретения Украиной независимости «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон пост», Би-би-си и другие западные СМИ не освещали события в регионе... до 2014 года, когда они начали писать о Донецкой и Луганской народных республиках и о «зеленых человечках», отправленных им на помощь из путинской России. Национальность продается лучше, чем классовая принадлежность. В конце 1980-х — начале 1990-х национальность в моих глазах мало что значила, потому что класс для меня был всем.

Книга о шахтерах зародилась в тот момент, когда Билл Чейз спросил, могу ли я, как опытный специалист по России, подменить его на проекте, начатом Ларри Эвансом (1947–2014). Ларри когда-то был сталелитейщиком и основал в Питтсбурге альтернативный ежеквартальный журнал, «The Mill Hunk Herald»¹. Закончив этот

¹ Короткие воспоминания Ларри о том, как он руководил журналом, см. [Evans 2010]. Ларри скончался в 2014 году в возрасте 54 лет.

проект, в неустанных поисках чего-то нового Ларри решил воспользоваться тем, что Питтсбург был городом-побратимом Донецка, и запустил видеопроект на основе бесед со сталелитейщиками в обоих городах. К тому времени, как я включился в процесс, Ларри уже нанял других членов команды, которые тем летом должны были провести три недели в Донецке. Среди них было пять-шесть студентов Ратгерского университета, изучающих трудовые отношения, Рут Нидлман, историк труда из Индианского университета (Северо-Западного), (Гэри), израильский профессор Теодор Фридгут, с которыми мы поделили обязанности по проведению интервью и изучению забастовки и ее прямых последствий, и Дэнни Валковиц². У Дэнни, американского историка труда и урбанистики из Нью-Йоркского университета, имелся собственный опыт в кино, которым он воспользовался, чтобы радикально изменить проект Ларри³.

Не успел стартовать видеопроект «Питтсбург — Донецк: устная история», как шахтеры в Донецке и других частях Донбасса присоединились к общесоюзной забастовке против Министерства угольной промышленности. Она продолжалась с 18 июля до нашего приезда в Донецк 30-го. Спасибо нашему гиду Славе, бывшему комсомольскому активисту: мы имели полную свободу действий на Куйбышевской шахте, одной из 21 шахты в черте города Донецка. Мы надевали каски и комбинезоны и спустились в шахту, ели и пили с рабочими в шахтерской столовой и у них в гостях, играли с ними в футбол, посещали собрания и проводили интервью. Первое интервью, которое я провел 3 августа, было с Иваном Москаленко, пенсионером 62 лет, который переехал в Донецк из Запорожья в 1947 году. Интервью мы снимали в саду возле его беленного известью дома; «в замечательном саду — писал я в своих заметках, — с пионами, гладиолусами, хризантемами,

² Тед как раз закончил двухтомник по истории Юзовки — так раньше назывался Донецк [Friedgut 1989]. Наша совместная работа появилась в виде статьи [Friedgut 1990].

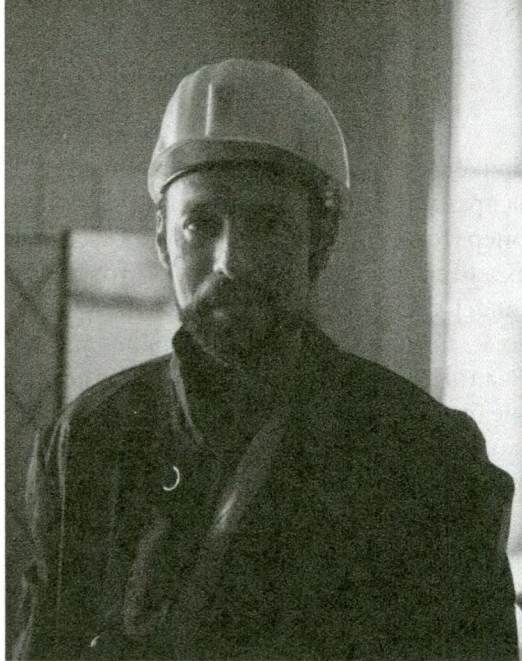
³ В 1980 году Валковиц снял фильм «Литейщики Трои» (The Molders of Troy), киноверсию своей книги о стачках в сталелитейной и хлопковой промышленности Трои и Кохоса [Walkowitz 1978].

яблоками, грушами, абрикосами, пчелами и великолепными помидорами». И вот, «под ярким палящим солнцем, под взглядами четырех техников и операторов, директора проекта (Дэнни), переводчицы и местных жителей, которые пришли на это посмотреть», интервью продлилось час, в три приема по двадцать минут. «Это было утомительно, — писал я, — и я очень нервничал».

Почему я так нервничал? Потому что ни у кого раньше не брал интервью, потому что не был уверен в том, что делаю именно то, что говорит Москаленко, потому что боялся, что он по моим вопросам поймет, как я некомпетентен, как неудачно я формулирую вопросы, но также и потому, что я впервые увидел настоящего живого советского рабочего. Но я писал и о том, что чувствовал «восторг». Это слово появляется в моем рабочем дневнике вместе с другими отрывочными, корявыми записями «мыслей»:

Все это так неожиданно и невероятно; жаль, что это не может длиться вечно. Этот город и его жители — очень советские, но и очень восточнославянские, их сельская жизнь, а особенно шахтеры, которые живут в поселках около шахт, копаются в огородах прямо у отвалов, очень непривычные и, по-моему, замечательные люди.

Через два дня я с несколькими членами нашей команды сидел на балконе большого актового зала, где собрались на конференцию трудового коллектива почти две сотни рабочих и ИТР с Куйбышевской и Панфиловской шахт. Часовой документальный фильм Дэнни Волковица «Перестройка снизу» (*Perestroika from Below*) [Perestroika 1990] завершается двадцатиминутным фрагментом этой конференции. Кульминацией конференции стало голосование за лишение звания «почетного шахтера Украины» председателя профкома Виктора Ефимова после того, как несколько шахтеров с гневом рассказывали о его грубом и жестоком к ним отношении. В моих заметках есть несколько наблюдений, не отраженных в фильме. Я обратил внимание, что в президиуме больше не было ни директора шахты, ни партийного начальства: они сидели в зале в первых двух рядах. Члены забастовочного комитета, в том числе несколько наших друзей-футболистов, те-



«Мы надевали каски
и комбинезоны
и спускались
в шахту», 1989 год

перь сидели на сцене, так что было очевидно, насколько изменилось положение дел. Голосование проходило в закрытом режиме; это более долгий процесс, нежели простое поднятие рук, но зато исключалась возможность мести со стороны администрации.

Митинг длился почти весь рабочий день, ораторы один за другим поднимались на трибуну, чтобы осудить Ефимова, а люди из зала спрашивали его, почему автомобили распределяются только среди руководства, почему его не было на месте при распределении холодильников, почему люди, не работающие в шахте, получают путевки в черноморские пансионаты, кто решает, кому дать квартиры.

Они также требовали отменить отдельные душевые для инженеров и рабочих и не считать прогулами дни, проведенные на больничных. «Мы должны, — говорили они, — выбирать своих собственных представителей, а не голосовать за назначенных сверху; соцсоревнование должно организовываться самими рабочими». Стенограмма части этого митинга приведена в [Siegelbaum 1995b: 99–105]. Перефразируя лозунг, с которым я выходил на митинги в США: «Вот она, советская демократия». Должен сказать, что последнее требование — чтобы сами рабочие организовывали



Геннадий Куш и Валерий Самофалов с другими членами стачечного комитета, 1989 год

соцсоревнование — заставляет меня скучать по тем временам. То же можно сказать и о заметках в моей записной книжке, с именами шахтеров, иногда записанными ими собственноручно, иногда мной. Их мы рассматривали в качестве кандидатов на интервью, но теперь от них остались только имена на бумаге. Остались и фотографии: я, сорокалетний историк, одетый в шахтерскую робу; тихая улочка, на одной стороне — высокие тополя, на другой — одинокая «Лада», припаркованная перед старым двухэтажным домом, и прислонившийся к ней типичный советский человек с сигаретой; поющие кришнаиты в оранжевых сари и сандалиях идут мимо памятника Ленину по улице Артема, главной улице Донецка; шесть членов стачечного комитета шахты им. Куйбышева сидят в разных позах на длинной скамье. Среди них я легко узнаю Геннадия Куша с колоритными усами, с которыми он похож на Леха Валенсу, и Валерия Самофалова, белокурого и по-мужски красивого. С обоими мы снимали длинные интервью, часто у них гостили. Оба были крепкими парнями, лет за сорок, и, что не редкость среди шахтеров, уже обзавелись внуками.

Мы воспользовались возможностью и кроме куйбышевских шахтеров и членов их семей побеседовали со стариками-пенсио-

нерами, чьи рассказы сейчас, когда я заинтересовался историей миграции, представляются еще более увлекательными, чем в 1989 году: Нарсис Меликян, сын армян, бежавших от геноцида, который провел военные годы в Горьком (Нижем Новгороде) и на Московском фронте, прежде чем вернулся в Сталино (как назывался Донецк до 1961 года) и стал горным инженером; Татьяна Никифоровна Артемова, родившаяся в 1913 году в Курской области, приехала в Сталино в 1932 году для работы в шахте; Марфа Ивановна Лимонец, 1915 года рождения, пятнадцатилетней пошла работать в шахту ламповой, пока ее работу не прервала война, когда она попала в оккупации «в руки итальянцев». С этими двумя собеседницами мы разговаривали на скамейке у их домов. На интервью они принесли яблоки («наши особые украинские яблочки») и поблагодарили за то время и внимание, которые мы им уделили.

Во время этой поездки я побывал на Донецком металлургическом заводе (ДМЗ) с его дымящимися трубами, чтобы взять интервью у сталелитейщиков, проводил время в художественных и исторических музеях в поисках того, что осталось от стахановского движения, отправлялся на усыпанный галькой пляж на Азовском море, пообщался с несколькими советскими евреями, говорившими на «ясном, прекрасном русском языке», играл в теннис с мужем переводчицы Дэнни, время от времени урывал несколько часов для работы в местных архивах, и в «самый жаркий день лета, когда густая дымка нависала над городом Донецком <...>, сидел с Юрием Болдыревым на скамейке в парке в тени акаций». Я цитирую здесь свой первый экскурс в журналистику, статью «За фасадом забастовки шахтеров», которую я написал для еженедельника «The Nation» [Siegelbaum 1989a]. Болдырев, яркая личность, был умен и знал это. Он окончил физический факультет Донецкого университета, но ушел в шахтеры, не в последнюю очередь из-за высокой зарплаты. Когда я встретил его, он возглавлял забастовочный комитет на шахте им. Горького, одной из крупнейших и наиболее мощных шахт Донецка. В нем воплотились все сильные и слабые стороны забастовочного движения, нового явления на советской политической сцене. Это была не последняя наша встреча.

Среди тех из нас, кто приезжал в Донецк летом 1989 только Дэнни и я вернулись туда во второй, а потом и в третий раз. В мае 1991 года мы приехали, чтобы показать шахтерам, нашим друзьям и коллегам с Дока-ТВ, которые щедро снабжали нас фрагментами кинохроники 1930-х годов, фильм «Перестройка снизу». Не знаю, как наши зрители оценили увиденное, поняли ли они закадровые комментарии на английском языке.

В Донбассе ситуация еще более усложнялась. Шахтеры провели общие выборы директора, но забастовочная лихорадка не стихала. Валерий, помощник Геннадия в Совете трудового коллектива (СТК) шахты, уже устал снова и снова выдвигать требования и мобилизовывать товарищей. По его словам:

Что меня удивляет, так это то, что мы уже через это все проходили. В 1917 году нам сказали: «Давайте избавимся от богатых, раздадим все бедным и заживем хорошо». История нас ничему не научила. Теперь слышим: «Давайте все отнимем у компартии», тогда дальше что, «Давайте откроем новый ГУЛАГ, теперь для коммунистов»? [Siegelbaum 1995b: 108].

Напряженные отношения сложились и между СТК Куйбышевской шахты и городским стачечным комитетом, у членов которого мы также брали интервью.

Еще будучи в Москве, перед вылетом в Донецк, я связался с Межрегиональным координационным советом стачечных шахтерских комитетов, который был создан для координации действий шахтеров тогда еще советской Украины, Кузбасса и Воркуты. Когда я вошел в штаб-квартиру совета, находившуюся «в гостинице “Россия”, буквально в двух шагах от Красной площади», ничего не было видно из-за сизого дыма: курили много, а комната практически не проветривалась [Siegelbaum 1991]. Но мне удалось разглядеть Юрия Болдырева среди делегатов. Говоря быстрее, чем я понимал, Болдырев сказал, что шахтерам не видать улучшений, пока Горбачев не уйдет в отставку и не пройдут новые выборы. Я поинтересовался, кто, по мнению шахтеров, может выполнить их требования. За три месяца до августовского путча Ю. Болдырев и его товарищи говорили мне об огромной пропасти

между горбачевским вариантом политической либерализации и экономической реформы (т. н. перестройки) и пожеланиями самих шахтеров. Исчезло то доверие, которое раньше, во время нашего первого приезда в Донецк в 1989 году, они питали к Горбачеву.

Мы вернулись в Донецк в июне 1992 после года отсутствия, на этот раз в сопровождении московского социолога Евгения Романовского и политолога из Оберлинского колледжа Стивена Кроули, который в своем исследовательском проекте собирался провести сравнительный анализ политической активности шахтеров и металлургов Донецка и Кемеровской области в Сибири [Crowley 1997]. Много изменилось после нашего последнего визита. Украина стала независимым государством, и многим из тех, кого мы знали, было трудно приспособиться к новой реальности. В книге «Говорят рабочие Донбасса» мы задокументировали опасения шахтеров по поводу принудительной украинизации, их намерения провести новую забастовку, чтобы оказать давление на киевские власти, с тем чтобы они осуществили федерализацию государства и выделили дополнительное финансирование для повышения заработной платы. Председатель Донецкого стачечного комитета Юрий Макаров сказал нам: «Что стало хуже? Все. Единственное изменение — что центр переместился из Москвы в Киев» [Siegelbaum 1995b: 71–72, 143, 172]. Я уже цитировал Татьяну Самофалову, жену Валерия, которая говорила, что лично для нее значила украинская независимость. Снова здесь приведу ее трогательные слова, поскольку большая часть Донбасса опять не согласна с тем, что Украина поворачивается к Западу, а она — сторонница иных ориентиров:

Я родилась в Украине и прожила здесь всю жизнь. Мой отец, мой свекор, мои бабушка и дедушка похоронены здесь... Мои родные, тетя, двоюродная сестра живут в России, и теперь поехать к ним стало проблемой. Мы не можем часто встречаться, и письма не доходят. Почему я должна желать такой независимости? От чего я независима? От моих родственников? Я не хочу такой независимости [Siegelbaum 1995b: 197].

В статье «АФТ-КПП идет в Украину» мы с Дэнни Волковицом попытались разоблачить силовое давление со стороны Института свободных профсоюзов (ИСП) АФТ-КПП на Донецкий стачечный комитет с целью заставить его более соответствовать их пониманию «расширения демократии» [Siegelbaum 1992d]. Одно из свидетельств такого давления — предложение исключить Юрия Болдырева из стачечного комитета и вернуть ранее предоставленное типографское оборудование. В качестве объекта критики мы выбрали Адриана Каратницкого, американца украинского происхождения, представителя ИСП в Украине. Ярый сторонник украинской националистической организации «Рух» с самого момента ее основания в 1989 году, Каратницкий стал главой «Freedom House», где «он разрабатывал программы помощи демократическим и правозащитным движениям в Беларуси, Сербии, России и Украине», а затем работал в Евразийском центре Атлантического совета [Karatnycky].

Пусть недолгое, но это знакомство с реальными рабочими, делающими политику на местах, было волнующим. В числе прочего, я чувствовал, что встал на ту же тропу войны, что и отец в конце 1940-х — начале 1950-х. Ему и его товарищам по профсоюзу учителей противостояли мощные силы: антикоммунисты как либерального (или, как он никогда не уставал повторять, социал-демократического), так и консервативного толка. Болдырева и других шахтеров, которых мы пытались защитить, вряд ли можно обвинить в принадлежности к коммунистам, но в своей враждебности к сладким речам националистов и к демократии в версии ИСП АФТ-КПП они столкнулись с таким же осуждением. Кроме того, Лейн Киркланд, который стоял во главе ИСП с 1979 по 1995 год, несмотря на неоднократные выступления в 1970-х годах против стареющего, приспособленческого руководства АФТ-КПП во главе с Джорджем Мини, оказался достойным его преемником. Об этих припетиях и их последствиях см. [Cowie 2010]:

Что еще могли поделать американские рабочие перед лицом проигранных войн, ржавых фабрик, ослабевших профсоюзов и истощенных родных городов? Один из ответов состоял в том,

чтобы принять переосмысленный дискурс «новых правых» о том, что значит родиться в США: популистский национализм, защита семейных ценностей и традиционной морали [Cowie 2010: 364]⁴.

У нас тоже были разногласия с Болдыревым и другими местными активистами. Мы понимали, как корпорации, особенно в энергетическом секторе, манипулируют рыночными механизмами, и мы смотрели на вещи с гораздо меньшим оптимизмом, чем наши донецкие друзья, для которых рынок обладал магической аурой. Когда мы в мае 1991 года брали интервью у Макарова и других руководителей донецкого стачечного комитета, мы спрашивали, как они относятся к переходу угольной промышленности к рыночным отношениям. «Положительно. Наше отношение положительное», — ответил один из них [Siegelbaum 1995b: 120]. Это и неудивительно; как я позже писал в своем анализе «сложного положения шахтеров в Советском Союзе и бывших советских республиках», «цена угля административно устанавливалась в размере, который не имел никакого отношения ни к спросу, ни к издержкам производства». В рамках советской политики предоставления дешевой энергии своим предприятиям система «плановых потерь» означала, что шахтеры зависели от субсидий («подачек») от Министерства угольной промышленности, и эту зависимость, горькую и обидную, они характеризовали как «феодализм министерства» [Siegelbaum 1997a: 5]. Поэтому такими важными им представлялись требования разрешить предприятиям горнодобывающей промышленности продавать свою продукцию «по мировым ценам» и позволить шахтам сохранять у себя большую часть их доходов (или, как говорил Валерий Самофалов в мае 1991 года, «Шахты, все шахты, не должны спрашивать у Союза или республик разрешения, чтобы поднять цены

⁴ Веб-сайт АФТ-КПП характеризует «величайшее наследие» Киркланда как «глобальное», отмечая его «раннюю и страстную поддержку польского рабочего движения “Солидарность”», которая «оказалась ключевой в обеспечении окончательного краха советских режимов на всей территории Восточной Европы» [Kirkland].

на уголь. Они должны сами это решать» [Siegelbaum 1995b: 114–115]). Для них ценность их продукции была самоочевидной и поэтому должна была стать их наградой. Как сказал один активист Стивену Кроули: «Рынок таков: я зарабатываю сам, покупаю сам, продавая свою рабочую силу» [Crowley 1997: 136]⁵.

Не думаю, что кто-нибудь, и особенно сами шахтеры, задумывался о том, что сейчас кажется само собой разумеющимся, — об экологии. Ветряные и солнечные электростанции, другие альтернативные источники энергии уже тогда бросили вызов гегемонии угля в Западной Европе и Северной Америке, и защитники окружающей среды в этих частях света вынудили руководителей угольных компаний мириться с этим. Но в Советском Союзе и бывших советских республиках у экологов было много других проблем: безопасность атомных электростанций после аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года, предотвращение высыхания Аральского моря, сокращение среды обитания для дикой природы и борьба с таким одиозным проектом, как поворот вспять течения северных рек. Таким образом, уголь оставался хозяином положения, тогда как те, чьи средства к существованию зависели от угля, подливали масло в огонь политической нестабильности.

В 90-е положение шахтеров существенно не изменилось: в основном оно постоянно ухудшалось. На замену отсутствия мыла — одного из самых неприятных последствий перестройки — после распада Советского Союза пришли постоянные задержки зарплаты. Задолженность по заработной плате отражала тупиковую ситуацию в отношениях между коллективной силой рабочих, которые могли добиваться выплат через забастовки и угрозы срыва работ, с одной стороны, и глобальными консультативными органами типа МВФ, стремящимися привнести какую-то финансовую дисциплину в новые бюджеты постсоветских республик, — с другой. Никто не в силах был точно сказать, когда и как этот тупик будет преодолен. Когда я заканчивал «Свободу

⁵ См. также интервью с Михаилом Крыловым [Siegelbaum 1995b: 149]: «Мы хотим, чтобы каждый был хозяином плодов своего труда».

цен и цену свободы», передо мной стоял «призрак Железной Леди, [нависший] над “бесящейся с жиру” горнодобывающей отраслью, шахтерским движением и самими шахтерами» [Siegelbaum 1997a]⁶.

В последующие годы я время от времени писал о шахтерах Донбасса. В 2004 году я, с учетом прошедших 10 лет, уточнил и дополнил тему, к которой обращался ранее [Siegelbaum 2004c]. Еще десять лет спустя война на востоке Украины между украинскими правительственными войсками и силами ДНР (при негласной их поддержке российской армии) вновь заставила с пессимизмом размышлять о национализме и его жертвах. Припомнив «сложную ситуацию с близкими» Татьяны Самофаловой, я спрашивал: «Сможет ли та Украина, которая сформируется в этой войне, преодолеть терпимость к национализму?»

Недавно я попытался заново связаться с мужем Татьяны, Валерием. «Пишу это письмо, — написал я по-русски, — практически не надеясь, что вы его получите. Тем не менее пишу, потому что должен. Вы мне писали 9 февраля 1993 года. Не знаю, почему тогда не ответил, и теперь прошу у вас прощения»⁷. Сейчас нашел среди своих бумаг письмо Валерия, где он пишет, что жизнь становится хуже, надеется, что если не дети, то его внуки смогут стать свидетелями «триумфа демократии над тоталитаризмом». В конверт вложены две фотографии, где я в его квартире. Валерий пишет, что когда его маленький внук их видит, то кричит: «Люся! Люся!» Внуку Валерия теперь почти 25, его уже, наверное, в армию призвали.

Этот свой отчет о пребывании в Донецке, о том, что было написано по итогам поездок туда, я хочу завершить так. В ноябре 1992 года, через несколько недель после выхода моей статьи

⁶ Железная Леди — Маргарет Тэтчер. Этому прозвищу она обязана своей конфронтацией с бастующими британскими шахтерами в 1984–1985 годах. Определение «бесящаяся с жиру» использовано газетой «Нью-Йорк Таймс» 29 февраля 1996 года.

⁷ Я был прав. Через два месяца письмо вернулось обратно с почтовой пометкой: «Неудачная попытка вручения, адресат отсутствует, новый адрес не указан».

в «The Nation» об АФТ-КПП, о вмешательстве Адриана Каратницкого в дела стачечного комитета, на ежегодной конференции АААСС я встретил американского профессора, украинца по происхождению, которого немного знал. Обычно при встречах мы обменивались любезностями. На этот раз, когда мы вышли из лифта, он повернулся ко мне и с легкой улыбкой задал риторический вопрос: «А кто вы такие, Сигельбаум и Валковиц, чтобы защищать украинцев от Каратницкого?» Возможно, это был единственный случай в моей жизни, когда я почувствовал нахлынувший холод антисемитизма. Как бы то ни было, я дорожу тем опытом, который приобрел в Украине. Пребывание в Донбассе изменило меня в лучшую сторону, не только как историка, но и как человека.

Сейчас кажется невероятным, что помимо поездки в Донецк мне удалось сослужить службу Мемориальному музею Холокоста, но именно так и случилось. В начале января 1990 года мы с Раулем Гильбергом десять дней занимались в Минске и Харькове поисками архивов, связанных с Холокостом. В памятке, полученной перед поездкой, наша цель значилась как «сбор информации о записях в советских архивах по районам, оккупированным нацистами, для создания эффективной программы по микрофильмированию наиболее важных из них». Хотя музей утверждал, что его «в основном интересуют немецкие документы, попавшие в руки советских войск», ценна была информация и о советских документах, в частности документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [Guidelines 1990]. Приглашение от музея было для меня неожиданным. В свои сорок один я был значительно моложе других консультантов, никогда не работал с темами, связанным с Холокостом, мой опыт работы в советских архивах был весьма ограниченным. Возможно, тогда, за три года открытия, музей рассматривал и другие кандидатуры, прежде чем остановиться на мне. Хильберг, хотя он и был известным специалистом по Холокосту, никогда не был в Советском Союзе и не знал русского языка. Поэтому я выступал в качестве переводчика всякий раз, когда мы сталкивались с кем-то, не

владевшим английским (или немецким, его родным языком) [Hilberg 1961]. Хильберг был единственным экспертом, который появился в фильме Клода Ланцмана «Шоа», выпущенном студией «New Yorker Films» в 1985 году. Несмотря на пропасть, разделяющую нас и по возрасту, и по жизненному опыту, мы с ним отлично ладили.

В Минске Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР БССР) располагался в том же здании, что и областной архив, одном из немногих сохранившихся с довоенных времен в центральной части города. Однажды утром среди бумаг нацистского Generalkommissar für Weissruthenia (генерального комиссара по делам Белоруссии) Вильгельма Куббе я наткнулся на фотографию, где он стоит на балконе над внутренним двориком, откуда был сделан снимок. Через некоторое время мы прервались на обед, и я вышел из здания в тот же самый внутренний двор. Балкон был прямо у меня перед глазами. Кейт Браун в своей блестящей книге писала о «еще не забытых местах», о том, что «часто места, на первый взгляд богатые смыслами, не обладают достаточной силой, чтобы рассказать историю и передать нам ее значение». Вот почему, добавляет она, «место часто разочаровывает» [Brown 2015: 5]. Пожалуй, так и есть, но в моем случае все произошло наоборот: случайно увидеть фотографию, сидя в том же здании, где располагался новый нацистский правитель Минска, а затем оказаться в том же дворе, на который он внимательно смотрел, — это как услышать рассказ места и осознать, что происходило в этом городе между началом войны и освобождением летом 1944 года.

Мы с Ральфом сообщали, что работники ЦГАОР БССР практически нам не помогали. Например, нам не позволяли пользоваться архивно-справочным аппаратом — как будто машина времени закинула нас назад, в Москву 1973 года. Тем не менее я ухитрился несколько часов проработать с фондом 861 («Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков») за 1944–1949 годы и сделать ряд лаконичных записей, например:

Оп. 1, ед. хр. 12, л. 25: КАЛИНКОВИЧИ (15 декабря 1944 г.): Евреи в городе собраны, отвезены на грузовиках на 1,5 км (сев.-восток) и там расстреляны. Задействованы — ПЕРЕЧИСЛЯЮТСЯ — 3 «полицая», 12 грузовиков, 50–60 чел.

Оп. 1, ед. хр. 12, л. 93: КОПАТКЕВИЧИ (1948–1949): Ссылка на записи от августа 1941 г., карательная экспедиция в дер. Секери-чи Колковского сельсовета, задержано 4 чел, расстреляны, «только потому, что они евреи»; декабрь 1941 г., 8 в дер. Птич + 25 расстр.; март 1942 г., 12 чел. в дер. Копаткевичи сожжены заживо на кладбище.

Оп. 1, ед. хр. 12, л. 162: АКТ (17 декабря 1944 г.) — перепись еврейского населения, август 1941 г.; привлечены к самым грязным работам; имущество конфисковано, 96 евреев расстреляны.

Наталья (работница архива) говорит, в отделе «Киноархив» имеются документальные съемки гетто: 222720 Дзержинск, Минск. обл., ул. Мопровская, 1, дер. Мурмыло, Станислав Иванович.

Чрезвычайная государственная комиссия, которую возглавляли два известных советских еврейских писателя, Василий Гроссман и Илья Эренбург, собирала такого рода свидетельства на всех оккупированных территориях Советского Союза. Нелегкий путь, который прошли выводы комиссии, прежде чем стать достоянием широкой публики, сейчас хорошо известен, но тогда, в 1990 году, мы ничего об этом не знали (см. предисловие Хелен Сигал к [Black Book 2002]). Помню, как Хильберг пренебрежительно отозвался (сказав что-то вроде: «Ну, это же только свидетельские показания»), когда я выразил изумление в связи с ужасающими деталями вроде тех, что процитированы здесь. Не менее удивительно, что после завершения этих заметок я полностью забыл, что когда-либо их делал, пока они снова не попались под руку, когда я готовился писать эти воспоминания.

Рауль больше оценил то, что я нашел в других архивах. В Минском областном архиве (ф. 688, документы Минского городского комиссариата, в основном коллаборационистской городской администрации с 1941 по 1944 год) хранились списки русских и немцев, получавших вещи, расписки за выдачу реквизи-

зированного имущества евреев, пропуска, выданные немцам, размещенным в Минске, поименные списки плательщиков за аренду квартир, списки одежды, изъятой у евреев, и просьбы местных жителей о материальной помощи. В отличие от Центрального государственного архива, там мы пользовались полным доступом к справочному аппарату. В Харькове, где директор проявляла свое расположение к нам, я видел записи об учебных заведениях, находившихся на оккупированной территории (предмет, который по сей день остро нуждается в исследованиях), и администрации города. Среди последних документов (ф. 2982) обнаружилась самая значимая находка: размеченный цветом список жителей по улицам в алфавитном порядке, согласно переписи населения декабря 1941 года, с именами евреев на желтых страницах и именами русских, украинцев, поляков и немцев — на белых. Оккупанты использовали этот список, чтобы собрать евреев города — около 10 тысяч человек — на территории тракторного завода, где подразделения из Einsatzgruppe С начали их казнить⁸.

В своей поездке мы столкнулись с советским порядком, на тот момент быстро распадающимся. В ожидании рейса на Москву в аэропорту Харькова я забрел в комнату отдыха, где вокруг телевизора собралась группа молодых людей. Подойдя ближе, я увидел, как Горбачев на экране упраскивает толпу в Вильнюсе не соглашаться на выход Литвы из СССР. «За пятьдесят лет, — говорил он людям на площади Ленина в Вильнюсе, — мы стали связаны вместе, нравится нам это или нет». Я не мог оценить реакцию толпы в телевизоре, но смешки телезрителей сомнений не оставляли. Затем, узнав, что наш рейс из-за метели отменяется, я вышел на улицу, пытаюсь сообразить, что теперь делать. Ко мне подошла пара парней в кожаных куртках и предложила отвезти

⁸ Подробную информацию об этих фондах, которые сейчас хранятся на микрофильмах в Мемориальном музее Холокоста в США, см. НСА к RG-31.010M [Holocaust Museum]. Общий обзор наших находок в советских архивах, сделанных в ходе этой исследовательской поездки, см. [Friedman 1990]. «Einsatzgruppen» (нем. Группы развергивания) — нацистские военизированные эскадроны смерти; Einsatzgruppe С была придана группе армий «Юг» вермахта.

нас в Москву сквозь снежную бурю. «Разве ехать не слишком опасно?» — спросил я недоверчиво. «Нет проблем», — ответил один из них, прежде чем назвать цену в долларах. Не желая рисковать своей жизнью, я поторопился уйти; в результате цена несколько раз снижалась, а потом они в отчаянии согласились на плату гораздо менее ценными русскими рублями. Так я неожиданно впервые узнал, как люди торгуются. Как бы то ни было, из-за нашей осторожности нам пришлось провести еще одну ночь в Харькове и спать в неуютном месте, именующем себя «мотелем», недалеко от аэропорта. К тому времени, когда мы добрались на следующий день до Москвы, мы пропустили свой рейс домой. Поэтому нам пришлось заселиться в гостиницу, достопочтенный «Националь» на улице Горького. Когда мы дали паспорта женщине за стойкой, она заметила, что срок действия наших виз истек, что, собственно, так и было. При этом Рауль раскричался на нее, обвиняя в бюрократии и прочих неприятных вещах. «Она только выполняет свою работу», — как помню, заметил я, и мгновенно пожалел о выборе слов, которые он, несомненно, слышал раньше в другом контексте.

Хильберг вскоре после того, как мы расстались в нью-йоркском международном аэропорту, написал мне: «Хорошо, что мы были вместе в этой поездке». Он скончался в 2007 году. В 2013 году, спустя почти четверть века после того, как я ездил с ним в Минск и Харьков, чтобы помочь найти в советских архивах материалы для музея Холокоста, я провел исследование совершенно другого плана в библиотеке этого музея. Я узнал от аспиранта Чикагского университета, что музей получил оцифрованные копии советских архивов, включая материалы Совета по эвакуации и его региональных филиалов⁹. Созданный менее чем

⁹ Мемориальный музей Холокоста США, RG-2 2.027M: ГАРФ. Ф. А-327 (Главное переселенческое управление при Совете народных комиссаров РСФСР); RG-2 2.033: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 330 (Городская эвакуационная комиссия Ленинградского городского совета); RG-22.020: Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИАЧР). Ф. 1263 (Управление эвакуации Совета народных комиссаров Чувашской Республики).

через неделю после нападения Германии в июне 1941 года, Совет взял на себя неимоверно сложную задачу по эвакуации стратегических предприятий на восток страны, причем количество их работников исчислялось миллионами. Я не знаю, кто решил, что эти материалы подходят для музейной коллекции; они, конечно, касались не только эвакуированных евреев; но то, что они были оцифрованы и доступны для чтения в библиотеке музея, — это истинное благо.

Трудно преувеличить ту растерянность, которая ощущалась повсеместно в последние советские и первые постсоветские годы. Каждое новое нарушение старого табу — Горбачев, умоляющий литовцев по телевидению, над которым публично смеются, делегаты шахтеров, требующие отставки Горбачева, провозглашение Грузией независимости всего за два месяца до моего приезда из Донецка в 1991 году — все это заставляло приспособиться к новой реальности. Помимо попыток быть в курсе последних событий и включать их в программу обучения, на это накладывалась необходимость и выполнять научную программу, и не пренебрегать семейными обязанностями (в моем случае воспитывать двух сыновей). На фоне столь многих изменений, происходящих одно за другим и с такой скоростью, нельзя было не волноваться, не выдыхаться умственно и эмоционально. Конечно, от всего этого страдали многие из моих коллег в Северной Америке и Европе. А что насчет советских граждан? Насколько хорошо мы понимаем, через что они прошли? Когда ликование по поводу неожиданных и, по крайней мере в их жизни, беспрецедентных возможностей привело к чувству тревоги, незащищенности и дезориентации? Или, для некоторых, по обратной траектории, от тревоги до восторга? Многие так и воспринимали происходящее, хотя я подозреваю, что они составляли крошечное меньшинство; это были печально известные, примитивные, недостойные уважения «новые русские». С ними я тоже мельком сталкивался. Один из этих немногочисленных случаев произошел в 1994 году в «Le Gastronom», невероятно дорогом ресторане, который получил свое название от продовольственного магазина, ранее располагавшегося на первом этаже жилого дома позднесталинской архи-

тектуры на Кудринской площади, у метро «Краснопресненская». Как писала «The Moscow Times», со ссылкой на нового директора ресторана: «Стейки из крокодила, конфи из гуся, закуски в виде суши, дорогие вина — это лишь некоторые из экзотических блюд, которые ресторан предлагает для удовлетворения взыскательных вкусов новых россиян, которые сейчас составляют 65 процентов клиентуры ресторана» [Palchikoff 1997]. Джонатан Сандерс, корреспондент CBS в Москве, которого я знал как аспиранта истфака в Колумбии под руководством Лео Хеймсона, как-то пригласил Дэна Орловского и меня пообедать там за счет своих работодателей. Когда Джонатан попросил меня выбрать вино, я отказался: рядом с каждой бутылкой в меню стояла по крайней мере (!) трехзначная цифра — в долларах.

Российское телевидение, как о том написано в недавно опубликованной книге, и фиксировало, и само способствовало этой дезориентации [Ostrovsky 2015]. Каждый будний вечер, начиная с декабря 1987 года, Александр Невзоров в своей программе «600 секунд» докладывал о количестве убийств за день; действия каждого «киллера» (мгновенно позаимствованное в английском слово) представлялись раз за разом во все более ужасных подробностях. В 1986 году, когда гласность набирала обороты, советская женщина в ленинградской студии могла сказать бостонской аудитории по «телемосту», что «в СССР секса нет», имея в виду, что эта тема не подходит для общественного обсуждения или визуального представления. Быстро промелькнули годы, и секс стал мейнстримом.

На мой вкус, однако, есть книга, которая лучше всего отражает то, что значило быть советским в те последние хаотические годы перед 1991-м, а затем в постсоветские годы. Это «Время секунд хэнд» Светланы Алексиевич [Алексиевич 2014; Alexievich 2016]. Даже в переводе слышны горечь, гнев и (реже) недоумение ее собеседников. «По телевизору передают рекламу: покупайте медные ванны — стоимостью с двухкомнатную квартиру, — рассказывает Светлане женщина сорока девяти лет, бывший третий секретарь райкома партии. — Для кого они, скажите? Позолоченные дверные ручки... Это — свобода?»

Позже она жалуется: «Великий русский язык не узнать: ваучер, валютный коридор... транш МВФ <...>. На иностранном языке разговариваем» [Алексиевич 2014: 130]¹⁰. Каждый, кто в 1990-х приезжал в Москву или Петербург, сталкивался со множеством свидетельств очевидных страданий: женщины и мужчины всех возрастов у входа на вокзал, продающие одежду из дома, рулоны туалетной бумаги, обувь, сигареты и т. п.; матери с маленькими детьми, сидящие на мраморных полах станций метро, тянущие руки за подаванием, причитающие или спящие; шатающиеся группы молодежи, лишённые будущего беспризорики конца XX века. Я с этими людьми не разговаривал. Я никогда не слышал истории их жизни; и до того, как Алексиевич удосужилась их послушать, они не были представлены в литературе о том времени.

Как частый гость из-за рубежа, который не останавливался ни в самых роскошных, ни в самых дешёвых гостиницах, однажды я столкнулся с двумя молодыми женщинами, представлявшими неблагополучие иного плана. Назовем их Наташами, потому что так они себя называли сами. Это случилось в Минске и Ленинграде: мне звонили по телефону в гостиничный номер, звонившая представлялась Наташей и спрашивала, не хочу ли я встретиться с ней, не в гостинице, а у нее на квартире. Откуда эти Наташи узнали номер телефона? Как они знали, что на звонок ответит мужчина? Была ли это прямая одноразовая сделка — секс в обмен на деньги, — или они предполагали более длительные отношения (и больше денег)? У меня нет ответов на эти вопросы, но что не должно вызывать сомнений, так это отчаяние, которое заставило этих и, несомненно, множество других женщин приглашать совершенно незнакомых им людей — и иностранцев — к себе домой с очевидной целью дать им доступ к своим телам.

Мой коллега и друг Андрей Соколов, напротив, никогда не производил впечатления отчаявшегося или несчастного. Я на самом деле не помню, чтобы он на что-то жаловался. Всякий раз, когда он хотел показать, что считает что-то нелепым или раздра-

¹⁰ Мой обзор этой и еще двух книг, описывающих, как повлиял распад СССР на бывших советских граждан, см. [Siegelbaum 2017a].

жающим, он взмахивал рукой и произносил: «Ёлки-палки!» Потом так называлась популярная в России сеть ресторанов, предлагающих блюда среднего уровня, но Андрей так приговаривал задолго до их открытия в 1996 году. В то время я понятия не имел, что он хотел этим сказать, и никогда не слышал эти слова ни от кого другого. С тех пор я узнал, что это универсальный эквивалент типа «японский городской» или «блин», эвфемизм для ненормативного слова, которое также начинается с буквы «ё» и обозначает известные действия с матерью собеседника. В целом Андрею не на что было жаловаться. Он жил со своей женой Наташей (!) и тещей в скромной квартире в Теплом Стане, жилом районе на далеком юго-западе Москвы, на Калужско-Рижской линии метро (оранжевой). Шесть остановок отделяли станцию метро «Теплый Стан» от «Профсоюзной», ближайшей к Институту русской истории, где он работал. Дальше по той же линии метро была дача Соколовых, где они выращивали овощи, которые привозили в город на слегка побитой андреевской белой «Ладе-комби». Андрей работал не только в институте. Он также преподавал в МГУ, в Российском гуманитарном университете и занимал должность декана, не помню, в каком учебном заведении. Я мог застать Андрея в институте только по вторникам днем, когда «приемные часы». Когда я входил в его кабинет на третьем этаже в коротком конце Г-образного коридора, он неизменно говорил «Оооо!», за чем следовало какое-нибудь ироничное замечание, например: «Вот и наш уважаемый коллега, доктор Сигельбаум». Затем следовали напитки, обычно пиво, но иногда и более крепкие, в сопровождении колбасы и печенья, мы обменивались статьями и книгами, к нам заглядывали коллеги из института. Так мы могли просидеть долго, пока день незаметно сменялся вечером, за загроможденным столом Андрея, подшучивая друг над другом и высмеивая практически все и всех. Я чувствовал, как мне повезло быть среди таких радушных людей, которые не воспринимали слишком серьезно ни себя, ни свои непростые жизненные обстоятельства и, казалось, искренне были рады поделиться со мной всем, что имели. Это одно из самых счастливых моих воспоминаний о Москве.

Из коллег Андрея ближе всего я сошелся с Сергеем Журавлевым. Протеже Андрея, Сергей стал его ближайшим коллегой и, в конечном итоге, преемником на должности старшего преподавателя социальной истории в институте. Как и Андрей, Сергей не мог позволить себе работать только там. Он писал местные истории для районных администраций, проводил вечерние занятия и, как и Андрей, участвовал в совместных проектах с зарубежными учеными. Хочу подчеркнуть, что они могли бы причислить себя к числу счастливчиков — ученые, которые научились выживать без утвержденных партий программ и централизованного государственного финансирования, которое практически сошло на нет.

Как конец Советского Союза повлиял на мои цели и задачи? Я имею в виду не свои исследовательские проекты, а, в более широком смысле, понимание всего советского проекта. Если цель изучения истории советских людей заключается в том, чтобы получить лучшее представление о том, чем *они* являются, и таким образом добиться более многосторонней и завершенной картины того, что значит быть советским, разве это потеряло свою значимость? Возможно, это больше не имело значения для американских учреждений национальной безопасности, которые спонсировали исследования в стиле «познай врага своего» с начала холодной войны в 1940-х годах. Но меня никогда особо не заботили эти люди с *их* намерениями. Я хочу сказать, имела ли история СССР какое-нибудь значение помимо понимания политической угрозы для американской гегемонии? С одной стороны, она значила не больше, чем история Древнего Рима, Китая династии Сун или Флоренции Медичи. И не должна была значить. Какими бы преимуществами мы, изучавшие советскую историю, ни пользовались, общаясь с экзистенциальным врагом, врагом по праву своего существования, мы их не заслужили. Потеря таких преимуществ казалась не несправедливостью, а просто неудачей. С другой стороны, споры об истории СССР никогда не ограничивались этой страной; они неявно касались всей истории марксизма, социализма и глобальных левых — прошлых, настоящих и будущих. Однажды, возможно, на сессии MSG, я выразил тревогу в связи с триумфом либерализма, наиболее известным воплощением которого

является эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» [Fukuyama 1989], которое он в дальнейшем расширил до книги [Fukuyama 1992]. Джеофф Эли тогда отмахнулся от моих опасений, указав, что конец коммунизма логически означает конец антикоммунизма. Полагаю, Джеофф ожидал, что в отсутствие коммунизма государственные органы нацбезопасности потеряют смысл своего существования (и по собственному желанию исчезнут?). Я не разделял его оптимизм. Также я не согласился с мнением Шейлы Фицпатрик, которое она высказала в один прекрасный день, когда мы прогуливались по бывшей Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства в Москве: она сказала, что «мы» (то есть социальные историки) победили, а Ричард Пайпс и иже с ним более не имеют значения. Возможно, она даже выразилась в том смысле, что мы сейчас оказались в центре, стали инсайдерами, истеблишментом. Я этого не чувствовал тогда и не чувствую до сих пор.

Выяснение того, что определяло «нас» после исчезновения Советского Союза, вдохновило появление «Альтернатив» (Alternatives). Начиная с 1992 года те из нас, кто был заинтересован в изучении альтернатив доминирующему нарративу о неизбежном триумфе капитализма и либеральных ценностей, встречались для совещаний на съездах и организационных сессиях AAASS. Мы также дважды в год публиковали информационный бюллетень. Инициатива создания этой неформальной организации принадлежала Джоан Нойбергер и Венди Гольдман, хотя я, Рон Суни и еще несколько человек участвовали в предварительных обсуждениях. Среди моих бумаг, касающихся «Альтернатив», есть список рассылки из девятности трех имен, письмо от Джоан от декабря 1993 года и первый выпуск бюллетеня за 1994 год. В этом списке, составленном на основе тех, кто подписался на совещании или впоследствии, имена многих уже упомянутых мной людей: Реджи Зельник, Рон Суни, Билл Розенберг, Джоан Нойбергер, Моше Левин, Стивен Коткин, Дайана Кенкер, Хизер Хоган, Марк Харрисон, Венди Гольдман, Арч Гетти, Шейла Фицпатрик, Дон Фильцер, Лора Энгельштейн, Боб Дэвис, Кэти Кларк и Билл Чейз. В качестве жеста солидарности или просто любопытства подписались трое россиян из Москвы. В письме Джоан упоминается следующий выпуск, «LA Newsletter», где под

«LA» имеется в виду не Лос-Анджелес, а «Left Alternatives», «Левые альтернативы», название организации. В письме содержался призыв ко мне «включить в следующий выпуск короткую вводную заметку, в общих чертах описывающую, для чего предназначен бюллетень, как попасть в список рассылки, <...> и поощряющую читателей внести свой вклад».

Том 3, номер 1 за 1994 год — свидетельство того, что я последовал предложению Джоан. Этот выпуск содержал три основных публикации: расширенный вариант моего выступления на круглом столе под названием «Проблема класса в советской истории», «Культурная теория и категория класса» Марка Стейнберга с того же круглого стола и увлекательная, полновесная статья Михаила Буравого и Павла Кротова о Воркуте, основанная на опыте шести недель их пребывания в этом северном российском шахтерском городе. Во вступительном предисловии редактора указано, что Рон Суни отредактирует следующий номер и что отправлять письменные материалы надлежит ему. Но никакого следующего номера не появилось. «Левые альтернативы» скончались так же тихо, как и родились. Мы все пошли разными путями. Некоторые, как Шейла, чурались любых связей с левыми в дальнейшем. Марк Харрисон, который вступил в Коммунистическую партию Великобритании в 1973 году, проведя год исследований в Советском Союзе, и который впоследствии поднялся довольно высоко в региональной партийной организации Мидллендса, решил, что у коммунизма нет будущего, и сменил пластинку¹¹. Другие продолжали сражаться в той же битве, но на разных фронтах. Я имею в виду, в частности, Джоан Нойбергер, которая завоевала общенациональную известность, возглавив на факультете Техасского

¹¹ Или, как он написал мне в e-mail 30.03.2018, «Одним прекрасным весенним днем 1991 года я проснулся и подумал: коммунизм кончился, пусть он уходит в прошлое, — и сдал свой партбилет». Марк красноречиво пишет о своем коммунистическом прошлом в своем блоге: «Капитализм и коммунизм: нечто, о чем я изменил мнение». URL: https://blogs.warwick.ac.uk/markharrison/entry/capitalism_and_communism/, и «Марксизм: моя роль в его падении» URL: https://blogs.warwick.ac.uk/markharrison/entry/marxism_my_part/ (дата обращения: 15.05.2020).

университета борьбу против огнестрельного оружия в кампусе. Третьи оставили профессию или скончались — Реджи Зельник, в нелепом ДТП в кампусе Беркли в 2004 году; Миша, из-за осложнений, связанных с началом болезни Альцгеймера в 2010 году, через два года после того, как мой отец скончался от той же самой злосчастной болезни. Я отвлекся от этих тем, заинтересовавшись строительством канала в советском Узбекистане, и именно здесь, на периферии, как это определялось в моей предыдущей работе, я хочу закончить эту главу. Я уже говорил о Диноре Азимовой, дочери историка, которая написала диссертацию о строительстве Большого Ферганского канала. Динора, по праву истинный ученый, как и остальные ее родственники, явно приспособилась к новым условиям в стране. Когда я отправился в семейный дом под Ташкентом, чтобы взять интервью у матери Диноры, я также встретился с ее братом, тогда министром финансов Узбекистана. У этой узбекской семьи было достаточно средств, чтобы обзавестись русскими шоферами и домашней прислугой; я подумал, как интересно изменился колониализм. Что не менее удивительно, когда Динора представила меня своей невестке в качестве профессора «Мичиганского университета», женщина переспросила: «Какого?» «Университета штата Мичиган», — ответил я. «О, я провела два года в качестве студентки в Центральном Мичиганском университете в Маунт-Плезант!» — воскликнула она на безупречном английском.

Офис IREX, спонсора моей поездки в Узбекистан в 1999 году, расположился в центре Ташкента; там работали местные жители, которые источали доброту и услужливость. По крайней мере, был достаточно приветлив американец, на десять лет меня младше, возглавлявший офис. Однажды вечером я столкнулся с ним на собрании экспатов, которые изо всех сил старались подражать тем пресловутым истеричным тусовщикам в Москве, о которых лучше всего писали Мэтт Тайбби и Марк Эймс в своей газете «The Exile»¹². В Фергане IREX свел меня с Фаузией Аблякимовой,

¹² Эймс и Тайбби рассказывают о своем опыте выпуска этой безбашенной англоязычной газеты в книге [Ames 2000].

бывшей питомицей IREX, которая провела семестр в Университете Иллинойса в Шампейн-Урбана и преподавала английский в Ферганском государственном университете. Фаузия договорилась, чтобы я остановился в квартире ее родственников, которые в то время уехали. Она проводила меня в архив в первое утро, когда я начал там работать, и каждый вечер обеспечивала мне ужин. И хотя я не упомянул об этом в своем отчете IREX, она не только позаботилась о том, чтобы водитель отвез меня на Ферганский канал, но и сидела рядом со мной на заднем сидении, а когда мы добрались до канала, поднялась по берегу, стремясь показать мне детали барельефа. Подумайте, сколько раз за этот необычайно приятный случай были нарушены каноны религиозного фундаментализма: замужняя мусульманка провела день на экскурсии с американцем-немусульманином в совершенно обособленной части страны, занимаясь исторической реконструкцией.

Будучи мусульманкой, Фаузия получила советское — и светское — воспитание. И она, и ее муж, учитель физкультуры, воспитывались в Ашхабаде (Туркменистан). Они, дети депортированных крымских татар, приехали в Фергану в 1970-х годах по самой простой причине, в поисках работы. В 1999 году, когда мы встретились, их прошлое показалось мне не более чем любопытным. Только спустя десятилетие, когда я сосредоточился на вопросах миграции, стало очевидно, что весь Советский Союз состоит из людей, по той или иной причине перемещенных. Я уже упоминал о некоторых пожилых жителях Донецка, но и многие другие были родом из иных мест: Лариса Сартания, переводчица у Дэнни, приехала из Грузии; Алевтина Воронцова, работавшая на одном из местных телеканалов, переехала из Сибири и говорила о своем польском происхождении; моя ташкентская хозяйка, еврейка, которая во время войны сопровождала своих родителей в эвакуацию, решила с дочерью вернуться в Россию.

Я не поддерживал связь с Фаузией, но Динора, по родству людей творческих, со мной общаться продолжала. Летом 2004 года она обратилась к своему «американскому брату» по электронной почте, чтобы спросить, могу ли я помочь с переводом на английский русскоязычного сценария для фильма, который она написа-

ла о пребывании поэта Сергея Есенина в Ташкенте в начале 1920-х годов. Не будучи знакомым с этой историей, которая реально имела под собой основания, я оказал ей эту услугу. Не знаю, вышло ли что-нибудь из ее задумки. Несколько лет спустя я был в Москве и получил от Диноры электронное письмо с просьбой срочно встретиться с ней у Боровицких ворот в Кремле, где кто-то из ее «детей» выступал в концертном зале у Оружейной палаты. Я вовремя появился у входа, где обнаружил, что для меня оставлен билет. Найдя свое место, я начал высматривать в зале Динору, ожидая, что она в любой момент появится. Тем временем молодые люди из разных стран ближнего зарубежья исполняли произведения классической музыки: белорусская девушка играла Моцарта, грузинский мальчик — Бетховена. Затем на сцену вышел узбекский мальчик в сопровождении пожилой женщины, о которой я подумал, что это сама Динора. Мальчик сел за рояль и начал с листа играть незнакомую мне музыкальную пьесу; женщина услужливо переворачивала страницы партитур.

После концерта я подошел к ним, похвалил выступление мальчика и спросил, знают ли они Динору Азимову. «Да, — живо отреагировал мальчик. — Благодаря ей я здесь. Она заплатила за то, чтобы я приехал». Женщина, как оказалось, мать мальчика, просияла. «Она сама собиралась приехать?» — упав духом, спросил я. Мальчик ответил, что это так, но в последний момент возникли какие-то важные дела. Сколько нитей в этой встрече переплелось! Дочь первой женщины-ученого из числа коренного населения, которая самостоятельно добилась успеха в своей профессии, снова уверенно встает на ноги после распада страны, которая позволила ее семье достичь неожиданных высот. Накопив значительный культурный капитал, она инвестирует часть его в благодарного вундеркинда (своего «сына»), который, родившись после обретения Узбекистаном независимости, едет в Москву, чтобы выступить там с другими детьми из бывших советских республик. Тем самым она помогает увековечить связи — давайте назовем их «имперскими», — которые связывали эти обширные нации с центром, то есть с Москвой и друг с другом, через посредство высокой европейской культуры.

Глава 7

В сети и в пути

Веб-сайт «Семнадцать мгновений советской истории» (www.soviethistory.msu.edu) существует почти двадцать лет. Большую часть этого времени он играет ключевую роль в том, как студенты из США и других стран соприкасаются с советской историей, что они в ней видят, слышат, что вычитывают из советского прошлого. «Семнадцать мгновений» были детищем Джима фон Гельдерна, профессора русистики в Колледже Макалистер в Сент-Пол, Миннесота. Предыдущие совместные проекты Джима по формированию коллекций документов были успешными, но интернет как новая технология его заинтриговал, и он захотел попробовать что-то новое [Geldern 1995; 1998]. Я почти не знал Джима, когда в октябре 1998 года он обратился ко мне по поводу совместной разработки сайта. Он высказал простую мысль: «Вы знаете источники, и наши особые интересы дополняют друг друга, так что выбрать вас было естественно». Кроме того, он вышел на меня как раз вовремя: я знал, что в следующем осеннем семестре буду возглавлять исторический факультет, и идея совместного проекта такого рода показалась мне отличным способом отвлечься¹.

С самого начала Джим считал, что сайт будет состоять из отдельных, хронологически помеченных разделов. Ему понравился советский телесериал 1970-х годов «Семнадцать мгновений весны»

¹ Первоначально предполагалось, что Марк Стейнберг из Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн тоже будет участвовать в проекте, но в итоге он от участия отказался.

о подвигах советского военного разведчика, внедренного в высшие эшелоны СС, и Джим в итоге дал сайту название, соответствующее семнадцати отдельным годам из семидесяти четырех лет истории СССР. Каждое «мгновение» привязано к определенному году, скажем, 1917-му или 1929-му, с соответствующим содержанием. Например, 1943-му соответствуют разделы о 900 днях блокады Ленинграда, Курской битве, конце Коминтерна и новом государственном гимне. Для 1956 года размещаются разделы не только о знаменитой секретной речи Хрущева на XX съезде партии и подавлении венгерского восстания, но и о запуске космического спутника и взрыве на заводе по производству плутония под Кыштымом. Хотя последние два события произошли не в 1956 году, а год спустя, они «принадлежат» 1956 году, потому что следующее выбранное нами «мгновение» — только 1961-й.

Сначала у нас были только догадки о том, какой контент пойдет в какие годы. Первое, что мне пришло в голову, — относительно не крупное событие 1954 года, передача Россией Украине Крымской автономной области. «Крым в подарок», как мы назвали этот блок, оказался не очень богат на исходный материал: два документа, пара фотографий, несколько картин полуострова и три песни, с натяжкой связанные с Крымом и практически без связи с самим этим событием [Gift]. Мог ли я представить, когда писал вступительный текст, что он станет одним из немногих англоязычных источников, доступных на момент присоединения Крыма к России в марте 2014 года².

Жизнеспособность того или иного раздела зависела от наличия материалов — текстовых документов, фотографических и других изображений и видеороликов. В нашем распоряжении были библиотеки соответствующих американских учреждений, а также постоянно растущие ресурсы Всемирной паутины. Но мы с самого начала поняли, что нужно расширять нашу ресурсную базу

² Радиостанция NPR, например, в значительной степени на него опиралась в своем освещении этого события. 27 февраля 2014 года, когда аннексия еще не произошла, они взяли у меня интервью [Calamur 2014]. Анализ посещаемости сайта показал 50 тыс. просмотров нашего материала о Крыме в марте 2014 года.

и выходить за пределы того, что мы знали и что было в нашем распоряжении. В декабре 1999 года мы отправили электронные письма десяткам историков с просьбой предоставить: «1) пять-десять документов, которые вы особенно любите использовать при преподавании советской истории; 2) несколько документов, важных для вашей конкретной области специализации; 3) несколько документов эпохи после 1960 года, а также что-нибудь из постсоветского периода». От многих мы получили отличные ответы. Мы также поняли, что нам необходимо поехать в Россию для расширения нашей ресурсной базы, особенно видеоматериалов, но такая поездка предполагала наличие денег и связей. По счастью, Джим, который знал гораздо больше технических деталей и имел больше опыта в получении грантов по сравнению со мной, составил блестящую заявку и отправил ее от нашего имени в Национальный фонд гуманитарных наук (НФГН), в их демонстрационный проект по развитию образования, и получил 150 тысяч долларов для нашего начинания. Конечный продукт он описал как состоящий из двух частей: «Документы в формате HTML для распространения в интернете через веб-сайт и компакт-диск, выпущенный академическим издательством», причем последний «будет содержать специализированную схему навигации, включающую ориентацию по тематическим разделам и учебные планы» (цит. по черновику заявки в НФГН, приложение к электронному письму Джима фон Гельдерна от 28 сентября 1999 г.).

Под академическим издательством подразумевалось «Indiana University Press», которое выпустило CD-ROM «Развлечения в царской России» на основе второй книги Джима, где он был редактором вместе с Луизой Макрейнольдс. Однако главный редактор «Indiana University Press» упустил такую возможность, очевидно, посчитав несерьезным, что имя издательства будет связано со сборником материалов, присутствующим только онлайн. Поэтому мы решили выложить учебные планы только на веб-сайт. Интернет еще не нашел своего историка, но, когда это случится, надеюсь, все случайные факторы будут восстановлены. Еще совсем недавно, на рубеже тысячелетий, большинство книгоиздателей не имели ни малейшего представления о том, как

реагировать на новую медиасреду; их неспособность воспользоваться возможностями сети нанесла им серьезный ущерб.

Джим проникательно утверждал в своей заявке, что нынешняя доступность советских архивных материалов, включая аудио- и визуальные, означает, что «историкам СССР более нет нужды ограничиваться официально опубликованными документами и диссидентскими произведениями, нелегально вывезенными на Запад». Советский Союз приобрел многоголосье, и способность новых носителей информации отображать «новые виды “документальных” свидетельств, таких как фильмы, графика и музыка, когда традиционные средства распространения информации исчерпали свои возможности до предела», дает им очевидные преимущества. Джим указал наше намерение поехать в Российский государственный архив кино- и фотодокументов (РГАКФД) в Красногорск под Москвой, чтобы собрать ранее недоступные материалы. Это стало бы возможным благодаря нашим связям с «Abamedia», базирующейся в Форт-Уэрте компанией, основанной Дж. Митчеллом Джонсоном «для производства телепередач, кинофильмов и новых медиапрограмм для международного рынка» [Russian Archives].

В марте 1998 года, то есть за полгода до того, как Джим вышел на меня со своей идеей, «Abamedia» провела совещание по планированию в Библиотеке Конгресса, где с советниками от науки и потенциальными спонсорами обсуждалась стратегия расширения фондов ROCK (Russian Online Culture and Knowledge; Россия онлайн: культура и знания), цифровой библиотеки материалов по культуре России, созданной компанией «Abamedia». Я там присутствовал наряду примерно с двумя десятками других «научных советников». Мы посоветовали Джонсону поработать над расширением доступа к Красногорскому архиву, совет, который, я полагаю, отчасти основывался на личной заинтересованности. Насколько мы были заинтересованы, стало очевидным, когда мы с Джимом начали намечать маршруты своих двух поездок в Москву. Благодаря «Abamedia» и их программе «Russian Archives Online» мы получили карт-бланш для работы в РГАКФД. Благодаря архивариусу Елене Коликовой и ее сотрудникам бобины

с целлулоидной пленкой приносили так быстро, что мы едва успевали заправлять их в барабан большого кинопроектора, который выглядел так, будто служил еще со времен Великой Отечественной войны. Одним из самых полезных событий за десятки лет работы в архивах для меня стал просмотр многих часов удивительной, а иногда и неумышленно забавной, кинохроники из «Совкиножурнала» и просмотр тысяч фотографий в комнате на втором этаже.

Я с любовью вспоминаю то время в Москве, потому что меня сопровождала Лесли Пейдж Мок. Это была наша первая совместная поездка в Россию. Я знал Лесли еще до того, как мы стали коллегами на историческом факультете в 1996 году, но сблизились мы только тогда, когда признались друг другу, что наши браки были непоправимо разрушены. Мы начали жить вместе в сентябре 1999 года, после того как ее брак распался, а я подал на развод. В 2000 году, во время нашей первой поездки в Россию, мы с Лесли жили в одной квартире с Джимом в московском районе Сокольники. В следующем году в просторной квартире на юго-западе в конце Сокольнической линии метро разместились мы трое, а также очень яркая студентка Джима из Болгарии Эмилия Симеонова, которая сейчас работает в области экономики в Университете Джона Хопкинса. Нельзя было бы пожелать лучшего компаньона, чем Лесли. Она получила читательский билет в Российской государственной библиотеке (то есть в бывшей советской Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, широко известной как Ленинка), самостоятельно возобновила некоторые знакомства многолетней давности, завязанные на международной конференции, и всегда казалась готова к очередной аванюре.

Однажды в метро я заметил, что Джим читает что-то вроде пособия для поступающих в юридический колледж. Оказалось, что он, в дополнение к своей профессии русиста, собирается стать адвокатом по вопросам иммиграции в Сент-Поле. Так он и сделал после нескольких лет юрфака Университета Миннесоты и успешной сдачи экзаменов в адвокатскую коллегию.

Между тем мы оба тратили много времени на написание текстов для каждого раздела и подбор подходящих видеороликов и фото-

графий для наших «Семнадцати мгновений». Джим написал весь коддинг, а я — большую часть текстов, всего около восьмидесяти. Некоторые были более отточены, чем другие. Некоторые приходились на мои сильные стороны, для других требовалось поднапрячься. Джиму были более близки темы о культуре; я делал политические и экономические. Как мы и обещали в заявке в НФГН, дебют сайта состоялся осенью 2001 года.

К этому времени я отработал два года из пятилетнего срока на истфаке в УШМ, вел заседания кафедры, составлял ежегодные обзоры работы каждого из коллег, коих было около полусотни, посещал ученые советы и заседания правления, периодически участвовал в выездных семинарах, представлял факультет на ежегодных собраниях Большой Десятки, доводил до сведения декана (в основном безуспешно) необходимость замены для ушедших на пенсию или перешедших на работу в другие места, обсуждал с ректором, проректором и главврачом университета, как убедить психологически неустойчивого и потенциально опасного преподавателя уйти в отставку. Эта последняя задача занимала не меньше времени и, конечно, требовала не меньшей силы духа, чем все остальные вместе взятые. Я занимался всем этим по одной простой причине: мне нужен был дополнительный заработок, чтобы платить за обучение Сэми в Нью-Йоркском университете, плюс алименты. Я не так уж много сделал на этом посту, но я старался быть добросовестным.

В архиве / онлайн-справочнике «Семнадцать мгновений» на сегодняшний день «более 600 первоисточников, 270 видеороликов, 1100 песен и 1400 изображений, представляющих невероятную широту и разнообразие советской жизни в том виде, в котором ее проживали обычные люди» [Nelson 2016]. Этот ресурс используют сотни колледжей и университетов, а также многие средние школы в США, Канаде и других странах мира. Не думаю, что будет преувеличением сказать, что он преобразует сам процесс обучения и изучения истории СССР. «Семнадцать мгновений» впервые появились в сети за годы до того, как сочетание «диджитал хьюманитис» (цифровые гуманитарные науки) стало широко использоваться как термин и, в не меньшей степени, как новое поле де-

тельности для историков и специалистов других гуманитарных наук.

Я горжусь тем, что сайт получил приз в категории «Классика» (хотя не уверен, что в данном случае означает «классика») в сфере истории от Мультимедийного образовательного ресурса для обучения и развития онлайн (МОРДОР — ох уж эти аббревиатуры!) за 2006 год. Тем не менее с философской точки зрения я против онлайн-обучения (ОО), составляющей этой награды, как замены живого обучения в реальном классе в обычном здании «из стекла и стали» или где-либо еще. Конечно (и на это делается упор так часто, что неловко это повторять), для людей, которые живут в отдаленных районах или по иным причинам не могут попасть в реальный класс, онлайн-обучение является благом — но при условии, что у них есть необходимые условия и они обладают достаточной самодисциплиной для дистанционного обучения. Вложения университетов в ОО непропорционально высоки относительно фактической потребности. Это означает сокращение инвестиций в реальное образование, особенно в очное. В течение нескольких лет МООК (массовые открытые онлайн-курсы) с их обещаниями учиться у экрана у «великих ученых» грозят уничтожением академической науке. Одна энтузиастка написала в «Нью-Йорк Таймс» о «разрушении» традиционных моделей и «проблеске надежды на то, <...> что общедоступные бесплатные курсы могут принести лучшее в мире образование в самые отдаленные уголки планеты, помочь людям в их росте, расширить интеллектуальные и личные связи» [Раррапо 2012]. У вузовских чиновников слюнки текут от перспективы вообще отказаться от докучливого преподавательского состава и полностью полагаться на временный персонал, чтобы обучать студентов курсам, «преподаваемым» звездами. К счастью, публичная огласка колоссально высоких показателей отсева из МООК замедлила и даже повернула вспять их рост. Тем не менее они продолжают обучать большое количество студентов на разнообразных курсах и являются одним из множества других низкопробных, ориентированных на прибыль новшеств, разрушающих высшее образование.

Разработка веб-сайтов для использования на занятиях отличается от разработки целого занятия в сети и фактически идет вразрез с этим. Это сложно и в интеллектуальном плане. В начале работы над «Семнадцатью мгновениями» мы обнаружили, что при выстраивании сюжетной основы сайта и разбивке его на разделы от нас требуется больше ассоциативного мышления, чем когда-либо раньше. Например, для раздела «Хрущевки» (1961), в котором мы не без предвзятости рассказали о программе массового строительства жилья в конце 1950-х — начале 1960-х годов, мы нашли фотографии в «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (1954), картинки «идеального советского города будущего» — в популярном журнале о науке и фантастике «Техника — молодежи», сказочные кадры кварталов — в киноверсии музыкальной комедии «Черемушки» Дмитрия Шостаковича (1962); туда же вошли необработанные кадры какой-то подмосковной деревушки, на месте которой вырастает лес высоток, и популярная эстрадная «Песня новоселов» (1964) [Slums]. Каждый материал дает особый взгляд на жилищное строительство, с различных точек зрения. Наш кругозор расширился с каждым новым материалом.

После первого прорыва темпы добавления новых разделов неизбежно снизились. Со временем мы начали набирать новых сотрудников из числа коллег, и их работы способствовали развитию многостороннего характера сайта. Кристен Эдвардс, технически подкованная выпускница Стэнфорда, предоставила одну из первых статей, посвященных эвакуации военных лет; это было темой ее диссертации. Благодаря Кристен мы получили доступ к богатой коллекции плакатов Гуверовского института, а когда мы сталкивались с трудностями или были не уверены, что делать дальше, к ней всегда можно было обратиться за советом. В 2008 году сайт претерпел свою первую модернизацию, что случилось благодаря исследовательскому гранту от Колледжа Макалистер и технической помощи Кристиана Мейстера. С июня 2010 года по июль 2014 года Дебора Филд, Эми Рэндалл, Кристин Эванс и Стив Харрис сформировали новые разделы, так что мы смогли предложить больше информации по гендеру, СМИ и технике. Чуть

позднее Кейт Браун представила текст, основанный на ее смелых исследованиях советских мощностей по переработке плутония.

Среди многочисленных пользователей сайта самой креативной, пожалуй, была Эми Нельсон из Политехнического университета Виргинии. Мы были знакомы с тех пор, как она проходила ассистентско-педагогическую практику на моем курсе советской истории в 1986 году в Мичиганском университете. Эми, чей интерес переместился с истории музыки в Советском Союзе 1920-х годов на историю животных, предоставила замечательный текст о содержании домашних животных для отредактированной мной книги о частной жизни в Советской России [Nelson 2006]. Я обратил внимание на находчивость и изобретательский талант Эми и в дальнейшем привлек ее к работе над «Семнадцатью мгновениями» на семинаре, посвященном веб-сайтам, который проходил на конференции ASEEEES. Она сделала сайт по своему весеннему курсу истории СССР 2017 года (<http://amynelson.net/soviethistory17/>), и с первого взгляда было ясно, как умело она использует интернет для изучения советской истории со своими студентами. В 2014 году нас прокатили какие-то парни из Южной Азии, которые на торгах предложили самую низкую цену за обновление сайта. Эми тогда сильно нам помогла, и мы сделали ее третьим партнером в администрировании сайта.

14 января 2015 года, через неделю после начала весеннего семестра в Мичигане, Дуг Прист, аспирант, назначенный преподавать курс советской истории для бакалавров, прислал мне срочное сообщение: «Сегодня на занятиях, — написал он, — один из студентов предупредил меня, что клиентскую часть www.soviethistory.org, похоже, хакнули»³. Погоревав вместе с Дугом, я обратился к коллеге, который руководил Н-Net, онлайн-сетью по гуманитарным и социальным наукам, где хостились «Семнадцать мгновений». «Насколько могу судить, — сообщил он, — похоже, что хакер получил доступ к базе данных и к 93 000 учетных записей пользователей с именами, аффилированными лица-

³ В 2009 году адрес «Семнадцати мгновений» изменился с soviethistory.org на soviethistory.maclester.edu, а в августе 2015 года — на soviethistory.msu.edu.

ми и паролями, которые, как написано в его твите, он выложил в публичный доступ». Вот это да! Приятно было услышать, насколько велика аудитория «Семнадцати мгновений», противно было от наглости хакера. Потом я попытался понять, что коллега написал дальше: «Надеюсь, что [эта информация] поможет вам найти службу программирования, которая исправит код, и провайдера для хостинга, а также перемонтировать клиентскую часть сайта».

Тогда как преподаватели советской истории, в том числе и бедный Дуг Прист, пытались найти альтернативы для своих студентов, мы с Джимом и Эми обдумывали свои варианты. Прежде всего я решил уточнить, правда ли H-Net с нами расстанется, что явно следовало из письма их директора. Да, правда. Ох. Я печалился несколько дней, но сожалениями горю не поможешь. Эми тем временем привлекла к делу несколько знакомых гиков, от которых была какая-то польза. Помимо того, она искала коммерческую фирму, которая взялась бы за апгрейд и хостинг сайта. В итоге мы решили поместить «Семнадцать мгновений» под эгиду MATRIX, Центра цифровых гуманитарных и общественных наук университета. Сайт более-менее стабильно заработал в сентябре 2015 года. Усилия стоили того; пользователи благодарили и хвалили нас и лично, и в сети, а студенты, и мои, и из других стран, вновь получили ощутимую поддержку в своих занятиях. Как раз сейчас, когда я это пишу, Эми, которая приняла на себя основную ответственность за сайт, подает заявку в Национальный фонд гуманитарных наук на финансирование его обновления.

По президентским выборам 2016 года мы слишком хорошо знаем, что в интернете экспоненциально растет поток легкодоступной, а зачастую и намеренно распространяемой, дезинформации. Один из первых примеров распространения такой дезинформации через интернет, куда как менее зловещий, но не менее шокирующий, — взрыв в Багдаде грузовика со взрывчаткой 19 августа 2003 года, в результате которого погибли 22 человека, включая специального посланника ООН в Ираке Сержиу Виейру ди Меллу. В каждом сообщении о взрыве, которое я видел в интернете, говорилось о грузовике и взрывчатке «советского

производства». Российские источники не были исключением⁴. Многие публикации цитировали агента ФБР Томаса Фуэнтеса, который описывал грузовик как «военный безбортовой грузовик советского производства, известный как КамАЗ» [Bomb 2003]. Это описание меня заинтриговало, потому что я тогда уже интересовался советскими автомобилями, но еще и потому, что я болезненно воспринимал, когда советским прошлым оправдывают зло, недостатки или опасности в постсоветской России⁵. Поэтому хотелось знать, действительно ли спецгент Фуэнтес смог определить модель грузовика двенадцатилетней давности, или он просто использовал слово «советский» в его расплывчатом и вводящем в заблуждение виде? У Фуэнтеса, как я вскоре узнал, имелись свои недоброжелатели. Группа «Indymedia UK», которая описывала себя как «сеть частных лиц, независимых и альтернативных медиаактивистов и организаций», утверждала, что взрыв был вызван не КамАЗом или каким-либо другим грузовиком, а «подземным зарядом с дистанционным взрывателем, по всей вероятности, заложенным за несколько дней до взрыва» [Vials 2003].

Как я писал в «Radical History Review», меня интересовала не столько криминальная сторона этого дела, сколько то, о чем Рой Розенцвейг, основатель и директор Центра истории и новых медиа в Университете Джорджа Мейсона, писал ранее в 2003 году как об «одновременной уязвимости и неразборчивой беспорядочности цифровых данных» [Siegelbaum 2004b; Rosenzweig 2003]. Мои поиски «советского грузовика-призрака», таким образом, стали упражнением в оценке преимуществ и опасностей использования интернета и его основной поисковой системы, Google, в качестве

⁴ Например, «при взрыве в Багдаде использовали взрывчатку советского производства» // Utro.ru. 2003. 21 авг. URL: <http://www.utro.ru/news/2003/08/21/224994.shtml> (дата обращения: 18.09.2003); Вести. URL: <http://www.vesti.ru/news.html?id=38935&date=20-08-2003> (дата обращения: 18.09.2003). Обе ссылки сейчас недоступны.

⁵ Несмотря на то что прошло еще четырнадцать лет, эта тенденция не ослабла; тому свидетелем любой, кто видел серп и молот на знаменах критиков Путина (и Трампа!).

источника информации. С другой стороны, если бы благодаря Google я не нашел (через поиск «бомба грузовик КамАЗ») другие случаи, когда реальные КамАЗы фигурировали во взрывах, я бы никогда не узнал, как часто он использовался в качестве излюбленного оружия в чеченских войнах. Это открытие привело к другим (через поиск «КамАЗ Ближний Восток») — о способах использования этих автомобилей, в том числе об их популярности среди совершающих хадж дагестанцев и азербайджанцев, которые использовали их для перевозки ковров ручной работы в Саудовскую Аравию и электронного оборудования оттуда. С другой стороны, точно она или нет, единожды сообщенная информация может стать широко известной (или, на сетевом жаргоне, «вирусной»), а нелинейное мышление, поощряемое Google, когда границы истинности постоянно размываются, делает причинно-следственную связь проблемой вторичной. Тогда я осознал, и я не один такой, кто неоднозначно относится к цифровой революции⁶.

Вот к чему у меня никогда не было неоднозначного отношения, так это к советским автомобилям. У моего интереса было несколько причин. Во-первых, трудно не заметить, как много автомобилей стало в Москве к концу тысячелетия. Пробки, казалось, возникли внезапно и повсюду. Инфраструктура, как физическая, так и юридическая, не могла идти в ногу с происходящим, а это означало, что на дорогах и рядом с ними воцарился хаос. Как и во всем остальном, казалось, что подавленное в советскую эпоху стремление обзавестись собственными колесами вызвало мстительную реакцию постсоветских граждан. Отсюда мое любопытство к автомобилям в советское время: что делало их настолько несовместимыми с советским социализмом? Имеет ли какое-либо отношение к этому их статус как наиболее значимого капиталистического предмета потребления XX века? Действительно ли

⁶ «Нью-Йорк Таймс» впоследствии сообщала, что «транспортное средство, использовавшееся при взрыве, входило в число грузовиков, приобретенных правительством Ирака в 2002 году для использования министерствами, отвечающими за такие виды деятельности, как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и ирригация». Таким образом, по всей вероятности, грузовик не был «советским» [Johnston 2003].

советские автомобили уступали тем, что производились на Западе, как предполагала их репутация, и если да, то почему? У кого были машины? Как их приобретали и обслуживали? Вопросы навалились друг на друга, что помогло мне сформулировать проект длиной в книгу. Моему энтузиазму способствовал и тот факт, что я устал от работы по межвоенному периоду и сталинизму в целом. Мне сильно захотелось написать о чем-то, что охватывало бы весь советский опыт и, откровенно говоря, было бы чем-то менее удручающим. Наконец, автомобили давали возможность обратиться к потреблению и материальной культуре, той сфере, что я полюбил исследовать в связи с ремесленными выставками в поздней царской России.

Еще до своих поисков «советского грузовика-призрака» я провел некоторые исследования на непростую тему автопробегов. Здесь возникло нечто, чего я не ожидал: грузовики и легковушки гонятся друг за другом по степям и пустыням, по грунтовым дорогам или вообще по бездорожью, чтобы испытать возможности автомобилей и выносливость их водителей. У автопробегов была еще и другая цель: пробудить интерес к этим механическим зверям в тех частях страны, где их еще никогда не видели. Признаюсь, что некоторые фотографии и описания в советских газетах, с которыми мне довелось познакомиться, а также книги, посвященные таким отдельным автопробегам, как ралли Москва — Кара-Кум — Москва (1933), воспламенили мое воображение не меньше, чем в свое время Ферганский канал [Эль-Регистан 1934]⁷. Для меня Эль-Регистан (1899–1945), Габриэль Аршакович Уреклян, советский армянский писатель, родившийся в Центральной Азии и воспитанный как узбек, стал типичным воплощением советского человека, который мог присутствовать как на автопробегах, так и на строительстве Большого Ферганского канала⁸. Надо также

⁷ Пустыня Кара-Кум находится к востоку от Каспийского моря и занимает большую часть Туркменистана.

⁸ Эль-Регистан вместе с Сергеем Михалковым написал слова советского государственного гимна времен Великой Отечественной войны. Его архивы хранятся в РГАЛИ, ф. 1126.

признаться, что мне льстило быть первым историком в англоязычном мире, кто обратил внимание на этих весельчаков за рулем. Образ машин, мчащихся в пустыне, меня привлекал еще и потому, что на пике карьеры мне захотелось отвлечься и повеселиться, а это оказалось прекрасным к тому поводом.

По совпадению, я обратился к машинам, бороздящим окраины Советского Союза, как раз после нападения на башни-близнецы и объявления Джорджем Бушем «войны с терроризмом». Не могу отрицать, что это позволило отвлечься от новостей о том, как Соединенные Штаты вновь демонстрируют свою военную мощь, на этот раз якобы для преследования террористов, но неизбежно — за счет гражданских лиц. В то же время, как и многие другие ветераны антивоенного движения 60-х годов, я активно протестовал против военной истерии Белого дома, стремясь, вместе с миллионами других американцев, предотвратить вторжение США в Ирак. Питер Макферсон, президент УШМ с 1993 года, дал к тому дополнительный, более локальный стимул. Когда при поддержке большинства Конгресса и, надо сказать, многих либеральных интеллектуалов Джордж Буш отдал приказ о вторжении, Макферсон был тут как тут. Отслужив несколько месяцев в Управлении по реконструкции и гуманитарной помощи в Ираке, Макферсон говорил журналисту университетской газеты, что это было лучшее время его жизни: «Это просто праздник какой-то <...> Как же здорово составлять бюджет страны!» [Hardy 2003]⁹. «Служба» Макферсона была мне противна. Насколько это напоминало пресловутую университетскую Консультативную группу по Вьетнаму конца 1950-х — начала 1960-х годов, главным советником которой был политолог Уэсли Фишел? Что, спрашивал я себя, делали бы мы, студенты Колумбийского университета, если бы Грейсон Кирк вызвался выполнять такие задачи во Вьетнаме? Но, конечно, времена и обстоятельства изменились. Я ограничился письмом в редакцию, осуждающим Макферсона за «игру

⁹ Мое письмо появилось в номере «The State News» от 10 июля 2003 года О MSUG, Консультативной группе по Вьетнаму Университета штата Мичиган, см. [Vietnam Project].

в колониального офицера», и, когда администрация университета пригласила советника по национальной безопасности Кондолизу Райс выступить перед выпускниками и получить почетную степень в мае 2004 года, я организовал акцию протеста возле здания, где она выступала.

Да, благодаря этим советским автопробегам история позволила мне отстраниться от мрачных новостей о вторжении США в Ирак и мыслей о безрезультатности протеста в этой стране. Чем более предмет эзотеричен, тем лучше. Исследование привело меня на страницы советских газет и журналов тех времен, которые иногда освещали автопробеги, передавая захватывающие репортажи с их маршрутов, и в Москву, где я читал в Ленинке переплеты ежемесячного журнала «За рулем», главного журнала Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог («Автотор»). Эта добровольная организация финансировала большую часть автопробегов конца 1920–30-х годов; в ГАРФ я ознакомился с ее фондом (ф. 4426). Таким же образом я познакомился с основателем и председателем «Автотора» и был весьма им увлечен. Родившийся в дворянской семье Валериан Оболенский позднее взял партийный псевдоним Николай Осинский; он занимал различные должности в советском правительстве и неустанно работал над развитием автомобилестроения в СССР. В конце концов он преуспел, курируя соглашение с компанией «Форд» в 1929 году о производстве их «Модели А» в Нижнем Новгороде.

На конференции AAASS 2003 года в Торонто я впервые имел возможность представить результаты своего исследования. Дайана Кенкер организовала секцию с оригинальным названием «Глаголы движения: автомобили, велосипеды и пеший туризм в Советском Союзе и Восточной Германии». И председатель секции Энн Горсач, и все присутствующие тепло встретили мое выступление. Несколько месяцев спустя, в апреле 2004 года, я «провел разбор» статьи на выпускном семинаре Чикагского университета по истории России. Семинар проходил под председательством Шейлы Фицпатрик, и на нем присутствовали аспиранты и ее коллега Ричард Хелли. Я почувствовал, что начало хорошее.

Упоминание об этом семинаре наводит на несколько мыслей по поводу послевузовского образования по истории СССР и моих собственных усилий по его продвижению. «Академический рай» (Academic Heaven) — это семинар для выпускников, на котором студенты учат друг друга и своих преподавателей. За время моей работы это случалось всего несколько раз. Особенно мне запомнился такой семинар в Беркли в 1998 году, когда я приехал туда из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (где я преподавал в весенней четверти), чтобы навестить Дэна Орловского. Дэн, профессор на контракте, привлек на свой семинар группу ярких аспирантов, интересующихся литературой по советской национальной политике. Можно, оказывается, кое-чему научиться и у чикагских студентов. Со многими из них я познакомился на семинарах по истории России в университетах Среднего Запада; там эти семинары идут с конца 1980-х годов по настоящее время. Семинар проводится дважды в год в разных вузах Большой Десятки и дает аспирантам возможность представить главы из своих диссертаций, а факультеты представляют проекты статей и главы книг.

Для аспирантов, в том числе тех, кто работал под моим руководством в Мичигане, очень ценно было представить свои текущие работы и встретиться со своими сверстниками и преподавателями со всего региона. Мне это тоже было полезно. На семинаре я поближе познакомился с Марком Стейнбергом, Кристиной Эванс и Кристиной Руэн (которые регулярно приезжали из Талсы), а также возобновил знакомства с Беном Эклофом и Джоном Бушнеллом, которые участвовали в программе IREX за год до меня и остались в Москве работать переводчиками. Несмотря на всю свою полезность, семинар не мог помочь преодолеть те препятствия, с которыми сталкивались мои ученики при трудоустройстве. Тем, кто получил степень под моим руководством, после «великой рецессии» 2007–2008 годов устроиться на штатные должности стало практически невозможно. Действительно отличные студенты с публикациями (да, с несколькими публикациями) и большим соответствующим опытом преподавания оказывались за пределами университетской системы или цеплялись за

должности на неполный рабочий день и временную работу, и даже тогда, если получали работу, то только благодаря тому, что в этих учреждениях уже работали их супруги. Поскольку они получили образование в довольно среднем вузе Большой Десятки, в котором нет крупного центра российских / восточноевропейских исследований, в отличие от Лиги плюща, Беркли или Чикаго, игра складывалась не в их пользу.

Но давайте вернемся к более приятной теме. Доклад об автопробегах обернулся статьей в «Slavic Review»; автопробег, вероятно, метафорически олицетворял путь к социализму [Siegelbaum 2005]. В случае с автопробегами совпало метафорическое и реальное: они способствовали строительству и улучшению дорог, которые сами символизировали современность и соединенность. Борьба с бездорожьем предполагала агитацию за лучшие дороги. Как писал Осинский о 2000-километровом автопробеге по провинциям центра России в 1929 году:

Наше отношение к дорогам является одним из самых ярких проявлений неисчезающего варварства, азиатчины, праздности и безделья, самой противоположности социалистической современности. Осинский настаивал: «Путь к социализму лежит через дорожное строительство» [Siegelbaum 2005: 254–255].

Так я увязал историю автопробегов 1920–30-х годов с более масштабной историей, которую я рассказывал несколько десятилетий, о строительстве социализма в СССР, с его трагедиями, его триумфами, а теперь и его комедиями. Я опирался на тогдашние сообщения прессы и архивные материалы, а также, воодушевленный опытом «Семнадцати мгновений», добавил фильм (документальный фильм Михаила Калатозова «Соль Сванетии» 1930 года о жизни отрезанной от остальной страны бедной общины сванов в горах северо-запада Грузии и о строительстве дороги, призванной соединить их с внешним миром) и юмористическую литературу («Золотой теленок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, книгу 1931 года, экранизированную в 1968 году). Я добавил замечания Эммы Виддис, Дайаны Кенкер, Джима фон Гельдерна, Юрия

Слезкина, Карен Петроне, Дуга Нортропа и других о путешествиях, туризме, советской пространственности, трансцендентности времени, функциях организованных мероприятий и уязвимости организаций, их организующих. Даже нашлось место для неоконченного фильма Сергея Эйзенштейна о Ферганском канале, цитат из книг, которые я читал в то время, об автомобилях и «автоутопиях», и четырех очень запоминающихся фотографий из РГАКФД.

Теперь я вижу, что в статье были намечены идеи, которые будут развиты в книге «Машины для товарищей». Эти идеи возникли из того, что я только смог найти об истории автомобиля в СССР. Эту историю следовало вписать в глобальный контекст, в том числе рассказав и о других странах. Две вещи связаны у меня с этой книгой: вся ее структура сложилась сразу же, еще в самом начале исследования и писания, и я работал над ней с небывалым удовольствием, какого не было раньше. Я решил, что в книге будет освещен весь процесс, от производства до потребления, с главой о дорогах. Три главы о производстве будут привязаны к основным автомобилестроительным местам — Москве («АМО», «ЗИС», «ЗИЛ»), Нижнему Новгороду — Горькому («ГАЗ») и Тольятти («ВАЗ», «АвтоВАЗ») ¹⁰. Каждая глава будет начинаться с основания предприятия и описывать его развитие вплоть до настоящего времени. Глава о дорогах будет охватывать весь советский период и включит большую часть дискуссий об «Автодоре» из статьи об автопробегах. Две следующие главы будут организованы в хронологическом порядке: первая — от революции 1917 года до Великой Отечественной войны; вторая — от войны до распада Советского Союза. Что до удовольствия, его трудно передать; скажу только, что я пять лет или около того жил только советскими автомобилями и даже видел их во сне.

В течение двух лет, однако, я отвлекался на редактирование сборника очерков о частной жизни в советской России. Случилось так, что по дороге домой с той конференции в Торонто в 2003 го-

¹⁰ АМО — Автомобильное московское общество, ЗИС — завод имени Сталина, ЗИЛ — завод имени Лихачева, ГАЗ — Горьковский автомобильный завод, ВАЗ, АвтоВАЗ — Волжский автомобильный завод.

ду я сказал Лесли, что слышал много докладов, посвященных проблемам потребления и личной жизни. Тогда она предложила мне отредактировать такой сборник и начать с того, чтобы попросить некоторых из выступавших подготовить свои тексты. Мы не успели доехать до моста через Сент-Клер, соединяющего Онтарио с Мичиганом, а книга уже оформилась. Предварительное название книге, «Границы социализма», дали заметки Лесли. Под этим заголовком я выложил просьбу о публикациях на «H-Russia», части все той же H-Net, от которой через несколько лет отправились в свободное плавание «Семнадцать мгновений».

Основная цель, — писал я, — заключается не в том, чтобы радоваться или оплакивать появление и устойчивость частной сферы в рамках советского социализма, а скорее в том, чтобы взглянуть на эту сферу по-новому и понять, чем был советский социализм¹¹.

Ответ не заставил себя ждать. Из одиннадцати сразу же откликнувшихся авторов только одна позднее вышла из игры, да и то ей быстро нашлась замена.

Тем временем я погрузился в соответствующую литературу. У меня были две цели: больше узнать о концептуализации различий между сферами общественного и частного и составить список общих материалов для участников. Из наиболее полезного выделил форум «Переосмысление общественного и частного» из «Journal of Women's History» за 2003 год; два очерка в сборнике по общественным наукам о значениях публичного и частного; уникальную книгу Светланы Бойм о публичных объектах и домашних пространствах; и первый из трех сборников статей под редакцией Сьюзен Рид и Дэвида Кроули [Women's History 2003; Garcelon 1997; Kharkhordin 1997; Boym 1994; Reid 2000]. Из этого чтения я извлек, что понятия частного и общественного исторически и культурно обусловлены, но в случае с Советским Союзом и — более широко — с другими социалистическими государствами

¹¹ H-Russia Discussion Logs. 2003. 08 дек. URL: <https://lists.h-net.org/cgi-bin/log-browse.pl?trx=vx&list=H-Russia&month=0312&week=b&msg=XUKE4u1D2zgrDPhuMJHJBA&user=&pw=> (дата обращения: 26.01.2019).

определенные порожденные идеологией понятия и ценности преобладали над любыми культурными особенностями, унаследованными от более ранних времен. Я считал такую формулировку чрезвычайно полезной, когда задумывал свой собственный вклад в сборник, статью, где я рассматривал автомобили в брежневскую эпоху как «сделку с дьяволом».

Введение к сборнику «Топография частных сфер в советском контексте» стало одним из самых концептуально амбициозных текстов, которые я когда-либо писал. В первой части, «Личное как универсальная категория исторического анализа», я опирался на статьи медиевистов, исследователей Ближнего Востока, феминисток и т. п., в том числе Владимира Шляпентоха, моего давнего соперника по Мичигану. Работа Шляпентоха 1989 года положила начало изучению «приватизации» в СССР с исторической точки зрения. Книга эта, как я писал, «была одновременно новаторской и прозорливой», хотя и отличалась от моей собственной позиции и взглядов других авторов сборника [Siegelbaum 2006a: 18; Shlapentokh 1984, 1989]. Мы не считали, что сфера частного является исключительно зоной сопротивления государству. Мы также не думали, что экспансия этой сферы за счет государства неизбежна. Скорее авторы сборника склонялись к тому, чтобы предоставить «свидетельства [их] симбиоза и гибридности, равно как и противоречивости» [Siegelbaum 2006a: 5].

Половину из двенадцати авторов составляли женщины, и мы добились идеального баланса историков, которые недавно получили свои степени, и ученых в зените своей научной карьеры. Отношения со всеми авторами были неконфликтными и даже приятными. То же можно сказать и об издательстве «Palgrave Macmillan», с той оговоркой, что там начали сменяться один редактор за другим, а выбранная мной для обложки иллюстрация так и не появилась, якобы потому, что их арт-директор думал, что «изображение недостаточно четко отражает тематику книги». Появление самой книги не в первый раз вызвало у меня смешанные чувства. Издательство фактически не сделало ничего для продвижения или рекламы, так что, соответственно, продажи были невысокими. Рецензии вышли только в двух британских

изданиях, «The Slavonic and East European Review» и «The Journal of Contemporary History». Мне было неловко перед авторами, да и, честно говоря, перед собой. Но вот в мае 2017 года, спустя более десяти лет после выхода книги, я получил приглашение выступить с основным докладом на конференции в Германии на тему «Частная жизнь вне зоны комфорта». Организаторы написали: «Ваш опыт в этой области известен по отредактированному вами сборнику “Границы социализма”... который оказал влияние на наши собственные исследования частной жизни в ГДР и СССР времен позднего социализма»¹².

Когда я редактировал этот сборник, завершился мой пятилетний срок в должности заведующего кафедрой истории в Мичигане. Так же, как весной 2004 года, когда я собирался в творческий отпуск на весь следующий учебный год, сейчас, оглядываясь назад, должен сказать, что мой проект по истории советского автомобиля доставляет мне истинное удовлетворение. В поданной мной заявке в качестве ключевого аспекта предполагаемого исследования указывалось, что развитие массового автомобилестроения в Советском Союзе представляло собой реальное отступление от прежней организации советского общества. «Выяснить, чем объясняется это отступление, — писал я в заявке, — это суть моей исследовательской программы, но более важным моментом, безусловно, является то, что навязчивые идеи времен холодной войны давно заслонили собой внутреннюю динамику советских обществ и их культурные матрицы». Подобным же образом, исследуя совершенно отличную от нашей историю советского автомобилестроения, «мы сможем больше узнать о том, каким образом автомобиль в нашем обществе отражает наши культурные особенности»¹³.

Ах, если бы. Используя в этом предложении множественное число первого лица, я как бы надеялся приобщить администрацию университета к моим исследованиям. Университет дал мне фи-

¹² Татьяна Клепикова в личной переписке с автором, 4 мая 2017 года.

¹³ Здесь я цитирую свою заявку на общеуниверситетский исследовательский грант (AURIG) от 7 апреля 2004 года.

нансирование на следующий год, но этим институциональная готовность исчерпалась. Моя подруга и коллега Лиза Файн, написавшая книгу об истории автомобильного завода в Лансинге и его работниках [Fine 2004], присоединилась ко мне в идее создать общеуниверситетский Центр автомобильных исследований (Center for Automobile Research, с чрезвычайно соблазнительной аббревиатурой CAR [англ. «автомобиль». — *Примеч. пер.*]). Нам удалось привлечь кучку преподавателей из инженерного колледжа и Школы труда и производственных отношений, но то ли мы были плохими продавцами, то ли им не хватило воображения, чтобы участвовать в этой междисциплинарной инициативе, но из этого замысла ничего не вышло. Как ни парадоксально и грустно, но этот крупный университет штата, экономика и самобытность которого так долго зависели от автомобиля, не смог поддержать исследования этого «самого богатого смыслами символа XX столетия» [Edensor 2002: 118].

Будучи в Мичигане, я имел возможность пообщаться со студентами, чью жизнь, к лучшему или к худшему, изменила автомобильная промышленность. На курсе «Глобальная история автомобиля», который я читал для магистрантов, я встретил студента, который объяснил мотивы своего поступления на курс и тему исследовательской работы, которую он надеялся написать, следующим образом:

Мой отец всю жизнь проектировал тормоза для «Bendix», который был куплен компанией «Allied Signal», которую потом купил «Bosch Corp». Он начал работать в модельном цеху, а когда в конце концов компанию купил «Bosch», [его] послали доучиться на специалиста бизнеса и технологий. <...> Чтобы отдать должное отцу (который скончался в прошлый День благодарения от рака поджелудочной), я хотел бы написать статью не только о том, что автомобильная промышленность значила для моего отца, но и о тех изменениях, с которыми он и его компании столкнулись, когда производство начали выводить за рубеж. <...> Видите ли, последние несколько лет работа моего отца заключалась в том, чтобы ездить за границу и обучать рабочих в Мексике и Китае, как делать автомобильные тормоза для Мичиганского завода. Это делалось, чтобы закрыть завод, на котором он

работал. Поэтому я также намерен изучить, почему «Bosch» поступил именно так, и исследовать тенденцию вывода рабочих мест за пределы США, какие условия сложились за рубежом, чтобы так случилось¹⁴.

Как я мог ему отказать? Судьба отца этого студента — обучать людей за границей, чтобы компания могла переехать, тем самым лишив работы его и его друзей, — вот бессердечие корпоративной Америки и то жалкое состояние, в котором оказалось множество рабочих «ржавого пояса»¹⁵. Стоит ли удивляться, что через десять лет так много белых избирателей — рабочих в Мичигане и других штатах Среднего Запада — проголосовали за кандидата в президенты, который беззастенчиво обещал вернуть им рабочие места?

В 2004–2005 годах, в мой творческий отпуск, мы с Лесли жили в доме под Анн-Арбором, который мы сняли у антрополога Кэтрин Вердери. Нам нужно было переместиться куда-нибудь подальше от Ист-Лансинга, но не слишком далеко, потому что Лесли продолжала преподавать в УШМ. Район Анн-Арбор представлялся идеальным для того, чтобы отдохнуть от управленческих хлопот. Мы знали Кэтрин по MSG, и когда она сказала нам, что проведет этот год в Нью-Йорке, мы воспользовались шансом пожить в ее доме с его просторными комнатами, высоким двухэтажным потолком и открытой верандой. В этом доме мы и поженились в мае 2005 года, в день, который начинался ветрено и пасмурно, но к тому времени, когда все собрались, стал солнечным и приятно теплым. За еду и напитки отвечал мой старый друг из Ист-Лансинга, было около сорока друзей и родственников (включая наших престарелых родителей, одна из немногих оставшихся возможностей с ними повидаться). Все прошло как нельзя лучше.

¹⁴ Электронная почта от [имя не указано] автору, 9 января 2007 года.

¹⁵ Ржавый, Индустриальный или Фабричный пояс — часть Среднего Запада и восточного побережья США, в которой с начала промышленной революции и до 1970-х годов были сосредоточены сталелитейное производство и другие отрасли американской тяжелой промышленности. — *Примеч. пер.*

Большую часть этого года я потратил на редактирование статей в «Границах социализма» и на главы книги об автомобилях. Пока Лесли работала внизу в своем кабинете или уезжала в Ист-Лансинг, я сидел в комнате наверху, блаженно отгородившись от мира, если не считать интернета. Через день, обычно по утрам, я совершал пробежку по кварталу Лох-Альпин, по холмистой улочке почти без машин, мимо поля для гольфа, озера и леса. Во второй половине дня я делал покупки, обычно останавливаясь на кофе в Декстере, ближайшем городке. Сасу, первокурсник Мичиганского университета, иногда приходил на ужин и стирал свои вещи. «И тебе что, еще платили за это?» — слышу я недоверчивые голоса. Каюсь, виноват!

Несколько раз в этой идиллии наступал перерыв. Сентябрь-октябрь 2004 года я провел в Москве, работая в ГАРФ, Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и в Ленинке. Но мне также захотелось съездить в один из провинциальных автопромышленных городов, чтобы лучше представить себе, где, в каких домах жили люди, как им приходилось работать. Однажды я зашел в турагентство, располагавшееся во внутреннем дворе одного из домов вблизи Кремля, чтобы забронировать рейс в волжский город Тольятти. Девушка в агентстве нахмурилась, словно не подозревая о существовании какого-то Тольятти. «Я не могу найти аэропорт на карте, — сказала она. «Это большой город, — ответил я, — там должен быть аэропорт». Мы предположили, что у Тольятти должен быть один аэропорт с Самарой, более крупным городом у излучины реки примерно в 100 км к югу. В итоге я выбрал более безопасный, хотя и более медленный, вариант железной дороги. Поезд доставил меня в Сызрань, в 90 км от Тольятти. К счастью, мои хозяева с исторического факультета Тольяттинского государственного университета заказали мне такси. Интересно, в Тольятти и вокзала, наверное, нет, подумал я.

Польщенные тем, что принимают у себя американского гостя, молодые сотрудники факультета отнеслись ко мне с большой теплотой. При этом они приготовили мне сюрприз. Когда меня попросили выступить перед группой студентов, я, конечно, согласился, подумав, что у меня будет хотя бы несколько часов,

чтобы подготовиться. Вместо этого, как только я согласился, меня проводили в зал, где ожидала значительная аудитория. Я был поражен, у меня не было времени сообразить, о чем и как говорить.

Меня познакомили с директором по связям с общественностью «АвтоВАЗа» Леонидом Пахутой, деловым, разговорчивым товарищем. Пахута показал мне сборочный конвейер, пообедал со мной в столовой для персонала, а затем показал мне бизнес-зал на верхнем этаже блестящего синим стеклом здания компании с потрясающим видом на могучую реку Волгу. Я также получил разрешение на работу в местном городском архиве, где архивные работники удовлетворили все мои просьбы о фотокопиях и отказались брать за это деньги: самое щедрое обслуживание, которое я когда-либо получал. Таким образом у меня в руках оказались отличные данные по прогулам и хищениям на ВАЗе. Еще более ценной была толстая папка бумаг, датированных 1972 годом, о рассмотрении случая супружеской измены окружной комиссией по социалистической законности и поддержанию общественного правопорядка. Этому случаю я посвятил целых четыре страницы «Машин для товарищей» [Сигельбаум 2011: 190–194]. Благодаря этой поездке во время своего творческого отпуска я написал черновики двух глав: одной о Тольятти, одной о дорогах.

В марте 2005 года мы с Лесли выступали с лекциями в Высшей школе социальных наук в Париже. Мы жили в крошечной мансардной квартире на рю Клер в седьмом округе над ароматной пекарней, часто обедали с друзьями, как научные сотрудники бесплатно посещали музеи и вообще замечательно провели время. В Центре глобальных исследований России, Советского Союза и постсоветского пространства (Centre d'Études du Monde Russe, Soviétique et Post-Soviétique) я говорил о «Топографии частных сфер в Советском Союзе». Разговор я начал со ссылкой на неудачную попытку Джорджа Буша приватизировать систему социального обеспечения. Это был просчитанный риск, поскольку я не мог быть уверен, насколько французы были осведомлены об американской внутренней политике, не говоря уже о моем английском с американским акцентом. В целом мне было трудно считывать особенности академической культуры другой страны.

Будет ли понятен мой юмор? Судя по смешкам в зале, наш разговор прошел хорошо. Два других выступления оказались менее успешными. Критический комментарий к литературе, посвященной советскому Я, с которым я выступил на семинаре, который вел пригласивший меня Ив Коэн, не впечатлил ни его, ни остальных слушателей. Возможно, они сами участвовали в создании такого рода литературы и ожидали, что я ее одобрю. Наконец, я представил обзор своего проекта — книги о советских автомобилях — в исследовательский центр под названием GERPISA (*Groupe d'études et de recherche permanent sur l'industrie et les salaires de l'automobile* — Постоянная исследовательская группа по вопросам автомобильной промышленности и заработной платы). Здесь технические знания аудитории, судя по сессии вопросов и ответов, намного превосходили мои.

Хотя теперь такой поступок кажется безответственным и немного ненормальным, я вернулся в Тольятти едва ли через два месяца после того, как начался осенний семестр 2005 года. «АвтоВАЗ» пригласил меня принять участие во второй научной конференции по истории предприятия, и я не смог отказаться. Таким образом, я стал третьей частью «иностранной делегации», присоединившись к Манфреду Григеру, директору исторического подразделения «Volkswagen», и Юкке Гроноу, социологу из Упсальского университета. «АвтоВАЗ» также пригласил моих старых друзей, Андрея Соколова и Сергея Журавлева, а также Рудольфа Пихою, который был светилом среди московских историков. Компания должным образом опубликовала наши материалы по этой конференции и сделала другие публикации, посвященные этому событию [Степанов 2005; Siegelbaum 2006c].

Я мало что помню о заседаниях, главным образом потому, что, как записано в моем дневнике, из-за смены часовых поясов я был совсем сонный¹⁶. Напротив, ночь, когда Манфред, Юкка и я пили пиво в баре отеля, запомнилась ясно, что говорит о том, что трое

¹⁶ Другая запись в дневнике относится к выступлению российского историка Марии Зезиной о гендере и вождении автомобиля, во время которого Леонид Пахута заявил: «Женщины за рулем опасны, да они вообще везде опасны».

незнакомых мужчин из разных стран всегда могут быстро подружиться, была бы только подходящая смазка.

Вернувшись домой, я снова погрузился в исследования для книги о машинах. Я все больше и больше погружался в мир тех, кто был занят тем влиянием, которое автомобили оказывают на экономику, культуру и экологию стран всего мира. В Советском Союзе коммунистическая идеология и государственные приоритеты сглаживали это влияние, но, как я начал понимать, автомобили всегда присутствовали в людском воображении, вопреки или, возможно, благодаря официальным запретам. Чтобы отследить рост «автомобильного сознания» и влечения к автомобилям в стране, где торговля не играла никакой роли в удовлетворении желаний, я обратил внимание на советские художественные фильмы, особенно 1950–70-х годов, и благодаря Леониду (Лёне) Вайнтраубу я приобрел многие из них. Во время моего приезда в Москву в 2004 году Леня отвез меня на «Горбушку», огромный рынок торговых палаток, где продавалась аудиовизуальная продукция, недалеко от станции метро «Багратионовская». Мы объяснили продавцам, что нам нужны видео с участием автомобилей. Так, среди прочих, я купил, посмотрел и расшифровал соответствующие диалоги из классических комедий Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) и «Гараж» (1979); из глупого фильма «Три плюс два» (1963) о трех парнях, которые приезжают на берег Черного моря и встречают там двух девушек, тоже с автомобилем, на «диком» (неофициальном) кемпинге. Посмотрел я и фильм «Шофер поневоле» (1958) о том, как меняются местами настоящий шофер и типичный бюрократ; и «Гонщики» (1982), фильм о конфликте двух друзей-автогонщиков — единственный из всех фильмов, это не комедия. Романы, рассказы и другие художественные произведения также легли в основу моей книги. В книге Ильи Эренбурга «Жизнь автомобиля» (1929), о которой он говорил, что это «не роман», а скорее «летопись нашего времени» [Сигельбаум 2011: 175], подчеркнут ужас, с которым некоторые интеллигенты относились к этим механическим тварям в первые несколько десятилетий существования автомобиля: из нее я взял подзаголовок для «Машин для товарищей». Владимир

Маяковский, поэт-футурист, который купил «реношку» (Renault) во Франции для своей любовницы и перевез ее (по железной дороге?) в Москву, поклонялся автомобилям, как и его итальянские коллеги-футуристы. Другие, менее известные писатели отличались более глубоким знанием автомобилей. Анатолий Рыбаков работал водителем на фронте во время войны и после демобилизации вернулся в Москву на своем «опель-капитане». Его роман «Водители» (1950) получил Сталинскую премию. У Василия Шукшина, который писал о героях-одиночках, водители грузовиков, персонажи нескольких прочитанных мной рассказов, олицетворяли естественную жизнь. Некоторые книги показались мне надуманными и довольно ужасными, но так или иначе полезными.

Помимо фильмов и книг советских писателей я познакомился с сообщениями западных корреспондентов, заметками наезжавших в СССР время от времени представителей американских и итальянских автомобильных компаний, аналитическими записками западных советологов и сотрудников разведслужб, местными, региональными и центральными советскими газетами и журналами, а также архивами министерств и ведомств, заводов и общественных организаций. Я работал с бумагами компании «Austin» (Кливленд, Огайо) в Западном историческом обществе (Western Reserve Historical Society) и в Архиве Уолтера П. Ройтера в Университете Уэйн Детройта. Я читаю книги на немецком и итальянском в той степени, чтобы найти данные для сопоставления или разобраться с запутанными деталями, недоступными на языках, которые я знаю лучше. Мои знания русских названий автомобильных запчастей росли в геометрической прогрессии.

Ничто не сравнится со временем, проведенным в советских архивах и чтением в Ленинке. Во время трехнедельной поездки в Москву в мае-июне 2006 года я там работал, пока глаза от усталости не начинали слипаться. В моем дневнике записано, что, когда я заявил водителю, который вез меня из аэропорта, что приехал, чтобы продолжить свои исследования по истории советских автомобилей, он воскликнул: «Нет никакой такой истории.

Это не машины, а жалкие пародии на автомобиль. Все, кроме ГАЗ-51. Вот это действительно грузовик, и очень хороший»¹⁷. Дневник также свидетельствует о еще одном серьезном недомогании от смены часовых поясов, о мимолетных удовольствиях («21-градусная клюквенная настойка — то, что надо»), но также и о неуверенности в себе («Мне трудно сформулировать, о чем моя книга, или даже, правильное сказать, в чем ее главная мысль») и о раздражении («Чемодана не было в аэропорту, и потом в квартиру его не привезли», «Милиционер у входа в архив не разрешил пронести в зал мой компьютер, а архивисты все время отклоняли мои запросы»).

Академический мир отдает предпочтение исследованиям, а не преподаванию, предлагая стимулы в форме стипендий и грантов для расширения возможностей для первого, сокращая при этом время, затрачиваемое на второе. Это, может быть, и оправданно, но вместо того, чтобы говорить о соперничестве этих двух видов научной деятельности, следует подчеркнуть их взаимодействие и взаимопомощь. Курс, который я вел по глобальной истории автомобиля, вырос из моей исследовательской программы, но также и придал ей новое понимание. Аналогичным образом, представление работ в процессе их написания не только рекламирует предстоящие публикации, но и, в идеале, их улучшает. Так получилось с несколькими редакциями «Сделок с дьяволом брежневской эпохи»: в кампусах Калифорнийского университета в Ирвине и Сан-Диего и в Центре изучения автомобильного наследия в Дирборне. А иногда конференции вызывают не только интерес, но и дают стимул к будущему сотрудничеству. Конференция по «революции» автомобилестроения после 1945 года, организованная московским отделением Германского исторического института (GHI) в феврале 2007 года, позволила мне возобновить знакомство с несколькими участниками от «АвтоВАЗа» и впервые встретиться с другими учеными [Grieger 2009; Siegel-

¹⁷ Этот водитель и есть, видимо, тот «москвич», которого я процитировал в предисловии: «Похоже, это будет очень маленькая книжка» [Siegelbaum 2008a: ix].

baum 2009]. Коринна Кур-Королев, очень способный замдиректора GHI и организатор конференции, сделала все, чтобы в институте было удобно пообщаться по завершении работы в конце дня. Еще более привлекательным было то, что институт располагался в одном здании с Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН), библиотека которого для моих целей могла сравниться только с Ленинкой¹⁸.

По возможности мы с Лесли старались путешествовать вместе. Конференции Ассоциации истории социальных наук в Европе и Северной Америке давали нам возможность представить свои работы в соответствующих областях, ее — по миграции, и мои — по истории труда и технологий. В марте 2007 года мы договорились о том, чтобы провести все наши занятия в Мичигане за несколько недель (плюс весенние каникулы), чтобы мы могли принять приглашение от Тулузского университета Ле Мирай и прочесть там лекции. Мы воспользовались возможностью осмотреть город и его великолепные окрестности: Каркассон, Альби, Нарбонн. Я выступил на университетском факультете славистики с докладом об автопробеге Москва — Кара-Кум 1933 года и на другом семинаре... о чем же?... о «Сделке с дьяволом». Как будто шестого раза недостаточно, а как насчет седьмого? Улетев из Тулузы через Париж в Тронхейм, я снова говорил о сделке для норвежской аудитории, которая казалась столь же холодной, как погода [Siegelbaum 2008]. Но ужин в ресторане с хозяином, венгерским иммигрантом Дьёрдем Петери, превзошел все ожидания: разное вино к каждому блюду; что там ответил Цуёши Хасэгава в ответ на мой вопрос: «К чему стремиться?»

Как ни печально, в эти годы, 2006–2008, болезнь Альцгеймера все больше мучила моего отца. Никогда не забуду его телефонный звонок в июле 2006 года. Он говорил о том другом человеке, который пытается получить над ним контроль, о том, чего он не знал и чего боялся. Его голос дрожал от испуга. Я чувствовал себя

¹⁸ Пожар 30 января 2015 года уничтожил более пяти миллионов книг в библиотеке ИНИОНа, и после пожара оттуда переехали Германский исторический институт и его французский аналог.

беспомощным. К тому времени я уже подозревал, что у него страшная болезнь, но этот звонок со всей беспощадностью подтвердил мои подозрения. Эти звонки домой, которые обычно ввергали меня в грусть, омрачали в остальном идеальный учебный год (2007–2008), который мы с Лесли провели как стипендиаты в Нидерландском институте перспективных исследований (NIAS). Каждый звонок оказывался повторением множества предыдущих. Многие пожилые люди дряхлеют к старости; папа впал в маразм, а затем превратился в ничто. Он еще узнавал меня, когда я заехал к нему в ноябре 2007 года по пути на конференцию AAASS в Новом Орлеане, и даже после того, как мы вернулись из Нидерландов в июне 2008 года. К тому времени он проживал в «блоке памяти» (нелепейшее название!) в пансионате для пожилых в Ардсли, Нью-Йорк, куда мои родители переехали годом раньше. Мама жила в апартаментах дальше по коридору. Она навсегда запомнила тот день, когда вошла в его комнату, а он спросил ее: «Вы здесь работаете?» Он умер в ноябре 2008 года, через два дня после избрания Барака Обамы президентом.

К тому времени, когда мы прибыли в NIAS, я закончил «Машины для товарищей» и отправил рукопись в «Cornell University Press», которое все еще возглавлял Джон Акерман. Мы с Джоном были знакомы давно; в свое время он предлагал мне опубликовать книгу о стахановском движении, и, хотя я тогда обратился в Кембридж, он ни минуты не колебался, когда я предложил ему свою книгу об автомобилях. Напротив, он воспринял ее как свой личный проект. Житель Итаки, штат Нью-Йорк, города, в свое время приютившего любителя машин, русского экспатрианта Владимира Набокова, Джон, казалось, был тронут таким странным соединением автомобилей и СССР. Он, наряду с двумя другими первыми читателями, прочел рукопись внимательно и с долей критики. Ни прежде, ни после я не работал столь тесно и плодотворно с редактором.

Джон помог мне выделить и подчеркнуть три оси, вокруг которых структурировалась бы книга: внешнее — внутреннее, государственное — частное, неизменность — перемены. Конечно, создание советского автомобиля не требовало изобретения вело-

сипеда, но советские машины не просто подражали другим; они приспособлялись к преобладающей среде, в частности политической и экологической. С юридической точки зрения советский автомобиль попадал в одну из двух категорий: государственной или личной собственности (но не частной, поскольку эта категория предполагала извлечение дохода). В реальной жизни многие «шишки» с доступом к государственным автомобилям использовали их в личных целях, а многие автовладельцы использовали их для получения прибыли. Даже грузовики, хотя и являлись по существу государственной собственностью, в конечном итоге оказывали нетрадиционные услуги: с них сливался и продавался бензин, они работали как грузовые такси, на них перевозили похищенное. Что касается третьей оси, значительные изменения произошли только в конце советского периода, когда завод «ВАЗ» в Тольятти начал массовое производство модели 2101, реплики «Фиат-124», которая известна как «Жигули» (или «Lada» в экспортной версии).

В книге утверждалось, что автомобили, рожденные в СССР, были советскими не только по месту и способу производства, но и исходя из того, как они использовались. Понимая их особенность, можно было бы показать «студентам, изучающим материальную культуру, <...> незнакомые им стороны предмета, долго ассоциировавшегося с промышленным капитализмом XX века», и в то же время тому, кто «изучает историю СССР, он поможет расстаться с некоторыми привычными шаблонами, основанными на верховенстве центральной политической власти и централизованной системе добычи ресурсов и их распределения» [Сигельбаум 2011: 23]. Другими словами, «если особенности советского социализма могут помочь нам лучше понять историю легковых и грузовых автомобилей, то советский автомобиль может помочь нам лучше понять советский социализм»¹⁹.

Такой двойственный новый взгляд был обусловлен моим желанием вернуться к советской истории таким образом, чтобы связать ее с другими сферами. Зачем «возвращаться»? Потому что

¹⁹ Цитируется моя заявка на грант в несколько фондов.

мне надоело повторять в социальной истории одно и то же, говорить об устойчивости простых людей в сталинскую эпоху, потому что я жаждал более широкого временного и географического полотна, на котором можно было бы нарисовать мою картину советской истории, и еще потому, что я был зачарован материальной культурой как таковой. Я хотел узнать что-то новое о том, каково быть советским, и автомобили позволяли осуществить это желание. По крайней мере, один из рецензентов, преподавательница русской литературы в Джорджтауне, поняла это. Она написала, что моя книга — это

альтернативная история, а точнее, <...> альтернативный взгляд на историю <...> повседневного объекта, близкого по своей ориентации к новому историзму, который открывает перспективы, отсутствующие в традиционной макроистории; это позволяет нам увидеть историю повседневности и тем самым разрушить существующие стереотипы [Fedorova 2010].

Именно так.

Все стипендиаты NIAS должны были представить пятиминутные резюме своих проектов, и такое мероприятие заслуживает, чтобы его широко и повсеместно внедрили в практику. Лишь немногие имели возможность более подробно обсудить свои работы, и я был в их числе. Большую часть дней мы с Лесли катались на велосипедах — тех больших голландских велосипедах, которые были для нас единственным видом транспорта в Вассенаре; мы проезжали по крошечному каналу через польдер, потом по засыпанным листвой улицам пригорода к главному зданию NIAS, отремонтированному особняку 20-х годов. Мы сидели в соседних офисах со стрельчатой крышей и комнатами достаточно большими, чтобы там поместился диван, на котором можно было не спеша почитать или подремать днем. Весь персонал — от Джо, американского экспатрианта — мастера на все руки, до библиотекаря Динди ван Маанен, Йооса Хутхюиса, руководителя аппарата, и до Вима Блокманса, ректора, — не только удовлетворял все наши потребности, но и часто предвидел их. Шеф института и его помощница, муж с женой, готовили обеды, которые

были единственным обязательным, и крайне приятным, мероприятием в нашем режиме дня.

Мы с Лесли вскоре поняли, что, в отсутствие каких-либо причин для жалоб, мы могли бы посвятить свое время другим стипендиатам, обсуждению работ друг друга и существенных вопросов, представляющих взаимный интерес. Обычно это происходило за обедом, хотя мы встречались и по вечерам. Израильская пара из Университета Хайфы жила несколькими этажами ниже нас в здании, расположенном в районе, который мы в шутку называли «пролетарским», в чрезвычайно богатом городке Вассенар. Они были среди наших ближайших друзей; кроме того, мы подружились с преподавательницей литературы из Голландии, которая жила в Лейдене со своим мужем-журналистом; с ирландским юристом, работавшим в исполнительных органах Евросоюза; клиническим социологом из Ратгерского университета. Я также нашел партнера по теннису, молодого парня из Мозамбика, который в своей стране занимался реституционным правосудием. Вместе с израильянами мы арендовали автомобиль и поехали осмотреть достопримечательности Зеландии, а потом с небольшой группой отправились на пароме на самый западный фризский остров Тексель, где взяли в прокат велосипеды. На полпути во время этой экскурсии мы обнаружили кладбище, где захоронены советские грузины, которые во время войны перешли на сторону Германии, пытались сбежать, когда ход войны повернулся, и встретили свою смерть — предположительно их расстреляли — в апреле 1945 года. В июне, к концу нашего пребывания, некоторые из нас успели пороскошествовать на умбрийской вилле, принадлежавшей ирландской ученой-правоведу и ее голландскому мужу.

В конце года нам раздали анкеты с вопросом, как NIAS помогла нам в исследованиях. Я истолковал этот вопрос так, что нужно ответить, как расширились мои интеллектуальные горизонты. Пришли на ум два разговора за обедом. Один из них начался с того, что мой партнер по теннису из Мозамбика порекомендовал книгу французского историка Аннет Вивьерки о том, как оценивать и использовать свидетельства очевидцев. Он посчитал ее книгу надежным руководством для своих исследований мира

и примирения. Я подумал, что это может мне помочь в формулировке критических замечаний по неоднозначной книге «Свидетели», которую я рецензировал для «The London Review of Books» [Wieviorka 2006]²⁰. Во втором разговоре женщина из Южной Африки небрежно обронила замечание о параллелях между историей ее страны после апартеида и Россией в посткоммунистическую эпоху. Ого, подумал я, это был бы интересный курс для совместного преподавания.

От NIAS мы также получили бесценный дар — время: время добиваться желаемого, проверять истинность авторитетов, удовлетворять свое любопытство, искать новые пути и следовать по ним. В моем случае, я так часто ссылаясь на сделку Фауста с дьяволом, что решил наконец познакомиться с классической пьесой Иоганна Вольфганга фон Гёте, основанной на немецкой легенде XVI века. Я уже знал (спасибо Ленину!), что «суха теория, мой друг, а древо жизни зеленеет»²¹. Романтический герой в версии Гёте, который делает все, чтобы преодолеть человеческие ограничения, удивил и взволновал меня. Я связывал такие стремления с буржуазным человеком и растущим ощущением его потенциальной власти на заре промышленной революции. «Всю высоту его, всю глубину; Все счастье человечества, все горе — Все соберу я в грудь свою одну, До широты его свой кругозор раздвину», — говорит Фауст [Гёте 1969: 23]. Неудивительно, что Гёте поклонялся Наполеону Бонапарту, думал я. Блуждая в своих мыслях, я размышлял об огромной роли, которую трансцендентность, очевидно, играла у таких немецких философов, как Иоганн Готлиб Фихте, Фридрих Шеллинг и Генрих фон Трейчке. Все они стремились разорвать узы политической беспомощности Германии конца XVIII — нача-

²⁰ Моя рецензия появилась в «The London Review of Books». 2008. April 10. Vol. 30. № 7. P. 13–14.

²¹ Ленин приводит эти строки из «Фауста» (часть 1, сцена 4) вскоре после цитирования слов Энгельса от 1886 года о том, что «наша теория — не догма, а руководство к действию». Ленин писал это вскоре после своего возвращения в Россию в начале апреля 1917 года в ответ на широкую поддержку Советов среди солдат и рабочих [Ленин 1967–1981: 134].

ла XIX веков. Маркс, отвергнув идеализм Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, нашел ключ к преодолению этого основного противоречия, тогда как ницшеанский сверхчеловек был, возможно, ближе всего к Гёте в своем нигилистическом пренебрежении моралью рода человеческого. У этого была и темная сторона: Карл Шмитт видел в нацистах средство преодоления ограничений бюрократических норм, а Мартин Хайдеггер, как печально известно, считал, что им присуща «внутренняя связь с существом истины»; все это можно увязать с Гёте.

Может быть, может быть. Но, будучи в NIAS и разобравшись с последними оставшимися задачами по «Машинам для товарищей», я обратил свое внимание на новый проект. Случилось так, что во время пятидесятой годовщины «Ехро-58», также известной как «Брюссельская всемирная выставка», я был в относительной близости к бельгийской столице. На случайной встрече с Рикой Девос, бельгийским историком архитектуры, я узнал, что в Королевском архиве в Брюсселе хранится множество материалов о советском павильоне. Может, и так, но с чего я так разволновался? Это напомнило мне о крестьянских ремесленных ярмарках в царской России? Или, может быть, меня заинтриговало возрождение темы, о которой я писал в книге о стахановцах, — использование техники, или, как я это назвал, «технологических чудес», для повышения престижа Советского Союза как внутри страны, так и за рубежом. Одно такое чудо приняло форму серебристого шара с усиками-антеннами, точной копии спутника, запущенного в октябре 1957 года. Год за годом на занятиях по советской истории я подчеркивал, что на конец 1950-х — начало 1960-х годов пришелся пик международного авторитета СССР, когда в США и на Западе в целом реально боялись, что Советский Союз победит в холодной войне. Во многом это было из-за спутника.

Я поехал на поезде из Гааги в Брюссель, чтобы прочесть на французском переписку бельгийских администраторов между собой и с советскими чиновниками. В марте 2008 года я провел две недели в ГАРФ в Москве, читая внутреннюю советскую переписку о планах работы выставочного павильона и о восприятии

публикой его экспонатов. Я также читал и материалы более широкого плана: о советской космической программе, о предыдущем советском участии в мировых выставках, о «мягкой силе» во время холодной войны; читал я и литературу по культурологии — о том, как в музеях и на выставках оформляется смысловое содержание. Из этого плотного рациона вышло несколько документов для конференций и одна статья, которую я опубликовал в специальном выпуске «Journal of Contemporary History» [Siegelbaum 2012a], а более ранний ее вариант — в сборнике о культуре советского освоения космоса [Maurer 2011: 170–188].

Из культурологических исследований я опирался на эссе 1980 года, написанное марксистским теоретиком культуры Стюартом Холлом²², под названием «Кодирование / декодирование». Я изменил терминологию Холла, введя промежуточное между производством и потреблением понятие репродукции. У каждого из этих трех компонентов была своя собственная исходная база: для «производства» — дискуссии за закрытыми дверями между членами организационного комитета советского павильона, рекомендации его консультативного совета и переписка с партийными чиновниками; для «репродукции» — опубликованные репортажи о реакциях на советский спутник посетителей советского павильона; для «потребления» — отзывы в книгах посетителей, сданных на хранение Советской торговой палатой в РГАЭ, а также комментарии в иностранных газетах и журналах. Эти разные виды материалов явно связаны и в каком-то смысле продуцируют друг друга. Свой очерк о том, как Советский Союз представлял себя иностранной аудитории и своим собственным гражданам, «Спутник едет в Брюссель», я неуверенно заключил:

²² Стюарт Холл (Stuart Hall, 1932–2014) — британский социолог культуры и массовых коммуникаций марксистского направления. Развивал марксистский подход к явлениям культуры, опираясь на идеи Антонио Грамши и Луи Альтюссера. Специалист по социологии культур протеста, массовых коммуникаций, популярной литературы. Главная новизна модели кодирования / декодирования состоит в том, что, по мнению Холла, каждый получатель декодирует получаемое сообщение по-своему, опираясь на свой культурный и прочий багаж. — *Примеч. ред.*

«Мало что говорит о том, что иностранные посетители, неблагоприятно настроенные [к Советскому Союзу], изменили свое отношение <...> на основании ими увиденного». Также утверждалось, что во многом невозможно определить, как советские граждане воспринимали пропаганду, хотя несколько жителей Ленинграда упоминали о запуске двух искусственных спутников в своих просьбах о ремонте своих квартир — другими словами, если уж удалось выполнить такую сложную задачу, то... [Siegelbaum 2012a: 135–136].

Во время пребывания в Вассенаре я узнал, что NIAS будет проводить конференции, организованные стипендиатами. Я сразу подумал о том, как хорошо было бы сравнить культуры и практики, связанные с автомобилями, в странах советского блока. Поскольку многие, чьи работы я уже знал или слышал о них, жили в Европе, путевые расходы были бы невелики. После положительного ответа на предварительный запрос я обратился к соответствующим сотрудникам NIAS. «Где вы возьмете финансирование?» — спросил меня добрый Ринк ван ден Бос, который контролировал кошельки NIAS. Увы, увы. Я пробормотал что-то невразумительное и выскользнул из кабинета. На помощь пришли Коринна Кур-Королев и Луминита (Лума) Гатейель. Совместно они составили план проведения конференции в Колледже сравнительной истории Европы Свободного Берлинского университета (Berliner Kolleg für Vergleichende Geschichte Europas, BKVGE), где Лума была аспирантом. Благодаря таланту убеждения Лумы мы получили финансирование от Некоммерческого Фонда Гертти (Gemeinnützige Hertie-Stiftung), а благодаря Коринне — из GHI. Я познакомился с Лумой на конференции в Москве в феврале 2007 года. Уроженка Румынии, она решила написать диссертацию о сравнении систем производства и распределения автомобилей в Румынии, СССР и Восточной Германии. Она показалась мне яркой и бесстрашной. Коринна стала моим соорганизатором и доверенным лицом. Из нас троих получилась прекрасная команда.

Перед отъездом в Берлин я кратко написал Джону Акерману о наших замыслах, приложив программу конференции:

Теперь эти документы у меня в руках, и я могу честно сказать, что они просто невероятны. Правда-правда. История автомобилей, как вы, возможно, уже поняли из моей книги, — это быстро растущая область исследований с невиданными прежде возможностями пролить новый свет на социальную, культурную и политическую историю. Когда мне пришло в голову организовать такую конференцию, я практически не имел понятия том, что на социалистические страны можно взглянуть в этом свете. А документы, поверьте мне, — свежие, глубокие, одним словом блестящие²³.

Я так их расхваливал! Но они искренне меня впечатлили и стали только лучше после конференции. В те выходные дни 12–13 июня 2008 года двенадцать ученых из девяти разных стран сидели за большим столом, обмениваясь рассказами об автомобилях в плачевных условиях Восточного блока. Документы эти неизбежным образом вписались в три категории, которые впоследствии определили структуру книги: системы производства и распространения; мобильность, городское планирование и жилье; автомобильные культуры [Siegelbaum 2011].

«Неизбежным образом», потому что, как однажды заметил коллега из УШМ, я думал триадами. Третья из частей состояла из глав, написанных Лумой, об общих элементах румынской, восточногерманской и советской практики; Курт Мёзер написал о ремонте «Трабантов» в Восточной Германии, я — о популярных ассоциациях с советскими водителями грузовиков (герои, профессионалы, одиночки, чтеры), Коринна — о женщинах-водителях в постсоветской России. Моя глава («Маленькие цари дорог») — одно из любимых моих произведений, вероятно, потому, что я первым ступил на эту территорию, по крайней мере с культурно-исторической точки зрения. Весь проект, по сути, радовал меня все время, от начала и до конца.

Это время совпало с переводом на русский язык «Машин для товарищей». Идея перевести ее, возможно, возникла, когда попу-

²³ Цитата из моего письма от 8 июня 2008 года.

лярный американский автомобильный журнал «Car & Driver» включил книгу в свой список рождественских подарков 2009 года. Я подумал: если книга пользуется такой популярностью среди автолюбителей в Соединенных Штатах, как насчет русских? Я также заметил, что выходит все больше и больше переводов исторических монографий, и начал задаваться вопросом: «Если такая-то книга может быть опубликована в русском переводе, почему не может моя?» Я обсудил этот вопрос с Коринной, чей коллега по институту знал Андрея Сорокина, управляющего директора российского издательства «РОССПЭН». Я позвонил Сорокину в Москву. Из записи нашего разговора следует, что я сказал ему: «Мой университет даст мне пять тысяч долларов на перевод книги, но только при условии, что я представлю им договор с издательством». Со своей стороны, Сорокин выразил заинтересованность, но в следующем письме отметил, что «“РОССПЭН” потребуются дотация в размере пяти тысяч долларов США <...> на переводчика, воспроизведение иллюстраций и покрытие других расходов». Где здесь курица и где яйцо? Вопрос решился 11 января 2010 года, когда канцелярия вице-президента по научным исследованиям и аспирантуре Мичигана сообщила мне, что профинансирует мое предложение на сумму пять тысяч долларов. Это устроило Сорокина, который составил договор.

«РОССПЭН» наняло переводчицу, и наша с ней переписка шла интенсивно, мы обсуждали вплоть до конца года. Самая труднорешаемая проблема возникла из-за моей манеры писать заметки: там не всегда были записаны оригинальные русские фразы, которые ей требовались. Благодаря опубликованным материалам и онлайн-источникам я смог получить оригиналы на русском языке, но как насчет архивных цитат? Сначала я пытался выдать свои переводы на русский язык за оригиналы, но она довольно скоро обнаружила мою хитрость и заставила меня признаться, что я просто не смог найти русские варианты. Тем не менее ей удалось с этим разобраться, и к весне 2011 года, когда мы с Лесли собирались приехать в Москву, чтобы начать еще один проект, «РОССПЭН» сообщило мне, что я могу забрать свои два бесплатных экземпляра.

Тот теплый солнечный день в конце мая, когда я вышел из офиса «РОССПЭН» на Профсоюзной, 82, в московском районе Черемушки, неся свои два экземпляра, запомнился мне как один из самых счастливых. Я сиял гордостью и дружелюбием. Когда я собирался войти на станцию метро «Калужская», ко мне подошла женщина лет сорока, чтобы спросить, как добраться до «Речного вокзала». Остальная часть нашего разговора, рассказанная несколькими годами позже от третьего лица, выглядит следующим образом:

«О, — ответил он, — это довольно далеко, но это не так сложно, — и показал на маленькую схему метро у нее в руках. — Вам надо выйти на “Третьяковской”, перейти на “Новокузнецкую”, а затем сесть на поезд до конца». Она, похоже, не понимала этих указаний. Тогда он предложил ехать вместе, по крайней мере до его места назначения. Когда они вошли в метро, стало ясно, что она понятия не имеет, что делать. После того как он провел ее через турникет, они подошли к эскалатору, она испугалась и схватила его за руку. «Можно заключить, — написали мы с Лесли, — что некоторые вещи не меняются, и приезжие из провинции по-прежнему боятся городских особенностей Москвы или Петербурга» [Siegelbaum 2014a: 147–148].

В тот раз я так и не понял, почему женщина так разволновалась, но настроение мое переменялось.

Эти годы, проведенные «в сети и в пути», совпали с тем, что моя карьера перевалила за середину и двигалась к концу: процесс равно неизбежный и незаметный. В какой-то момент, в конце этого процесса, у меня состоялся разговор с Шейлой Фицпатрик, который здесь послужит не только прекрасным завершением главы, но и иллюстрацией одной из центральных тем всех этих воспоминаний: моего двойственного отношения к академической жизни и моего нежелания отказаться от того, чтобы отождествлять себя со страдальцами, низшими по званию и чужаками. Меня близко затронула оскорбительная атака на «ревизионистов», причем многие из нас даже упоминались по имени, я метал громы и молнии и даже попытался привлечь Шейлу к какой-то контратаке. Ее ответ меня разочаровал, но теперь я могу понять ее точку

зрения: мы стали «истеблишментом». Заседая в редакционных и вузовских советах, председательствуя в наградных комиссиях и выступая с речами на конференциях, можно рассчитывать на определенную степень почтительного отношения. Тем не менее я сопротивляюсь тому, чтобы быть связанным с истеблишментом. Во мне все еще не исчезло ощущение несовершенства, неспособности добиться значительных изменений.

Думаю, что эти чувства во многом связаны с окончанием холодной войны. Признаюсь в некоторой ностальгии по холодной войне, когда ясно было, кто друг, а кто враг, важно (очевидно важно) было, на что делаются ставки, пусть даже я и хотел, чтобы она закончилась. Проблема в том, что, хотя я не ожидал и не желал откровенной победы СССР, абсолютное поражение и прекращение существования страны бесповоротно изменили понимание того вида истории, которую я писал наравне с другими. Четверть века спустя расклад изменился. Он теперь более размыт. Конечно, рынок для антикоммунистической истории времен холодной войны все еще существует. Я уже говорил здесь о ретроспективных взглядах на революцию 1917 года в связи с ее столетием, с их бессмысленными заявлениями о случайном характере прихода к власти большевиков [см., напр., McMeekin 2017; Mironov 2017: 351–370, и осторожный, но впечатляющий обзор четырех недавних книг, включая Макмикина, в Orlovsky 2017]. Несмотря на все наши усилия по представлению других тем и демонстрации их значимости, для широкой читательской публики советская история — это по-прежнему ГУЛАГ, жестокость Сталина, отсутствие свободы внутри страны и Советский Союз как тоталитарная империя. Подавление Путиным демократических практик внутри страны и ослабление российской военной мощи за рубежом только помогли сохранить, если еще более не укрепили эти акценты²⁴. Тем не менее переход к истории позднего социализма, то есть ко времени после сталинских десятилетий, сместил акценты с государственного принуждения, сопротивления и стратегии выжи-

²⁴ См. работы Энн Эпплбаум, особенно [Applebaum 2017], и Тима Снайдера, особенно [Snyder 2010, 2018].

вания («советская история сквозь слезы», как я однажды это назвал [Siegelbaum 2012b: 29]) на менее печальные темы личной жизни, потребления и материальной культуры, гендера и сексуальности, национальности и транснациональности в СССР, а также неправительственных контактов с внешним миром за пределами советских границ. В отличие от историографии эпохи холодной войны, большая часть такой литературы избегает бинарной оппозиции «Восток — Запад» в пользу изучения сходства, взаимодействия и взаимного формирования. Спорт, атомная энергетика, индустриализация сельского хозяйства, кинематограф — вот только некоторые из тем, иллюстрирующих этот подход. А кроме того, есть миграция — предмет, привлекательность которого заставила меня заново возродиться как профессионала.

Глава 8

Церковь миграции

«Мы были реальными единомышленниками, хотя и отделенными друг от друга расстояниями и лишенными такого сомнительного удовольствия, как электронная почта». Так я написал в одной из предыдущих глав, описывая когорту начинающих трудовых историков начала 1980-х. Это сообщество в конце концов распалось, как это происходит со многими, когда новые интересы сменяют старые, старые становятся похожи на клетку или просто устаревают. MSG, группе, расположенной ближе всего к дому, была свойственна большая стойкость не только из-за гениальности Рона Суни, но и потому, что она удовлетворяла наше желание быть в курсе исторической литературы, отражающей наши интересы и склонности, — таких книг, как «Провинциализация Европы» Дипеша Чакрабарты [Chakrabarty 2000], «Правление экспертов» Тимоти Митчелла [Mitchell 2002], «Салоника, город призраков» Марка Мазовера [Mazower 2004], «Краткая история неолиберализма» Дэвида Харви [Harvey 2005], «Изобретение деколонизации» Тодда Шепарда [Shepard 2006] и «Манифест Великой Хартии вольностей» Питера Лайнбо [Linebaugh 2008]. Многие из этих книг удовлетворяли еще одну мою потребность: составить список для старшекурсников по «Теории и методам исторического анализа», курса, который я читал примерно раз в два года.

Я не знал другого столь обширного сообщества, пока не переключил фокус своего внимания с производства на потребление и материальную культуру. Новая область привлекла меня сразу в нескольких отношениях. Я смог выйти за пределы сталинской эпохи, где я на некоторое время застрял, представить

новое сравнительное измерение советской истории и свежие, порой противоречивые, аргументы. Меня вдохновляло осмысление вопросов о том, как люди связаны с вещами и какова медиация между ними, особенно когда авторы соответствующих книг посвящали свои работы той или иной стране Восточного блока¹. Я получал истинное интеллектуальное удовольствие от встреч с искусствоведами, архитекторами и городскими историками, тем более что тропы, по которым мы вместе ходили, казалось, были если не совсем девственными, то по крайней мере лишь слегка протоптанными.

Тем не менее совместные усилия — организация семинаров и проведение конференций, редактирование книг, статьи в них и их рецензирование — практически не влекли за собой какого-либо политического участия, и, честно говоря, я жаждал суматохи эпохи холодной войны. В первые годы нового тысячелетия я познакомился с историками миграции, главным образом через Лесли, чьи «Движущиеся европейцы» стали центральным фактором долгосрочного изучения тенденций и моделей миграции [Moch 1992, 2003].

Обычно они принимали участие в европейских конференциях по истории социальных наук, которые Институт социальной истории в Амстердаме проводил раз в полгода. Среди них я, наверное, чаще всего виделся с Лео Лукасеном. Время от времени он приезжал в Штаты из Нидерландов, чтобы читать лекции, в том числе в Университете штата Мичиган. То же относится и к Дирку Хердери, немецкому историку, изучающему миграцию в Северную Америку, который в своей книге «Культуры в контакте» [Herder 2002] представил системы миграции в глобальном масштабе. Донна Габачча, историк европейской (первоначально итальянской) миграции в Соединенные Штаты, Хосе Мойя из Колумбийского университета и Нэнси Грин из Высшей школы социальных наук (École des hautes études en sciences sociales, EHESS) в Париже входили в круг близких друзей Лесли в этой области науки.

¹ Формирующее влияние на мое мышление в числе прочих оказали следующие книги: [Brown 2001; Reid 2005; Fehérváry 2009].

Эти историки миграции считали меня новым партнером Лесли, который занимается российской историей, а я завидовал их легкости, неформальности, оживленности их дискуссий и тому, как их работы резонируют с современностью. Слушая их и читая их труды, я также осознал, что история миграции открывает важное окно в трудовую историю. Мне пришло в голову, что по этому маршруту я мог бы снова вернуться к трудовой истории. Но если бы я это сделал, то теперь уже в более широком масштабе: не только революция и Гражданская война, не только межвоенный период, не только сталинская эпоха, а весь комплект в полном сборе.

Следует отдать должное Лесли: именно ей, а не мне, пришла в голову мысль объединить наши области знаний, чтобы вместе написать книгу о миграции в российском политическом пространстве в имперский, советский и постсоветский периоды. Она полагала, что это будет похоже на то, что она сделала в «Движущихся европейцах», книге, охватывающей несколько веков миграции. Она предоставит концептуальную основу и наметит сравнительные перспективы, а я сделаю всю работу по отслеживанию данных, само собой разумеется, делая заметки и переводя русскоязычные источники. Не все сложилось так. Во-первых, мы оба размышляли о концепциях. Например, почти в самом начале я сформулировал различие между управлением миграцией («режимом») и ее осуществлением («репертуаром»), т. е. между «политикой и практикой государства» и «политикой и практикой самих мигрантов», если процитировать ранний вариант неудачной заявки на грант. Это, вероятно, могло бы стать знаменательным вкладом книги в изучение миграции, свидетельствуя о том, что иногда и новички могут наметить новые перспективы. Во-вторых, хотя мы отслеживали мигрантов, установив своего рода водоразделы: Российская империя — СССР — постсоветская Россия, — наше первоначальное представление о том, что следует начать где-то в XVIII веке, не оправдало себя. Во время нашей первой исследовательской поездки в Москву в 2011 году, услышав, как я непрестанно ною о том, сколько всего предстоит сделать, Лесли спокойно спросила: «А что, если мы ограничимся XX ве-

ком? — и добавила: — Это все равно даст нам три политические рамки». Действительно, так оно и случилось. На ранней стадии размышлений и чтения источников по миграции в российском политическом пространстве один из нас объявил Лео, что мы намерены сделать. Он ответил сердечным «добро пожаловать, новообращенные, в церковь миграции», что очень обрадовало всех присутствующих. Но что делать дальше? Мы начали свои зарубежные исследования с поездки в Slaavilainen Kirjasto (Славянский отдел) Хельсинкской национальной библиотеки, которая вернулась на свое изначальное место рядом с Сенатской площадью. В 2011 году мы проводили все будние дни в мае-июне в библиотеке, где на открытых полках стояли толстые переплетенные тома «Записок Императорского Русского географического общества», «Вестника Европы», «Отечественных записок» и «Сибирских вопросов», если называть только те, к которым я непосредственно обращался. Если мне нужны были монографии или другие источники в книгохранилище, библиотекари, во главе с жизнерадостной и заботливой Ириной Луккой, извлекали их оттуда. На обед мы с Дэном Орловским отправлялись в кафетерий при финских архивах, в нескольких минутах ходьбы от библиотеки. Дэн, к тому времени уже житель Хельсинки со стажем, составлял нам компанию и по вечерам. Мы также много виделись с Кариной Тимонен, журналисткой на пенсии и старым другом еще с 1973 года. Не хватало только Ричарда Стайтса, на чьем месте в библиотеке в 2010 году была прикреплена памятная табличка, знак всеобщей любви.

Я начал с ходоков — явления малоизвестного, по крайней мере для людей некрестьянского происхождения. От ходоков зависели многие; они могли сообщить, стоит ли переселяться, и если да, то куда. Ходоки нас интересовали, потому что, как только государство начало поощрять крестьян из европейской части России к переселению на восток от Урала, оно старалось заинтересовать ходоков, предлагая им стимулы (например, снижение стоимости проезда по железной дороге) к сотрудничеству по официальным правилам. Тем не менее по разным причинам многие — а в некоторые годы и большинство ходоков — путешествовали неофици-

ально («самовольно»). Снова я почувствовал, что нахожусь среди своих, среди «обычных» людей, противостоящих властям, которые пытались их контролировать, но укротить не смогли. Ходоков ни в коем случае нельзя считать политическими борцами; они, как правило, политикой вообще не интересовались. В письменной форме от них сохранилось лишь немного. Тем не менее здесь присутствует тот безошибочный привкус необузданности, не ощутить который нельзя [Siegelbaum 2013c: 31–58].

«Когда я начал всерьез исследовать ходоков, — писал я, — то предполагал, что, поскольку они сильно зависели от царских комиссий по переселению, <...> их выживание после Октябрьской революции было маловероятным. Я ошибался». Затем я предположил, что «моя ошибка является показательной и говорит о том, <...> как мало внимания ученые уделяли добровольной миграции на большие расстояния в советское время, <...> как будто ГУЛАГ, особые поселения и депортация народов исключали такую возможность» [Siegelbaum 2013: 52–53].

Тема ходоков послужила отправной точкой для моего исследования добровольной миграции советского времени. За исключением того, что время от времени я проводил небольшие сравнительные исследования и много читал о миграции в постсоветской России, в целом я придерживался советского периода. На Лесли легла ответственность за миграцию из сельских районов в города в конце XIX — начале XX века, призыв и военную мобилизацию во время Первой мировой войны, сибирскую ссылку в изложении Джорджа Кеннана и других пытливых современников, а также оленеводство на Крайнем Севере. Последнее понравилось ей больше всего.

Мы долго спорили о том, как структурировать книгу, прежде чем решили, что организуем ее по категориям мигрантов. Мы начали с категории, подвергшейся принуждению в меньшей степени (переселенцев), и двинулись к категории депортированных (наиболее пострадавших), за исключением последней главы, посвященной тем, кто вообще избежал миграции или бросил вызов ее сложившимся режимам. Сюда относится пестрое множество странствующих людей, от оленеводов до казахских кочевых



Лесли Пейдж Мок у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, 2012 год

скотоводов, цыган, бродяг, сирот и странствующих нищих попрошаек. Для каждой категории нам следовало выяснить диапазон режимов и репертуаров миграции и пути их взаимодействия. Мы отслеживали режимы в основном через официальные документы — архивные, опубликованные и найденные онлайн, а также через газеты и вторичные источники. В такой обширной и разнообразной стране режимы (т. е. система управления миграцией) редко функционировали слаженно и без противоречий, поэтому наша история могла усложниться. К тому же в том, что касается перечисленных выше добровольно странствующих людей, власть перешла от миграционной политики к антимиграционной, то есть к способам контроля, задержания или иного ограничения передвижения людей.

Более сложными были репертуары миграции. Подобно тому как переселенцы полагались на сведения ходоков, для других видов мигрантов был характерен репертуар, включающий практики, специфические для их конкретных нужд. Сезонные мигранты, субъекты второй главы нашей книги, в довоенные десятилетия полагались на артель, самоуправляемую группу рабочих, часто из одной деревни. Примерно в 1950-х годах в прессе стали появлять-

ся упоминания о шабашниках — рабочих на неполный рабочий день, или же сезонных, которые, как правило, летом уезжали из городов, чтобы поработать в сельском хозяйстве и строительстве в деревнях, чтобы компенсировать растущий дефицит или низкую производительность труда в колхозах. Рискую задержанием и наказанием, они получали за работу серую зарплату, зарабатывая при этом за пару месяцев достаточно денег, чтобы потом «жить как короли» [Siegelbaum 2014a: 89]. Мигранты в города часто опирались на «силу слабых связей», то есть на своих дальних родственников или земляков [Granovetter 1973]; молодые специалисты и другие профессиональные мигранты неофициально договаривались, чтобы их отправили туда, куда они хотели, или, по крайней мере, чтобы избежать отправки в наименее привлекательные районы страны; демобилизованные солдаты, чьи дома были разрушены во время Великой Отечественной войны, или те, кто хотел начать жизнь заново на новом месте, получали помощь от сослуживцев, иногда переезжали к ним в Прибалтику; беженцы и эвакуированные изливали свои сердца в письмах властям, чтобы получить больше помощи или воссоединиться с родственниками; депортированные прибегали к хитрости и давали взятки, чтобы покинуть места поселения. Мы должны были по крохам извлекать детали этих и других репертуаров из источников, часто между строк читая официальные документы.

Мы разбавили общую аргументацию о взаимном формировании режимов и репертуаров личными историями, взятыми из воспоминаний, дневников и других источников. Мы не могли не отождествлять себя с некоторыми из людей, хотя наши списки фаворитов отличались. У меня это был М. В. Сумкин, крестьянин из Калужской губернии, в чьих воспоминаниях говорится о его желании построить «хорошую крестьянскую жизнь без вечной нужды, без частых неурожаев и без жестокого рабства на сельских кулаков»; шабашник Виктор Гальченко (возможно, псевдоним), который рассказал о своих авантюрных похождениях экономическому журналисту в конце 1980-х; Женья Баташева, восемнадцатилетняя еврейская девушка, которая, спасаясь от геноцида в Бабьем Яре, отправилась в путешествие, которое привело ее

в Ташкент, колхоз в казахских степях, Омск и, наконец, на Алтай в Сибири, где она воссоединилась со своим отцом в 1944 году. Лишь немногим менее запоминающимися были рассказы ветеранов войны, выложенные на замечательном и постоянно расширяющемся сайте «Я помню», открытом в 2000 году Артемом Драбкиным [Воспоминания].

Я был зачарован этими источниками, идентифицируя себя с этими людьми, как когда-то с рабочими, которые бросали вызов трудовой дисциплине и объясняли, почему поступали так. Я бы сказал, что такая эмпатия очень ценна, даже если близость с историческими субъектами иллюзорна. Так или иначе, я полюбил эту иллюзию.

Внутрисемейное сотрудничество отличалось от предыдущего опыта совместной работы с коллегами. Разговоры о домашних делах — что приготовить на обед, стоит ли вызывать сантехника насчет протечки в ванне — могли внезапно прерваться соображениями о том, как осмыслить «северные надбавки», советскую систему после ГУЛАГа, призванную заманить людей в отдаленные районы страны. У нас были разные рабочие привычки, и мы распределили обязанности так, чтобы учитывать наши различия. Мы периодически обменивались черновиками, иногда ежедневно, и неизбежно ссорились по поводу уместности той или иной конкретной фразы. Но в какой-то момент мы обнаружили, что сидим за обеденным столом и пишем вместе. Этот метод оказался удивительно эффективным. Как только один из нас начинал пробуксовывать, другой подхватывал идею и двигался вперед, до полного умственного изнурения, а потом мы менялись местами. Мы могли работать только около трех часов, потом нам обоим требовался перерыв, но даже при этом мы закончили несколько глав гораздо быстрее, чем когда обменивались порциями черновиков.

Оглядываясь назад, интересно отметить, как некоторые вещи странным образом сами по себе вставали на место, будто всегда там были. Например, я случайно наткнулся на статью 1967 года авиационного инженера Стефана Процюка, которой открывается книга. Картина Исаака Левитана «Поезд в пути. 1890-е», которую

мы выбрали для обложки книги, нашлась в интернете. Что касается названия книги, мы начали с нескольких довольно проходных вариантов, которые, по мнению Джона Акермана, не подходили. Очередной его ответ я получил во время приезда к маме. Должно быть, я рассказал ей о наших трудностях, потому что, когда мы сидели за ланчем в ресторане по соседству с домом престарелых, где она провела последние десять лет жизни, она удивила меня, сказав: «Давай посмотрим, может, придумаем название для вашей книги». Она даже предложила один вариант, что очень впечатляюще для человека на девяносто пятом году жизни. Хотелось бы мне вспомнить, что она предложила, потому что она подтолкнула меня припомнить слова («Широка страна моя родная») из «Песни о Родине», самой известной песни из музыкальной комедии 1936 года «Цирк». Эта строка — «Широка страна моя родная» — и дала название книге.

Прежде чем отправиться в путь, мы представили часть книги на месте. Мы, по отдельности и вместе, ездили за границу на конференции, чтобы представить документы о беженцах и эвакуированных в России XX века и о применимости концепции транснационализма к трансграничной внутренней миграции в Советском Союзе². Эти разговоры и дискуссии сопровождались как соразмерной критикой, так и похвалами. На конференции Ассоциации истории социальных наук в 2014 году в Торонто мы встретились с четырьмя «критиками» и приятно и полезно обменялись с ними мнениями. Отзывы о книге нас тоже порадовали. Даже рецензия в одном российском журнале, где оспаривалось наше акцентирование свободной воли мигрантов, отличалась в целом серьезным подходом к нашей аргументации. К своему удовлетворению скажу, что во введении к диссертации о сезонных мигрантах в последние десятилетия Советского Союза трудно обойти стороной тот факт, что этот подход опирается «на концептуальную основу взаимосвязанных поддерживаемых государ-

² О дискуссии в Европейском университете в Петербурге 9 марта 2016 года см. [Siegelbaum 2016a]. Статью по материалам этого проекта см. [Siegelbaum 2016b].

ством режимов и самостоятельно определяемых репертуаров миграции» [Burkush 2018: 5].

И все же, за исключением четырех аспирантов, которые в настоящее время получают степени под моим руководством, мне не удавалось уговорить специалистов по России перейти в «церковь миграции». Выяснилось, что влияние, которое преподаватель оказывает на формирование перспектив своих студентов, их привычек и даже рабочих целей, не настолько прямолинейно, как я когда-то думал. Иногда вещи, которыми я увлекаюсь, кажутся студентам абсолютно неинтересными. Но студенты обычно имеют довольно хорошее представление о том, чего можно ожидать от своих преподавателей, и такие отношения взаимовыгодны. Действительно, руководство аспирантами, может быть, единственное, что осталось от средневековых университетов, нечто сродни обучению ремеслу. Когда, как это у меня случилось дважды, студенты не могли получить степень, я чувствовал, что подвел их. При этом я восхищаюсь успехами тех студентов, которые после получения степени под моим руководством получили работу в науке или в сфере образования. Нечестно назвать имена некоторых, не упоминая остальных, но два студента заслуживают отдельных слов, пусть даже если здесь останутся безымянными. Один из них — из Южной Кореи, которому было нелегко частично из-за недостаточного владения английским, частично — из-за нежелания выдвигать оригинальные аргументы. Однако он выстоял, провел год в поле (Челябинск, Магнитогорск, Москва) и защитил очень достойную диссертацию. После получения степени он вернулся с женой и маленьким сыном в Южную Корею. Заняв исследовательскую должность в Университете Ханкук в Сеуле, он привлек меня в качестве одного из двух главных редакторов журнала, спонсируемого его работодателем. Журнал, которому уже восемь лет, выходит два раза в год (это журнал «REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia»). Оценка представленных материалов, вынесение суждений о политике и стандартах журнала, а также набор редакторов для рецензирования книг (случилось так, что это двое моих бывших студентов!) дают пищу моему интеллекту и смекалке, хотя иногда и испытывают мое терпение.

Другая бывшая студентка сумела объединить афроамериканскую и советскую истории таким образом, что это послужило во благо и той, и другой. Она многому научила меня в отношении расы в ее советском и ближайшем постсоветском контекстах и рассказала о том, как левые афроамериканцы воспринимали Советский Союз в 1920–30-х годах.

Напоследок я приберег описание одного из самых приятных переживаний, которое помогло уравновесить работу и семью, интеллектуальные удовольствия и отцовские обязанности. Когда-то в 2010 году Боб Эдельман, выдающийся историк советского спорта, обратился ко мне с предложением, чтобы вместе с Сасу мы написали эссе на тему «Класс и спорт» в Оксфордский справочник по истории спорта (The Oxford Handbook of Sports History), который Боб редактировал. Сасу, поступивший на магистерскую программу по журналистике в Университете Миссури, был не меньше моего заинтересован в том, чтобы попробовать. Мы обсудили с Сасу, страстным любителем футбола, что нам следует прочесть, выбрали несколько отличных монографий и воспользовались его двухнедельным приездом ко мне, чтобы скомпоновать что-то вместе. Расплачиваясь за поспешность в написании черновика, мы долго ждали, пока другие участники наверстают упущенное, но в конце концов в 2017 году справочник вышел в свет [Siegelbaum 2017b: 429–444]. И отец, и сын были довольны. Все у нас получилось.

Неоконченные мысли

«Вы всегда куда-то ездите», — каждые несколько месяцев говорит мне по телефону моя подруга Кэрролл, которая живет в Сиднее, Британская Колумбия, и сама немного путешествует. Большая часть моих поездок в последние годы была связана с семейными делами и ограничивалась Соединенными Штатами. Но многое связанное с работой уводило меня за границу. Это привилегия научного работника, особенно если учебное заведение покрывает большую часть расходов. В советское время поездка в Москву или другой советский город подразумевала вхождение не просто в другую страну, а в другой мир, Второй Мир. Независимо от того, сколько раз я ездил, независимо от того, хорошо ли я знал, как проехать на такси в город из аэропорта Шереметьево, я сразу же ощущал, что меня поглощает окружающее и — в этом сказывался большой опыт — я в чем-то становлюсь другим. Кем? Более решительным, но и более осторожным Льюисом. Мои исследовательские поездки всегда имели конечные, мною определенные цели, которые, несмотря на (иногда) чрезмерное употребление алкоголя и все упомянутые ранее трудности, требовали моей полной отдачи. Несмотря на всю суету и беспокойство по поводу визы, произвол советской бюрократии и другие раздражающие моменты, я дорожил этими визитами. В течение первых нескольких лет после 1991 года масштабы перемен в повседневной жизни сделали этот опыт не менее увлекательным. Но по мере того, как Россия все больше открывалась для иностранных инвестиций и зарубежных туристов, она теряла свою советскость и потусторонность. Возможности ощутить себя другим Льюисом, соответственно, уменьшались. Он становился все больше похож на Льюиса из Ист-Лансинга.

Поездки на конференции — еще один приятный бонус: можно повидать старых друзей, завести новых, пообедать в замечательных ресторанах, посетить музеи, сходить на концерты и даже полежать на пляжах, как это удалось нам с Лесли несколько лет назад в Валенсии, прежде чем сесть на автобус и поехать к месту проведения конференции. Тем не менее сейчас я не наслаждаюсь этим так же, как в прошлом. Не знаю, это из-за все более навязчивых режимов безопасности в аэропортах, более заполненных людьми самолетов или из-за того, что по мере того, как я становлюсь старше, я все больше беспокоюсь о том, чтобы прибыть вовремя, наладить связи и сориентироваться в непривычной обстановке. Наверное, причина во всем вышеперечисленном. Как Рихард, главный герой блестящего романа Дженни Эрпенбек [Erpenbeck 2015, 2017] о встречах профессора на пенсии с африканскими беженцами в Берлине, я нахожу все больше удовольствия в домашней рутине. Сгребать листья, косить газон, заваривать себе чай, смотреть викторину Алекса Требека «Рискуй!» — до чего ж комфортно. Вот почему, выйдя на пенсию, я стал гораздо более разборчив в отношении того, какие конференции посещать и какие исследования проводить. Ученые, которые считают необходимым рассказать мне, как далеко они продвинулись в своих проектах, сколько конференций посетили, насколько они загружены работой, поведать о других свидетельствах их успешности в ученом мире, вызывают у меня безразличие, возможно, даже жалость. Это тоже моя нынешняя привилегия.

У меня есть привилегии и во многих других отношениях: я белый мужчина, я вырос в Соединенных Штатах во время десятилетий экономического подъема, я сын родителей из среднего класса, которые так высоко ценили образование, я отец двух замечательных сыновей, я муж Лесли. Есть и еще кое-что, что, учитывая нынешнюю ситуацию в научных кругах, дает мне чувство привилегии: на своей постоянной должности я держался на плаву. На самом деле даже больше. Я шел шаг за шагом, собирая почести по пути. Я говорю это не из хвастовства, а с печалью. Число постоянных должностей, особенно в гуманитарных науках, неизменно сокращается, как высыхает ручеек в пустыне. Должности пенсио-

неров, как Лесли и я (с мая 2018 года), не сохраняются. В большинстве случаев они переходят в какое-то другое подразделение, которое администраторы считают более достойным, или на административные позиции. Действительно, то, что студентам трудно трудоустроиться в науке, о чем я писал выше, может быть напрямую связано с экспоненциальным расширением числа управленческих должностей, поскольку университеты ориентируются не на образование, а на корпоративную модель получения дохода. Данные за 2014 год говорят об увеличении более чем на 500 тысяч числа штатных единиц административно-хозяйственного аппарата в университетах и колледжах за 1987–2012 годы. Число сотрудников, не занятых на факультетах, увеличилось на 369 %, преподавателей на неполной ставке — на 286 %, внештатных преподавателей, занятых полный рабочий день, — на 259 % за 1976–2011 годы. При этом число постоянных преподавателей и ассистент-профессоров увеличилось на 23 % [Analysis 2014; Griffey 2017; Bousquet 2008].

Как я распоряжаюсь своими привилегиями? Это больной вопрос, потому что мозг кричит: «Недостаточно хорошо!» Я начал эти свои воспоминания с жизни подростка, для которого важны были теннис и коммунизм. Я все еще играю в теннис, хотя и не так хорошо, как в расцвете сил, но как насчет коммунизма? Я до сих пор считаю, как и Роза Люксембург в 1915 году [Luxemburg 1915], что это единственная реальная альтернатива капиталистическому варварству.

Буквально слышу, как мои коллеги переспрашивают: «Варварству?» Да, это так. Непрекращающееся стремление к прибыли теперь, как никогда прежде, ставит мир под угрозу, противопоставляя людей всем другим видам живых существ на планете более резко, чем когда-либо с момента расцвета капитализма. Что касается классовой борьбы, старого пугала врагов марксизма, то фараоны бы устыдились неравного распределения богатства и власти в современных капиталистических обществах, не в последнюю очередь в Соединенных Штатах. С точки зрения сокращения жизни и обнищания это тоже варварство.

Ах, скажете вы, «реально существующие» коммунистические государства тоже не слишком хорошо себя зарекомендовали.

Верно. Но мне пришлось почти всю жизнь проработать историком, чтобы в полной мере оценить две вещи, касающиеся Советского Союза как объекта изучения. Во-первых, коммунизм, который Ленин, а затем Сталин пытались построить, представлял собой ущербную его версию, определенную мировой войной, Гражданской войной и распадом государства, а также нетерпимостью к самим себе и своим товарищам, врожденным неприятием оппозиции и подозрительным отношением к внешнему миру. Иными словами, Россия, пусть и созревшая для коммунистической революции 1917 года, была ужасным местом для строительства коммунизма. Многие из тех же факторов относятся к Восточной Азии, Восточной Европе и Кубе.

Во-вторых, советские руководители, от Ленина до Брежнева и, возможно, даже Горбачева, разделяли со своими коллегами в «капиталистическом мире» веру в то, что применение передовых технологий, работающих на ископаемом топливе, является ключом к решению проблем, которые стояли перед их странами; в то же время ископаемые ресурсы они были склонны считать бесконечными или, по крайней мере, не уделяли достаточного внимания их ограниченности. Такое характерное для XX века отношение не могло продолжаться долго, не подвергая опасности жизнь на Земле. Сейчас мы все знаем это, но только другой вид посткапиталистического порядка, основанного на кардинально ином принципе существования в рамках бережного отношения к ресурсам планеты, может эффективно использовать это знание. Иначе не выживут дети наших внуков.

Мне легко судить из своей башни из слоновой кости. Это одна из моих привилегий. Вот почему, все эти годы спустя, я могу быть доволен тем, что воплотил свои юношеские амбиции и выяснил, что заставляло работать первое государство, управляемое коммунистами. Но, — как могут засвидетельствовать читатели этих воспоминаний, о каком бы достижении я ни говорил, всегда есть какое-то «но», — удовлетворение и самоуспокоенность эти не длятся долго. К лучшему то или к худшему, я все тот же человек, сын своего отца, все еще полон надежд, и, как сказал бы папа, «есть еще порох в пороховницах».

Источники

1968 — Columbia in Crisis, Columbia University Libraries. URL: <https://exhibitions.cul.columbia.edu/exhibits/show/1968/causes/mlk> (дата обращения: 29.10.2017).

Алексиевич 2014 — Алексиевич С. Время секунд хэнд. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2014.

Андерсон 2010 — Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / Пер. Ивана Куриллы. М.: Территория будущего, 2010.

Воспоминания — Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, сайт «Я помню». URL: www.iremember.ru (дата обращения: 18.01.2019).

Гёте 1969 — Гёте И. В. Фауст (пер. Н. Холодковский). М.: Детская литература, 1969.

Гетти, Козлов 1993 — Краткий путеводитель: фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом / Ред. Дж. А. Гетти, В. П. Козлов. М.: Благовест, 1993.

Карта 2018 — Карта истории. URL: <https://kartaistorii.ru> (дата обращения: 24.10.2019).

Катков 2006 — Катков Г. М. Февральская революция / Пер. Л. А. Игоревский; ред. Л. И. Глебовская. М.: Центрполиграф, 2006.

Круглый стол 1988 — Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 3–58.

Ленин 1958–1965 — Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. ПСС: В 55 т. 5-е изд. Т. 34. М.: Партиздат, 1958–1965.

Ленин 1967–1981 — Ленин В. И. ПСС: В 5 т. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1967–1981.

Ленфильм 1918 — Уплотнение. Ленфильм, 1918. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5kpA9RNCKS8> (дата обращения: 22.06.2020).

Нуйкин 1988 — Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 190–211.

Погодин 1930 — Погодин Н. Ф. Бакунинская коммуна. Л.: Балтийские верфи, 1930.

Селюнин 1988 — Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 1. С. 162–189.

Сталин 1947 — Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. В. Полн. собр. соч. Т. 13: Произведения 1930–1934 гг. М.: Политиздат, 1947.

Степанов 2005 — Итоговые рекомендации II Всероссийской научной конференции истории ОАО «АвтоВАЗ»: Уроки, проблемы, современность / Ред. А. Е. Степанов. Тольятти: ОАО «АвтоВАЗ», 2005.

Хрущев 2016 — Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть: В 2 кн. Кн. 2. М.: Вече, 2016.

Эль-Регистан 1934 — Эль-Регистан, Бронтман Л. Москва — Кара-Кум — Москва. М.: Советская литература, 1934.

Abramsky 2015 — Abramsky S. The House of Twenty Thousand Books. New York: New York Review of Books, 2015.

Alexievich 2016 — Alexievich S. Secondhand Time: The Last of the Soviets / Trans. B. Shayevich. New York: Random House, 2016.

Ames 2000 — Ames M., Taibbi M. The Exile: Sex, Drugs, and Libel in the New Russia. New York: Grove Press, 2000.

Analysis 2014 — New Analysis Shows Problematic Boom in Higher Ed Administrators // Huffington Post. 2014. February 6. URL: www.huffingtonpost.com/2014/02/06/higher-ed-administrators-growth_n_4738584.html (дата обращения: 20.06.2020).

Anderson 1974 — Anderson P. Lineages of the Absolutist State. Verso World History Series. 1st ed., 1974.

Annals — Books from the Annals of Communism Series, Yale UP. URL: <http://yalebooks.yale.edu/series/annals-of-communism-series> (дата обращения: 25.01.2019).

Applebaum 2017 — Applebaum A. The Red Famine: Stalin's War on Ukraine. New York: Doubleday, 2017.

Archives West — Campbell Farming Corporation Records, 1918–1975, Archives West. URL: <http://archiveswest.orbiscascade.org/ark:/80444/xv96804> (дата обращения: 13.03.2018).

Barnes 2018 — Barnes J. The Only Story. London: Jonathan Cape, 2018.

Bingham 2018 — Bingham C. The Whole World Is Watching: An Oral History of the 1968 Columbia Uprising. Vanity Fair. 2018. March 26. URL:

<https://www.vanityfair.com/news/2018/03/the-students-behind-the-1968-columbia-uprising/amp> (дата обращения: 22.06.2020).

Black Book 2002 — Ehrenburg I., Grossman V., eds. *The Complete Black Book of Russian Jewry*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2002.

Blackwell 1988 — *The Blackwell Encyclopedia of the Russian Revolution* / H. Shukman, ed. London: Blackwell, 1988.

Bomb 2003 — Bomb at UN's Base Seen as Inside Job // *Guardian Weekly*. 2003. August 28. P. 4.

Bousquet 2008 — Bousquet M. *How the University Works: Higher Education and the Low-Wage Nation*. New York: New York UP, 2008.

Boym 1994 — Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1994.

Burawoy 1979 — Burawoy M. *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism*. The University of Chicago Press, 1979.

Burawoy 1985 — Burawoy M. *The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism*. London: Verso, 1985.

Calamur 2014 — Calamur K. *Crimea: A Gift to Ukraine Becomes a Political Flashpoint* // *Parallels*, NPR. 2014. February 27. URL: <http://www.npr.org/sections/parallels/2014/02/27/283481587/crimea-a-gift-to-ukraine-becomes-a-political-flash-point> (дата обращения: 30.05.2020).

Campbell 1932 — Campbell T. D. *Russia: Market or Menace?* London: Longmans, Green and Co., 1932.

Clark 1981 — Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Indiana UP, 1981.

Cowie 2010 — Cowie J. *Stayin' Alive: The 1970s and the Last Days of the Working Class*. New York: The New Press, 2010.

Cronin 2018 — Cronin P., ed. *A Time to Stir: Columbia '68*. New York: Columbia UP, 2018.

Daly 2017 — Daly J. *The Pleiade: Five Scholars Who Founded Russian Historical Studies in the United States* // *Kritika* 2017. Vol. 18. № 4. P. 785–826.

Davis 1986 — Davis M. *Prisoners of the American Dream: Politics and Economy in the History of the US Working Class*. London: Verso, 1986.

Davis 1987 — Davis N. Z. *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France*. Stanford UP, 1987.

Deutscher 1968 — Deutscher I. *The Non-Jewish Jew and Other Essays*. London: Oxford UP, 1968; 2nd. Verso, 2017.

Dictionary 1989 — The Dictionary of the Russian Revolution / G. D. Jackson, R. J. Devlin, eds. New York: Greenwood, 1989.

Douglas 2008 — Douglas B. Greg Denning: Wayfinder in the Presents of the Past // *Journal of Pacific History*. 2008. Vol. 43. № 3. P. 359–366.

Drew 2009 — Drew B. A. Gibson's Grove & Turner's Landing: Lake Buel's Century as a Summer Resort. Great Barrington, MA: Attic Revivals, 2009.

Edensor 2002 — Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. London: Bloomsbury, 2002.

Ellison 1984 — Ellison H. J. Eastern Europe and USSR (appendix H) / Beyond Growth: The Next Stage in Language and Area Studies / Ed. R. D. Lambert et al. Washington, DC: Association of American Universities, 1984.

Erpenbeck 2015 — Erpenbeck J. Gehen, ging, gegangen: Roman. München: Albrecht Knaus Verlag, 2015.

Erpenbeck 2017 — Erpenbeck J. Go, Went, Gone / Trans. Susan Bernofsky. New York: New Directions, 2017.

Evans 2010 — Evans L. The Next Page: How We Punched It Out; From Mill Hunk Herald to Northside Chronicle // *Pittsburgh Post-Gazette*. 2010. November 28. URL: <http://www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2010/11/28/The-Next-Page-How-we-punched-it-out-From-Mill-Hunk-Herald-to-Northside-Chronicle/stories/201011280190> (дата обращения: 30.03.2015).

Fedorova 2010 — Fedorova M. Review of Lewis H. Siegelbaum, *Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile* // *Slavic and East European Journal*. 2010. Vol. 54. № 1. P. 205–206.

Feldman 1968 — Feldman B. The King Memorial — Why We Disrupted // *Up against the Wall* 3. 1968. April 22. № 1. P. 3: Columbia in Crisis, Columbia University Libraries. URL: <https://exhibitions.cul.columbia.edu/exhibits/show/1968/causes/m> (дата обращения: 29.10.2017).

Ferment 1970 — Ferment in the Universities // *Newsweek*. 1970. June 15. P. 66.

Ferber 1952 — Ferber E. *Giant*. Garden City, NY: Doubleday & Co., 1952.

Friedman 1990 — Friedman J. A New Light on a Dark Era // *Newsday*. 1990. February 18. P. 4–5.

Fukuyama 1989 — Fukuyama F. The End of History? // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3–18.

Fukuyama 1992 — Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press, 1992.

Garcelon 1997 — Garcelon M. The Shadow of the Leviathan: Public and Private in Communist and Post-Communist Society / Public and Private in

Thought and Practice; Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 303–332.

Gift — Siegelbaum L. The Gift of Crimea, Seventeen Moments in Soviet History. URL: <http://soviethistory.msu.edu/1954-2/the-gift-of-crimea/> (дата обращения: 17.11.2017).

Griffey 2017 — Griffey T. The Decline of Faculty Tenure: Less from an Oversupply of PhDs and More from the Systematic De-Valuation of the PhD as a Credential for College Teaching // LAWCHA: The Labor and Working Class History Association on 09.01.2017. URL: <https://www.lawcha.org/2017/01/09/decline-faculty-tenure-less-oversupply-phds-systematic-de-valuation-phd-credential-college-teaching> (дата обращения: 27.01.2019).

Guidelines 1990 — Guidelines for January 1990 Survey of Soviet Archives. Undated Memorandum from Brewster Chamberlin to Judith Davidson, Raul Hilberg, Edward Keenan, Louis [sic!] Siegelbaum.

Hardy 2003 — Hardy K. McPherson: Cool under Pressure // The State News. 2003. July 3.

Hellie 1977 — Hellie R. The Structure of Modern Russian History: Towards a Dynamic Model // Russian History 4. 1977. № 1. P. 1–22.

Hellie 1982 — Hellie R. Slavery in Russia, 1450–1725. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Hellie 1999 — Hellie R. Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

Holocaust Museum — United States Holocaust Museum Finding Aid RG-3 1 Ukraine. URL: https://www.ushmm.org/online/archival-guide/finding_aids/RG31010M.html (дата обращения: 06.08.2018).

Hook 1949 — Hook S. Should Communists Be Permitted to Teach? // New York Times. 1949. February 27.

Johnston 2003 — Johnston D. The Struggle for Iraq: Evidence; Plenty of Clues in Iraqi Crimes but Few Trails // New York Times. 2003. September 23. P. Sec. A13.

Josephine 1969 — Josephine Drexel Duke Is Engaged to John Marshall Geste Brown Jr. // New York Times. 1969. August 31. P. 49.

Kantor 2018 — Kantor J. An Overdue Apology // Columbia College Today 45. 2018. № 4.

Karatnycky — Adrian Karatnycky: Nonresident Senior Fellow, Eurasia Center, Atlantic Council. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/about/experts/list/adrian-karatnycky#fullbio> (дата обращения: 21.08.2018).

Katz 2018 — Katz J. A Tinderbox, Poised to Ignite // Columbia College Today 45. 2018. № 3. URL: <https://www.college.columbia.edu/cct /issue/spring18/article/tinderbox-poised-ignite> (дата обращения: 23.01.2019).

Kharkhordin 1997 — Kharkhordin O. Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia // Public and Private in Thought and Practice / Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 333–363.

Khrushchev 1974 — Khrushchev N. Khrushchev Remembers: The Last Testament / Ed. and trans. Strobe Talbott. Boston: Little, Brown, 1974.

Kinzer 1998 — Kinzer S. Chronicle of an Upheaval the World Couldn't See // New York Times. 1998. January 25.

Kirkland — Lane Kirkland // AFL–CIO: America's Unions URL: <https://aflcio.org/about/history/labor-history-people/lane-kirkland> (дата обращения: 21.08.2018).

Krevsky 2002 — Krevsky E. Stalinism in Its Own Words, review of Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents, by Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov. April 2002, H-Russia. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=6166> (дата обращения: 20.05.2020).

LaPierre 2012 — LaPierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.

Lewis 2001 — Lewis P. Michael Oksenberg, China Expert in Washington // New York Times. 2001. February 24. URL: <http://www.nytimes.com/2001/02/24/world/michael-oksenberg-62-china-expert-in-washington.html> (дата обращения: 22.06.20).

Luukkanen 2016 — Luukkanen A., Kauppala P. Monipuolinen Venäjä Tutkija // Helsingin Sanomat. 2016. April 6. P. 18.

Luxemburg 1915 — Luxemburg R. The Junius Pamphlet. URL: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1915/junius/ch01.htm> (дата обращения: 30.05.2020).

Manifesto 1969 — Weathermen Manifesto // New Left Notes 4. 1969. June 16. № 22. P. 3–4.

McCagg — William O. McCagg (1930–1993), Michigan State University, Department of History. URL: <http://history.msu.edu/william-o-mc-cagg-1930-1993> (дата обращения: 07.09.2018).

McMeekin 2017 — McMeekin S. The Russian Revolution: A New History. New York: Basic Books, 2017.

Menaker 1987 — Menaker D. *The Old Left*. New York: Knopf, 1987.

Menaker 2013 — Menaker D. *My Mistake, a Memoir*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

MERSH 1976–1994 — *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History (MERSH)* / Ed. J. L. Wiczynski et al. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1976–1994.

Mónica 2005 — Mónica M. F. *Bilhete de Identidade, Memórias 1943–1976*. Lisbon: Alêtheia Editores, 2005.

Nelson 2016 — Nelson A. *Saving Seventeen Moments in Soviet History, an Interview with Lewis Siegelbaum and James von Geldern* // ASEES NewsNet 56. 2016. № 1. P. 20.

Neuberger 1993 — Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: University of California Press, 1993.

Occupation 1968 — *The Occupation of Columbia University* // *Minerva* 6. 1968. № 4.

Orlovsky 2017 — Orlovsky D. *The Russian Revolution at 100: Four Voices* // *Slavic Review* 76. 2017. № 3. P. 763–771.

Ostrovsky 2015 — Ostrovsky A. *The Invention of Russia: The Journey from Gorbachev's Freedom to Putin's War*. London: Atlantic Books, 2015.

Palchikoff 1997 — Palchikoff K. *Magician Flies into Moscow* // *The Moscow Times*. 1997. September 10. P. 12.

Pappano 2012 — Pappano L. *The Year of the MOOC* // *New York Times*. 2012. November 2. Sec. ED26.

Penson — Max Penson, Nailya Alexander Gallery. URL: <http://www.nailyaalexandergallery.com/russian-photography/max-penson> (дата обращения: 25.01.2019).

Perestroika 1990 — *Documentary: Perestroika from Below*, produced by Daniel Walkowitz and Barbara Abrash. New York: Past Time Productions, 1990.

Polanyi 1944 — Polanyi K. *The Great Transformation*. Farrar & Rinehart, 1944.

Project 17 — URL: <https://project1917.com/>. Русская версия: URL: <https://project1917.ru> (дата обращения: 24.01.2019).

Reid 2000 — Reid S. E., Crowley D., eds. *Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*. Oxford: Berg, 2000.

Rosenberg 1953 — Rosenberg E. *The Death House Letters of Ethel and Julius Rosenberg*. New York: Jero, 1953.

Rosenzweig 2003 — Rosenzweig R. Scarcity or Abundance? Preserving the Past in a Digital Era // *American Historical Review* 108. 2003. № 3. P. 739.

Russian Archive — The Russian Archive Project. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/history/getty/RAS.html> (дата обращения: 25.01.2019).

Russian Archives — Russian Archives Online. URL: <http://www.pbs.org/redfiles/rao/about/manag.html> (дата обращения: 26.01.2019).

Said 1979 — Said E. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979.

Sheehy 1970 — Sheehy G. The Men of Women's Liberation Have Learned Not to Laugh // *New York Magazine*. 1970. May 18. P. 32. URL: <https://books.google.com/books?id=8OICAAAAMBAJ&pg=PA28&lpg=PA28&dq=little+bundle+of+acrimony+on+every+doorstep&source=bl&ots=vvoEkEmMAe&sig=ACfU3U3IuethVsl1Wwx9j8API2Z7YShEQ&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwjYoIr5qIngAhUKQK0KHZtsAqQQ6AEwEnoECAoQAQ#v=onepage&q=little%20bundle%20of%20acrimony%20on%20every%20doorstep&f=false> (дата обращения: 24.01.2019).

Sloane 1972 — Sloane L. *Woman in Business* // *New York Times*. 1972. February 20. P. 7.

Slums — Siegelbaum L. The Khrushchev Slums, Seventeen Moments in Soviet History. URL: <http://soviethistory.msu.edu/1961-2/the-khrushchev-slums/> (дата обращения: 23.10.2017).

Snyder 2010 — Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010.

Snyder 2018 — Snyder T. *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan, 2018.

St. Antony 2017 — Antony's College, What's On: Roger Brew Memorial Seminar, May 4, 2017. URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/events/roger-brew-memorial-seminar-regional-disparities-pre-industrial-economy-gdp-capita-colombian> (дата обращения: 25.05.2020).

Stern 1968 — Stern M. Walkout Disrupts Memorial to King // *Columbia Spectator*. 1968. April 10. P. 1. URL: <https://exhibitions.cul.columbia.edu/exhibits/show/1968/causes/mlk> (дата обращения: 29.10.2017).

Still 2008 — Still More 1968: Discipline and Rubbish // *Columbia Daily Spectator* 132. 2008. April 17. № 55.

Sugrue 1996 — Sugrue T. J. *The Origins of the Urban Crisis: Race and Inequality in Postwar Detroit*. Princeton UP, 1996.

Townsend 1997 — Townsend R. B. *Precedents: The Job Crisis of the 1970s* // *Perspectives on History* 35. 1977, April. № 4. P. 16–18.

Townsend 2009 — Townsend R. B. History in Those Hard Times: Looking for Jobs in the 1970s // Perspectives on History 47. 2009, September. № 6. P. 33–35.

Tributes 1997 — Tributes to Raphael Samuel // New Left Review. 1997. № 221. P. 119–127.

Tuition 1967 — Tuition Will Increase by \$200; Rise in Room Rates is Unlikely // Columbia Daily Spectator. 1967. December 19. URL: <http://spectatorarchive.library.columbia.edu/?a=d&d=cs19671219-01.2.7&srpos=1&dliw> (дата обращения: 20.05.2020).

Verdery 2018 — Verdery K. My Life as a Spy: Investigations in a Secret Police File. Durham: Duke UP, 2018.

Vials 2003 — Vials J. Decoding Media Lies about the Bomb at Baghdad UN HQ // IndyMedia UK. 21.08.2003. URL: www.indymedia.org.uk/en/2003/08/275949.html (дата обращения: 14.05.2003).

Vietnam Project — Vietnam Project Archives, University Archives and Historical Collections, Michigan State University. URL: http://archives.msu.edu/collections/vietnam_msug.php (дата обращения: 11.07.2017).

Waddell 1996 — Waddell T. Gay Olympian: The Life and Death of Dr. Thomas Waddell, with Dick Schaap. New York: Alfred A. Knopf, 1996.

Wolf 1982 — Wolf E. Europe and the People Without History. University of California Press, 1982.

Women's History 2003 — Journal of Women's History 15. 2003. № 1.

Библиография

Воронкова 1999 — Воронкова С. В. Школа Валерия Ивановича Бовыкина (К вопросу о традициях и новаторстве в развитии советской исторической науки) // Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 31–49.

Дякин 1967 — Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914–1917. Л.: Наука, 1967.

Лаверичев 1967 — Лаверичев В. Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М.: Мысль, 1967.

Сигельбаум 2011 — Сигельбаум Л. Г. Машины для товарищей: Биография советского автомобиля. М.: РОССПЭН, 2011.

Сидоров 1973 — Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.

Соколов 1998 — Соколов А. Общество и власть, 1930-е годы: Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998.

Amar 2015 — Amar T. C. The Paradox of Ukrainian Lviv: A Borderland City between Stalinists, Nazis, and Nationalists. Ithaca, NY: Cornell UP, 2015.

Andrle 1988 — Andrle V. Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy. New York: St. Martin's Press, 1988.

Around the Nation 2010 — Around the Nation: Ex-Student Recalls '68 Columbia University Protests, All Things Considered // National Public Radio. 2010. February 21. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story> (дата обращения: 12.12.2010).

Avorn 1969 — Avorn J. Up against the Ivy Wall: A History of the Columbia Crisis. New York: Atheneum Press, 1969.

Bailes 1977 — Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton UP, 1977.

Bailes 1981 — Bailes K. The American Connection: Ideology and the Transfer of American Technology to the Soviet Union, 1917–1941 // *Comparative Studies in Society and History* 23. 1981. № 3. P. 421–448.

Beer 2008 — Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, NY: Cornell UP, 2008.

Benvenuti 1988 — Benvenuti F. *Fuoco sui sabotatori! Stachanovismo e organizzazione industriale in URSS, 1934–1938*. Rome: V. Levi, 1988.

Bettelheim 1974 — Bettelheim C. *Les luttes de classes en U.R.S.S., 1re période: 1917–1923*. Paris: Le Seuil, Maspero, 1974.

Bettelheim 1977 — Bettelheim C. *Class Struggles in the U.S.S.R. First Period: 1917–1923* / Trans. by B. Pearce. New York: Monthly Review Press, 1977.

Blainey 1966 — Blainey G. *The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australia's History*. Melbourne: Macmillan, 1966.

Braverman 1974 — Braverman H. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press, 1974.

Brenner 1987 — The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe / T. H. Aston, ed. Cambridge UP, 1987.

Brent 2017 — Brent J. The Order from Lenin: Find Some Truly Hard People // *New York Times*. 2017. May 22. URL: // https://www.nytimes.com/2017/05/22/opinion/lenin-stalin-bolshevism-soviet-russia.html?_r=0 (дата обращения: 21.06.2020).

Brinton 1965 — Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. New York: Vintage, 1965.

Brown 2001 — Brown K. Gridded Lives: Why Kazakhstan and Montana Are Nearly the Same Place // *American Historical Review* 106. 2001. № 1. P. 17–47.

Brown 2015 — Brown K. *Dispatches from Dystopia: Histories of Places Not Yet Forgotten*. Chicago: University of Chicago Press, 2015.

Burkush 2018 — Burkush K. *Inglorious Heroes of Labor: Transcarpathian Seasonal Workers During Late Socialism*, PhD thesis, Department of History and Civilization, European University Institute, Florence, Italy, 2018.

Bushnell 1980 — Bushnell J. The New Soviet Man Turns Pessimist // *The Soviet Union since Stalin* / Ed. by S. F. Cohen, A. Rabinowitch, R. Sharlet. Bloomington: Indiana UP, 1980. P. 179–199.

Chakrabarty 2000 — Chakrabarty D. *Provincializing Europe*. Princeton UP, 2000.

Chase 1987 — Chase W. *Workers, Society, and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918–1929*. Urbana: University of Illinois Press, 1987.

Chase 1988 — Chase W., Siegelbaum L. *Work Time and Industrialization in the USSR, 1917–1941 // Worktime and Industrialization: An International History / Ed. by G. Cross*. Philadelphia: Temple UP, 1988. P. 183–216.

Clendinnen 1999 — Clendinnen I. *Reading the Holocaust*. Cambridge: Cambridge UP, 1999.

Clover 2016 — Clover J. *Riot, Strike, Riot: The New Era of Uprisings*. London: Verso, 2016.

Cohen 1965 — Cohen S. F., Tucker R. C. *The Great Purge Trial*. New York: Grosset & Dunlap, 1965.

Cohen 1973 — Cohen S. F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*. New York: Knopf, 1973.

Crowley 1997 — Crowley S. *Hot Coal, Cold Steel: Russian and Ukrainian Workers from the End of the Soviet Union to the Post-Communist Transformations*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.

Edwards 1979 — Edwards R. *Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century*. New York: Basic Books, 1979.

Engel 1983 — Engel B. A. *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia*. Cambridge: Cambridge UP, 1983.

Eribon 2013 — Eribon D. *Returning to Reims / Trans. Michael Lucey*. South Pasadena: Semiotext(e), 2013.

Fehérváry 2009 — Fehérváry K. *Goods and States: The Political Logic of State-Socialist Material Culture // Comparative Studies in Society and History* 51. 2009. № 2. P. 426–459.

Filtzer 1986 — Filtzer D. A. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. 1st ed. N. Y.: M. E. Sharpe, 1986.

Fine 2004 — Fine L. M. *The Story of Reo Joe: Work, Kin, and Community in Autotown, U.S.A.* Philadelphia: Temple UP, 2004.

Fitzpatrick 1970 — Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921*. Cambridge: Cambridge UP, 1970.

Fitzpatrick 1979 — Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge UP, 1979.

Fitzpatrick 2014 — Fitzpatrick S. *A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia*. London: I. B. Tauris, 2014.

Friedgut 1989 — Friedgut T. *Iuzovka and Revolution: Life and Work in Russia's Donbass, 1869–1924*. Princeton, NJ: Princeton UP, 1989.

Friedgut 1990 — Friedgut T. H., Siegelbaum L. H. *The Soviet Miners' Strike, July 1989, Perestroika from Below // The Carl Back Papers in Russian and East European Studies*. 1990. № 804.

Geldern 1995 — Geldern J. von, Stites R., eds. *Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays, and Folklore, 1917–1953*. Bloomington: Indiana UP, 1995.

Geldern 1998 — Geldern J. von, McReynolds L., eds. *Entertaining Tsarist Russia: Tales, Songs, Plays, Movies, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life, 1779–1917*. Bloomington: Indiana UP, 1998.

Goff 2019 — Goff K. A., Siegelbaum L. H., eds. *Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands*. Ithaca: Cornell UP, 2019.

Granovetter 1973 — Granovetter M. S. *The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology* 78. 1973. № 6. P. 1360–1380.

Grieger 2009 — Grieger M., Gutzmann U., Schlinkert D., eds. *Towards Mobility: Varieties of Automobility in East and West*. Wolfsburg: Volkswagen AG, 2009.

Gross 1974 — Gross B. *Willi Münzenberg: A Political Biography*. East Lansing: Michigan State UP, 1974.

Haimson 1964–1965 — Haimson L. *The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review* 23. 1964. № 4. P. 619–642; 24. 1965. № 1. P. 1–22.

Haraszti 1977 — Haraszti M. *A Worker in a Worker's State: Piece-Rates in Hungary*. Harmondsworth: Penguin, 1977.

Harvey 2005 — Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford UP, 2005.

Hasegawa 2017 — Hasegawa Tsuyoshi. *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*. Belknap Press, 2017.

Heins 2013 — Heins M. *Priests of Our Democracy: The Supreme Court, Academic Freedom, and the Anti-Communist Purge*. New York: New York UP, 2013.

Herder 2002 — Dirk H. *Cultures in Contact: World Migrations in the Second Millennium*. Duke UP, 2002.

Hilberg 1961 — Hilberg R. *The Destruction of the European Jews*. Chicago: Quadrangle, 1961.

Hilsman 1967 — Hilsman R. *To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy*. Garden City, NY: Doubleday, 1967.

Hoffmann 1994 — Hoffmann D. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941*. Cornell UP, 1994.

Holquist 2002 — Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard UP, 2002.

Hunt 1989 — Hunt L. *New Cultural History*. University of California Press, 1989.

Husband 2000 — Husband W. *Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932*. DeKalb: Northern Illinois UP, 2000.

Keane 1988 — Keane J., ed. *Civil Society and the State: New European Perspectives*. London: Verso, 1988.

Khalid 2006 — Khalid A. *Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective* // *Slavic Review* 65. 2006. № 2. P. 231–251.

Khalid 2015 — Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca, NY: Cornell UP, 2015.

Kitching 1989 — Kitching G. N. *Development and Underdevelopment in Historical Perspective: Populism, Nationalism, and Industrialization*. London: Routledge, 1989.

Klehr 1999 — Klehr H., Haynes J. E. *Venona: Decoding Soviet Espionage in America*. New Haven, CT: Yale UP, 1999.

Kleinsinger 1954 — Kleinsinger G., Tripp P. *Tommy Pitcher: A Folk Opera*. New York: Chappell, 1954.

Koenker 1995 — Koenker D. *Factory Tales: Narratives of Industrial Relations in the Transition to NEP*, Paper presented at the Fifth World Congress for Central and East European Studies, Warsaw, August 1995.

Koenker 2017 — Koenker D. *Talkin' about Class Formation* // *Kritika* 18. 2017. № 2. P. 377–388.

Kotkin 1994 — Kotkin S. *Coercion and Identity, Workers' Lives in Stalin's Showcase City* // *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity* / Ed. by L. H. Siegelbaum, R. G. Suny. Ithaca, NY: Cornell UP, 1994.

Kotkin 1995 — Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. University of California Press, 1995.

Kotsonis 2000 — Kotsonis Y., Hoffmann D. L., eds. *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*. New York: St. Martin's Press, 2000.

Kunen 1969 — Kunen J. S. *The Strawberry Statement: Notes of a College Revolutionary*. New York: Random House, 1969.

Kuromiya 1988 — Kuromiya Hiroaki. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932*. Cambridge: Cambridge UP, 1988.

Lampert 1979 — Lampert N. *The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935*. London: Macmillan, 1979.

Landes 1988 — Landes J. B. *Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution*. Cornell UP, 1988.

Lewin 1966 — Lewin M. *La paysannerie et le pouvoir soviétique, 1928–1930*. Paris: Mouton, 1966.

Lewin 1968 — Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. New York: Pantheon, 1968.

Lewin 1974 — Lewin M. *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton, NJ: Princeton UP, 1974.

Lewin 1975 — Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. New York: Norton, 1975.

Lewin 1978 — Lewin M. *Society, State, and Ideology during the First Five-Year Plan // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. by S. Fitzpatrick*. Bloomington: Indiana UP, 1978. P. 41–77.

Lewin 1985 — Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: Pantheon, 1985.

Lieberstein 1975 — Lieberstein S. *Technology, Work and Sociology in the USSR: The NOT Movement // Technology and Culture* 16. 1975. № 1. P. 48–67.

Linebaugh 1991 — Linebaugh P. *The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century*. London: Verso, 1991.

Linebaugh 2008 — Linebaugh P. *The Magna Carta Manifesto: liberties and commons for all*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2008.

Mason 1975 — Mason T. *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft: Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik, 1936–1939*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975.

Maier 1970 — Maier C. S. *Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s // Journal of Contemporary History* 5. 1970. № 2. P. 27–61.

Maier 1990 — Maier R. Die Stachanov-Bewegung, 1935–1938. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.

Maurer 2011 — Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies / E. Maurer, J. Richers, M. Rüthers, C. Scheide, eds. London: Palgrave Macmillan, 2011.

Mazower 2004 — Mazower M. Salonica, City of Ghosts. Harper Collins, 2004.

McAuley 1969 — McAuley M. Labour Disputes in Soviet Russia, 1957–1965. Oxford: Clarendon Press, 1969.

McDaniel 1988 — McDaniel T. Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. University of California Press, 1988.

McFadden 2018 — McFadden R. D. Evelyn Berezin, 93, Dies; Built the First True Word Processor // New York Times. 2018. December 10. Sec. A25.

McKay 1970 — McKay J. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Meiklejohn 1949 — Meiklejohn A. Should Communists Be Allowed to Teach? // New York Times. 1949. March 27.

Meiklejohn 1964 — Dr. Alexander Meiklejohn Dead; Champion of Academic Freedom; Ex-President of Amherst Was 92 — Philosopher Received Medal of Freedom in '63 // New York Times. 1964. December 17. P. 41.

Mironov 2017 — Mironov B. Cannon Fodder for the Revolution: The Russian Proletariat in 1917 // Kritika 18. 2017. № 2. P. 351–370.

Mitchell 2002 — Mitchell T. Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity. University of California Press, 2002.

Moch 1992 — Moch L. P. Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650. Bloomington: Indiana UP, 1992.

Moch 2003 — Moch L. P. Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650. Bloomington: Indiana UP, 1992; 2nd ed., 2003.

Murphy 2005 — Murphy K. Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Haymarket Books, 2005.

Nelson 2006 — Nelson A. A Hearth for a Dog: The Paradoxes of Soviet Pet Keeping // Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia, ed. L. H. Siegelbaum. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 123–144.

Niethammer 1969 — Niethammer L. Angepasster Faschismus: Politische Praxis der NPD. Frankfurt: S. Fischer, 1969.

Nove 1964 — Nove A. Was Stalin Really Necessary? Some Problems of Soviet Political Economy. London: Allen & Unwin, 1964.

Nove 1969 — Nove A. An Economic History of the U.S.S.R. London: Allen Lane, 1969.

Peukert 1976 — Peukert D. Ruhrarbeiter gegen den Faschismus: Dokumentation über den Widerstand im Ruhrgebiet 1933–1945. Frankfurt: Röderberg-Verlag, 1976.

Pipes 1974 — Pipes R. Russia under the Old Regime. London: Weidenfeld and Nicolson, 1974.

Rasell 2013 — Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy, and Everyday Life. New York: Routledge, 2013.

Reid 2005 — Reid S. E. The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // Journal of Contemporary History 40. 2005. № 2. P. 289–316.

Ross 1989 — Ross A. No Respect: Intellectuals and Popular Culture. Routledge, 1989.

Rossman 2005 — Rossman J. J. Worker Resistance Under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Harvard UP, 2005.

Rothschild 1966 — Rothschild J. Pilsudski's Coup d'État. New York: Columbia UP, 1966.

Rothschild 1974 — Rothschild J. East Central Europe between the Two World Wars. Seattle: University of Washington Press, 1974.

Rothschild 1989 — Rothschild J. Return to Diversity: A Political History of East Central Europe since World War II. New York: Oxford UP, 1989.

Samuel 2006 — Samuel R. Lost World of British Communism. London: Verso, 2006.

Sanborn 2003 — Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois UP, 2003.

Schuessler 2018 — Schuessler J. Columbia's Uprising: A 50-Year-Old Legacy // New York Times. 2018. March 22. Sec. C1.

Scott 1986 — Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review 91. 1986. № 5. P. 1053–1075.

Sebestyen 2017 — Sebestyen V. Lenin: The Man, the Dictator, and the Master of Terror. New York: Pantheon Books, 2017.

Sewell 1993 — Sewell W. H. Jr. *Toward a Post-Materialist Rhetoric for Labor History // Rethinking Labor History* / Ed. L. R. Berlanstein. Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. 15–38.

Sewell 2005 — Sewell W. H. Jr. *The Logics of History: Social Theory and Social Transformations*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Shepard 2006 — Shepard T. *The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France*. Ithaca, Cornell UP, 2006.

Shlapentokh 1984 — Shlapentokh V. *Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practices*. New York: Praeger, 1984.

Shlapentokh 1989 — Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York: Oxford UP, 1989.

Shukman 2006 — Shukman H. *War or Revolution: Russian Jews and Conscription in Britain 1917*. London: Vallentine Mitchell, 2006.

Siegelbaum 1975 — Siegelbaum L. H. *The War-Industries Committees and the Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1915–1917*. DPhil thesis, University of Oxford, 1975.

Siegelbaum 1978 — Siegelbaum L. H. *Another Yellow Peril: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies* 12. 1978. № 2. P. 307–330.

Siegelbaum 1979 — Siegelbaum L. H. *Peasant Disorders and the Myth of the Tsar: Russian Variations on a Millenarian Theme // Journal of Religious History* 10. 1979. № 3. P. 225–235.

Siegelbaum 1980 — Siegelbaum L. H. *The Odessa Grain Trade: A Case Study in Urban Growth and Development in Tsarist Russia // Journal of European Economic History* 9. 1980. № 1. P. 113–151.

Siegelbaum 1982 — Siegelbaum L. H. *Socialist Competition and Socialist Construction in the USSR: The Experience of the First Five-Year Plan (1928–1932) // Thesis Eleven*. 1982. № 4. P. 48–67.

Siegelbaum 1983 — Siegelbaum L. H. *The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees*. London: Macmillan, 1983.

Siegelbaum 1984a — Siegelbaum L. H. *Soviet Norm Determination in Theory and Practice, 1917–1941 // Soviet Studies* 36. 1984. № 1. P. 45–68.

Siegelbaum 1984b — Siegelbaum L. H., Morgan M. *'State' vs. 'Society' in Tsarist and Soviet History // Radical History Review*. 1984. № 28–30. P. 90–112.

Siegelbaum 1986a — Siegelbaum L. H. Production Collectives and Communes and the 'Imperatives' of Soviet Industrialization, 1929–1931 // *Slavic Review* 45. 1986. № 1. P. 65–84.

Siegelbaum 1986b — Siegelbaum L. H. The Making of Stakhanovites, 1935–1936: American Historical Association's ninety-eighth annual meeting, San Francisco, December 27, 1983 // *Russian History / Histoire Russe* 13. 1985. № 2–3. P. 259–292.

Siegelbaum 1988 — Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies, 1st ed. Cambridge UP, 1988.

Siegelbaum 1989a — Siegelbaum L. H. Behind the Soviet Miners' Strike // *The Nation*. 1989. October 23. P. 451–454.

Siegelbaum 1989b — Siegelbaum L. H. Industrial Accidents and Their Prevention in the Interwar Period // *The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice* / Ed. W. O. McCagg, L. Siegelbaum. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1989.

Siegelbaum 1989c — Siegelbaum L. H. State and Society in the 1920s // *Reform in Russia and the Soviet Union, Past and Prospects* / Ed. R. Crummey. Urbana: University of Illinois Press, 1989. P. 240–262.

Siegelbaum 1991 — Siegelbaum L. H. Labor Pains in the Soviet Union; Miners' Hopes Deferred // *The Nation*. 1991. May 27. P. 693.

Siegelbaum 1992a — Siegelbaum L. H. Defining and Ignoring Labor Discipline in the Early Soviet Period: The Comrades-Disciplinary Courts, 1918–1922 // *Slavic Review* 51. 1992. № 4. P. 705–730.

Siegelbaum 1992b — Siegelbaum L. H. Masters of the Shop Floor: Foremen and Soviet Industrialization // *Stalinism: Its Nature and Aftermath* / Ed. by N. Lampert, G. Rittersporn. London: Macmillan, 1992. P. 127–156.

Siegelbaum 1992c — Siegelbaum L. H. Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge: Cambridge UP, 1992.

Siegelbaum 1992d — Siegelbaum L. H., Walkowitz D. The A.F.L.-C.I.O. Goes to Ukraine // *The Nation*. 1992. November 2. P. 502–505.

Siegelbaum 1993a — Rosenberg W. G., Siegelbaum L. H., eds. Social Dimensions of Soviet Industrialization. Bloomington: Indiana UP, 1993. P. 166–192.

Siegelbaum 1993b — Siegelbaum L. H., Suny R. G. Making the Command Economy: Western Historians on Soviet Industrialization // *International Labor and Working-Class History* 43. 1993. P. 65–76.

Siegelbaum 1994 — Siegelbaum L. H., Suny R. G. Class Backwards? In *Search of the Soviet Working Class // Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*. Ed. by L. H. Siegelbaum, R. G. Suny. Ithaca, NY: Cornell UP, 1994.

Siegelbaum 1995a — Siegelbaum L. H. Exhibiting Kustar' Industry in Late Imperial Russia/Exhibiting Late Imperial Russia in Kustar' Industry // *Transforming Peasants: Society, State and the Peasantry, 1861–1930, Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and Eastern European Studies*, Warsaw, 1995 / Ed. by J. Pallot. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 37–63.

Siegelbaum 1995b — Siegelbaum L. H., Walkowitz D. J. Workers of the Donbass Speak: Survival and Identity in the New Ukraine, 1989–1992. Albany: State University of New York Press, 1995.

Siegelbaum 1997a — Siegelbaum L. H. Freedom of Prices and the Price of Freedom: The Miners' Dilemma in the Soviet Union and Its Successor States // *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 13. 1997. № 4. P. 5.

Siegelbaum 1997b — Siegelbaum L. H. Narratives of Appeal and the Appeal of Narratives: Labor Discipline and Its Contestation in the Early Soviet Period // *Russian History / Histoire Russe*, special issue on "Petitions and Denunciations in Russia from Muscovy to the Stalin Era" / Ed. by S. Fitzpatrick, 24. 1997. № 1–2. P. 65–88.

Siegelbaum 1998 — Siegelbaum L. H. Dear Comrade, You Ask What We Need: Socialist Paternalism and Rural 'Notables' in the Mid-1930s // *Slavic Review* 57. 1998. № 1. P. 107–132.

Siegelbaum 1999 — Siegelbaum L. H. The Shaping of Soviet Workers' Leisure: Workers' Clubs and Palaces of Culture in the 1930s // *International Labor and Working-Class History* 56. 1999. P. 78–92.

Siegelbaum 2000a — Siegelbaum L. H. Dear Comrade, You Ask What We Need: Socialist Paternalism and Rural 'Notables' in the Mid-1930s // *Stalinism: New Directions* / S. Fitzpatrick, ed. London: Routledge, 2000. P. 231–256.

Siegelbaum 2000b — Siegelbaum L. H., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents. New Haven, CT: Yale UP, 2000.

Siegelbaum 2004a — Siegelbaum L. H. Рахима Ходиевна Аминова: оценка историка // *Uzbekiston Tarihi*. 2004. Май. С. 86–88 (на рус. яз.).

Siegelbaum 2004b — Siegelbaum L. H. The Case of the Phantom Soviet Truck // *Radical History Review* 90. 2004. P. 142–149.

Siegelbaum 2004c — Siegelbaum L. H. The Condition of Labor in Post-Soviet Russia: A Ten-Year Retrospective // *Social Science History Journal* 28. 2004. № 4. P. 637–665.

Siegelbaum 2005 — Siegelbaum L. H. Soviet Car Rallies of the 1920s and 1930s and the Road to Socialism // *Slavic Review* 64. 2005. № 2. P. 247–273.

Siegelbaum 2006a — Siegelbaum L. H. *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Siegelbaum 2006b — Siegelbaum L. H. The Late Romance of the Soviet Worker in Western Historiography // *International Review of Social History* 51. 2006. № 3. P. 468–469.

Siegelbaum 2006c — Siegelbaum L. H. Фрагменты истории советского автомобиля // Шаги дерзновенные / Ред. А. Е. Степанов. Тольятти: ОАО «АвтоВАЗ», 2006. С. 145–165.

Siegelbaum 2008 — Siegelbaum L. H. The Faustian Bargain of the Soviet Automobile // *Trondheim Studies on East European Cultures & Societies*. 2008. January. № 24. P. 1–32.

Siegelbaum 2009 — Siegelbaum L. H. The Impact of Motorization on Soviet Society // *Towards Mobility: Varieties of Automobility in East and West*. Wolfsburg: Volkswagen AG, 2009. P. 21–30.

Siegelbaum 2011 — Siegelbaum L. H., ed. *The Socialist Car: Automobility in the Eastern Bloc*. Ithaca, NY: Cornell UP, 2011.

Siegelbaum 2012 — Siegelbaum L. H. Sputnik Goes to Brussels: The Exhibition of a Soviet Technological Wonder // *Journal of Contemporary History* 47. 2012. № 1. P. 120–136.

Siegelbaum 2012b — Siegelbaum L. H. Whither Soviet History? Some Recent Reflections on Anglophone Historiography // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia* 1. 2012. № 2.

Siegelbaum 2013a — Siegelbaum L. H. *Modernity Unbound: The New Soviet City of the Sixties* // *The Socialist Sixties: Crossing Borders in the Second World*. Ed. by A. E. Gorsuch, D. P. Koenker. Bloomington: Indiana UP, 2013. P. 66–83.

Siegelbaum 2013b — Siegelbaum L. H. The Fetishism of Commodities Revisited // *ASEES NewsNet* 53. 2013. № 1. P. 2–5.

Siegelbaum 2013c — Siegelbaum L. H. Those Elusive Scouts: Pioneering Peasants and the Russian State, 1870s–1950s // *Kritika* 14. 2013. № 1. P. 31–58.

Siegelbaum 2014a — Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell UP, 2014.

Siegelbaum 2014b — Siegelbaum L. H. Does Donetsk Have a Future in the New Ukraine? // *The Nation*. 2014. August 1. URL: <http://www.thenation.com/>

article/180851/does-donetsk-have-future-new-ukraine (дата обращения: 22.06.2020).

Siegelbaum 2016a — Siegelbaum L. H. Transnationalism in One Country? Seeing Migration in Soviet History, March 9, 2016 // EUSP Channel, YouTube, 15.04.2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XwEg_Q38vFo (дата обращения: 21.05.2020).

Siegelbaum 2016b — Siegelbaum L. H., Moch L. P. Transnationalism in One Country?: Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union // *Slavic Review* 75. 2016. № 4. P. 970–986.

Siegelbaum 2017a — Siegelbaum L. H. Both Sides Now // *Kritika* 18. 2017. № 2. P. 444–449.

Siegelbaum 2017b — Siegelbaum L. H., Siegelbaum S. Class and Sport // *The Oxford Handbook of Sports History* / Ed. by R. Edelman, W. Wilson. Oxford: Oxford UP, 2017.

Somers 1992 — Somers M. R. Narrativity, Narrative Identity, and Social Action: Rethinking English Working-Class Formation // *Social Science History* 16. 1992. № 4. P. 591–630.

Stone 1975 — Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917*. London: Penguin, 1975.

Straus 1997 — Straus K. *Factory and Community in Stalin's Russia*. University of Pittsburgh Press, 1997.

Suny 2012 — Suny R. G. Living in the Soviet Century: Moshe Lewin, 1921–2010 // *History Workshop Journal* 74. 2012. № 1.

Suny 2017 — Suny R. G. *Red Flag Unfurled: History, Historians, and the Russian Revolution*. London: Verso, 2017.

Susiluoto 1982 — Susiluoto I. *The Origins and Development of Systems Thinking in the Soviet Union: Political and Philosophical Controversies from Bogdanov and Bukharin to Present-Day Reevaluations*. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1982.

Taylor 1983 — Taylor B. *Eve and the New Jerusalem: Socialism and Feminism in the Nineteenth Century*. Harvard UP, 1983.

Taylor 2011 — Taylor C. *Reds at the Blackboard: Communism, Civil Rights, and the New York City Teachers Union*. New York: Columbia UP, 2011.

Thompson 1980 — Thompson E. P. *The Making of the English Working Class*. Harmondsworth: Penguin, 1980.

Tucker 1977 — Tucker R. C., ed. *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York: Norton, 1977.

Walkowitz 1978 — Walkowitz D. J. *Worker City, Company Town: Iron and Cotton-Worker Protest in Troy and Cohoes, New York, 1855–1884*. Urbana: University of Illinois Press, 1978.

Wallace 2016 — Wallace D. F. *String Theory: David Foster Wallace on Tennis*. New York: Library of America, 2016.

White 1975 — White H. *Metahistory The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. JHU Press, 1975.

Wieviorka 2006 — Wieviorka A. *The Era of the Witness* / Trans. from French by J. Stark. Ithaca, NY: Cornell UP, 2006.

Willimott 2017 — Willimott A. *Living the Revolution: Urban Communes & Soviet Socialism, 1917–1932*. Oxford: Oxford UP, 2017.

Working-class 1986 — *Working-class Formation: Nineteenth-century Patterns in Western Europe and the United States* / I. Katznelson, A. R. Zolberg, eds. Princeton (N.J.): Princeton UP, 1986.

Zinn 1967 — Zinn H. *Vietnam: The Logic of Withdrawal*. Boston: Beacon, 1967.

Zinn 1980 — Zinn H. *A People's History of the United States*. New York: Longman, 1980.

Именной и предметный указатель

Аблякимова Фаузия 204

Абрамский Чимен 79

АвтоВАЗ 223, 230–231, 234, 237,
265, 284 см. также ВАЗ

Австралия 13, 66, 117, 128, 131,
136, 139, 152; А. «как другая
планета» 100; А. и «тирания
расстояния» 104 см. также
Университет Ла Троба

Австралийский комитет по иссле-
довательским грантам (Austra-
lian Research Grants Committee,
ARGC) 113

Азимова Динора 175, 203

академическая наука 8, 212, 234;
британская а. жизнь 101; а. и го-
сударство 59, 134; а. карьера 13,
74, 101, 246; а. и МОРДОП 212;
а. и привилегии 71, 260, 263

Акерман Джон 236, 243, 257

Алексиевич Светлана 197–198,
264

Альтернативы (Alternatives, ин-
формационный бюллетень)
133, 201–202, 215

Американская ассоциация содей-
ствию развития славянских ис-

следований (American Associa-
tion for the Advancement of Sla-
vic Studies, AAASS): ежегодные
съезды в Филадельфии (1994)
168; в Денвере (2000) 176; в Фе-
никсе (1992) 191; в Торонто
(2003) 220; в Новом Орлеане
(2007) 236; в Асиломаре (1980)
124 см. также Ассоциация сла-
вянских восточно-европейских
и евразийских исследований
(Association for Slavic East Euro-
pean and Eurasian Studies,
ASEEES)

Американский совет по междуна-
родным исследованиям и обмен-
ам (International Research and
Exchange Board, IREX) 82, 124,
142, 221; брошюра А. 97; заявка
А. 83, 85, 90, 97; отчет А. 91, 176;
А. в Узбекистане 175, 203–204

Аминова Рахима 175, 177, 283

Ассоциация славянских восточно-
европейских и евразийских ис-
следований (Association for Sla-
vic East European and Eurasian
Studies, ASEES) 93, 214

- «АФТ-КПП приходит на Украину» 187, 191
баба Дрейжа (прабабушка) 30
Бандоора 100–101
Бейлс Кендалл 124
Библиотека им. В. И. Ленина (Ленинка) 210, 221, 223, 233, 235
Бовыкин Валерий Иванович 90–91, 98, 273
Болдырев Юрий 184–185, 187–188
Большевистская революция. См. Русская революция
Большой Ферганский канал 173, 177, 203, 218, 223
Браун Арчи 115
Браун Кейт 192, 214
Брент Джонатан 170–171
Брю Роджер 231, 241–242
Бухарин Николай Иванович 55, 57, 79, 124
ВАЗ (Волжский автозавод) 223, 230–231, 234, 237, 265, 284 см. также АвтоВАЗ
Валковиц Дэниел 180, 191
Вебер Макс 55, 58
Великая Отечественная война 88, 210, 218, 223, 255
Вердери Кэтрин 87, 228
Видеопроект «Питтсбург — Донецк: устная история» 178, 180
Виллеттс Гарри 77, 99
Военно-промышленные комитеты (ВПК) 84, 92, 96, 103, 142; диссертация о ВПК 80, 95; рабочие группы в ВПК 81
всемирная сеть. См. Интернет
вьетнамская война 11, 20, 44, 64, 81
Гатейель Луминита (Лума) 243
Гёте Иоганн Вольфганг фон 78, 240–241, 264
Гетти Дж. Арч 130, 169–170, 172, 201, 264
«Гигант», колхоз 19, 135, 138, 150–151
«Говорят рабочие Донбасса» 186
Гольдман Венди 130, 168, 201
Гольдман Люсьен 61–62
Горбачев Михаил Сергеевич 56, 104, 145, 185–186, 194, 196, 263; Г. и шахтеры 196; Г. в Вильнюсе 194
Городецкий Габриэль 66, 75, 170
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) 158, 164, 170, 195, 220, 229, 241 см. также Центральный государственный архив Октябрьской Революции (ЦГАОР)
«Границы социализма» 224, 226, 229; «Г. с.» и различение государственного / частного 226
Группа изучения марксизма (MSG) 147, 156, 200, 228, 249
Дэвис Натали 148, 156, 158
Дэвис Р. У. (Боб) 82, 130, 152, 201
Донецк 166, 178–180, 183–188, 190–191, 196, 204; городской забастовочный комитет Д. 178, 181, 184; забастовка шахтеров в Д. 178–180, 184, 186, 189; беседы с пожилыми жителями Д. 204; шахты Д. 184

- ДНР 190 см. также Куйбышевская шахта
- Донецкий бассейн (Донбасс) 131, 178–180, 185–186, 190–191
- евреи 22, 25, 31, 60, 105, 112, 163, 193–194, 196, 205, 255; е. и антисемитизм 25, 191; восточно-европейские е. 35, 41, 79; встречи е. в кругу семьи 41; е. и Холокост 72, 108, 131, 191, 194–195; е. и «нееврейские евреи» 60; е. в Оксфорде 74
- еще одна желтая опасность 110
- Журавлев Сергей 171, 200, 231
- Закхайм Дов 59
- Зельдин Теодор 71–73, 75
- Зельник Реджинальд 154, 201, 203
- имперская Россия 90, 154
- «Инвалиды в Советском Союзе» 138
- Институт свободных профсоюзов (FTUI) 187
- интернет 206, 208, 214
- Ист-Лансинг 136
- история 7, 11–16, 62, , 84, 89, 100, 129, 185; гендерная и. 148; и. и автомобили 222–223, 225, 244; и. как научная дисциплина 15, 263; и. и архивные исследования 89; карьера в и. 66, 263; и. и историометрия 112, 114; и. СССР 10, 20, 54, 97, 99, 156, 200, 207, 211, 214, 237; «конец и.» 201; культурный / лингвистический подход к и. 143; экономическая и. 101, 113; и. как уход от действительности 220; и. Германии 153; *longue durée* 133; миграция в и. 184, 251; устная и. 178, 180; политическая и. 13, 56; трудовая и. 13, 100, 111, 114, 121, 129, 142, 251; социальная и. 13, 74, 114, 119, 123, 146, 152, 168, 1172, 200;
- Казер Майкл 78, 115
- Камаз 216–217
- «Капитал» 60, 77, 108
- капитал 12, 127; культурный к. 205; социальный к. 41; финансовый к. 96
- капитализм 14, 37, 78, 106, 127, 145, 160, 202, 237; к. и варварство 16; к. и автомобили 145, 151; к. и деиндустриализация 145, 156; трудовой процесс при к. 125; триумф к. 201
- Каратницкий Адриан 187
- Карр Барри 105, 108, 131
- Карр Э. Х. 89, 98, 116–117
- Катков Георгий 80, 84, 96, 264
- Кенкер Дайана 8, 85, 90, 94, 104, 130, 135, 160, 201, 220, 222
- Китчинг Гэвин 77
- Кловер Джошуа 121, 127
- Кляйнзингер Джордж 33
- Колледж Св. Антония 70, 72, 75–80, 82, 89, 97, 99, 115–116
- Колумбийский колледж и университет 12, 40, 64, 66, 70, 130, 250; администрация К. 20, 44, 46, 49, 52; внеучебная деятельность в К. 41; занятия в К. 43, 45–46, 52; «Коммуна Фейервезер» в К. 45; К. в глобальном контексте

- событий 1968 года 20, 44; К. и «Оккупай Гамильтон-Холл» 45, 47; стипендия Келлетта в К. 57, 59, 70; политические науки / госуправление в К. 54, 56; «Студенты за демократическое общество» (SDS) в К. 43–45, 49–54, 64; «Общество студентов-афроамериканцев» (SAAS) в К. 45, 47, 49; студенческие волнения в К. весной 1968 11, 20; К. и тактические патрули (TPF) 48; плата за обучение в К. 41; К. и война во Вьетнаме 44
- коммунизм 11, 15–16, 35, 55, 57, 70, 139, 166, 202, 263; симпатия к к. 43; враждебность Америки к к. 20; конец к. 148, 201; к. и история 169; к. и жилищный вопрос 213; пороки к. 66; советский к. 11
- Коммунистическая партия Соединенных Штатов (CPUSA) 22, 29
- Коткин Стивен 152, 155, 168, 201
- Коэн Стивен Ф. 54–57, 61, 79, 231
- «Крестьянские волнения и миф о царе» 111
- Кроули Стивен 186, 189, 224
- Куйбышевская шахта 180–181; конференция на К. ш. 181; Совет трудового коллектива (СТК) К. ш. 185; стачечный комитет К. ш. 183, 185; шахтеры К. ш. 181–183
- Кур-Королев Коринна 235, 243
- Куромия Хироаки 130, 145, 152
- Куш Геннадий 183, 221
- Ла Троба, университет 13, 101, 103, 105–106, 115, 129, 131, 137; исторический факультет Л. 13, 108; курсы в Л. 106, 108; марксисты в Л. 126; обучение профессии историка в Л. 106; предложение из Л. 101, 103; рост до старшего преподавателя в Л. 117, 119; студенты Л. 137
- Лакло Эрнесто 77
- Левин Моше (Миша) 19, 29, 78–79, 82, 122–124, 131, 148, 152, 201; Л. как восточноевропейский еврей 19, 79; встреча с Л. в парижском метро 82; сборник статей в честь Л. 131; публикации Л. 124; юмор Л. 29, 147; самоэвакуация Л. из Вильно 19; Л. как социальный историк 123, 152; Л. пытается спасти Советский Союз 19, 122; Л. в Бирмингемском университете 79
- Левые альтернативы см. Альтернативы
- Лейквью Нью-Йорк 28
- Ленин Владимир Ильич 14, 24, 29, 55, 61, 72, 79–80, 94, 96–98, 106–107, 124, 131, 143, 145, 161, 173, 183, 194–195, 197–198, 207, 210, 220, 229, 233, 235, 240, 243, 263–264
- Ленинград 14, 29, 198, 207, 243; партийная организация Л. 19, 195; исследования в Л. 97; жители Л. 173, 198 см. также Санкт-Петербург

- Лодисина Роберт, зам. декана по делам студентов 52
- Лукач Дьёрдь 61, 77
- Лукассен Лео 250
- Люксембург Роза 12, 60–61, 262
- маккартизм 24–25
- МакКегг Уильям О. мл. 135–136, 138
- Маколи Мэри 167
- Макферсон Питер 219
- Малверн, средняя школа 28, 32
- Мао Цзедун 21, 58, 110
- Маркс Карл 54–55, 58, 60–62, 78, 117, 241, 262
- марксизм 8–9, 60, 62, 73–74, 76, 200; дерадикализация м. 55; м.-ленинизм 24, 80; радикализация м. 55
- марксист(-ы) 74, 76–77, 95, 108, 120, 126; неомарксисты 106; «*marxista puro e duro*» 73
- марксистский 28, 62, 92, 95–96, 106–108, 116, 121, 126, 131, 141, 242
- Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) 212
- «Машины для товарищей» 14, 223, 230, 232, 236 241, 244; «М.» и советские художественные фильмы об автомобилях 232; русский перевод М. 244–245
- Маяковский Владимир Владимирович 106, 233
- Мейлер Норман 47
- Мейсон Тим 74, 216
- Мелейн (подруга из колледжа) 60, 65–67
- Мельбурн 13, 70, 100, 134
- Мельбурнский университет 108
- Мемориальный музей Холокоста 195
- Менакер Дик 69
- Менакер Дэниель 35, 37
- Менакер Питер 35
- Менакер Энге 35, 37, 69
- мигранты 114, 251, 255, 258; категории м. 251, 253, 254–255; китайские м. 109, 111; ходоки как м. 252–254
- Минский областной архив 193
- Мичиган, Университет штата М. (УШМ) 134–135, 137–138, 153, 160, 176; протесты против войны в Ираке и М. 219–220; интервью в кампусе М. 207; М. и Исследовательский центр автомобилестроения (CAR) 227; выпускники М. 221; исторический факультет М. 207, 210; Консультативная группа по Вьетнаму в М. 134, 219
- Мичиганский университет 147, 152, 203, 214, 229
- Мок Лесли Пейдж 9, 138, 210, 224, 245, 261; М. как соавтор 19, 251, 253; М. во Франции 205; женитьба на М. 205; книга М. «*Moving Europeans*» 250; М. в NIAS 236, 238; М. в России 245, 254
- Моника Мария (Мена) Филомена 68, 73
- Морган Майкл (Мик) 132
- Москва 13, 65, 105, 218, 235, 258, 265; торгово-промышленный

- класс М. 96; в М. по обмену 11, 80, 85; Германский Исторический институт в М. 235; Институт российской истории в М. 170; метро в М. 232, 246; постсоветская М. 90; исследовательские поездки в М. 233, 251, 260
- Московский государственный университет (МГУ) 85, 90–91, 94, 97, 105, 199
- «Нарративы апелляции и апелляции нарратива» 158–159
- Нельсон Эми 214
- Нидерландский институт перспективных исследований (NIAS) 236, 238–241, 243
- Новая экономическая политика (НЭП) 79, 150, 166–168
- Нойбергер Джоан 174, 201–202
- Ноув Алек 78, 99
- Нью-Йоркский учительский союз (TU) 23
- Одесса 22, 35, 112–115
- Оксенберг Мишель 58–59
- Оксфордский университет 13, 66–69 см. также Колледж Св. Антония
- Октябрьская революция. См. Русская революция
- Определение советской нормы 123, 129–130, 132, 151
- Орловский Дэн 85, 142
- Осинский Николай 220, 222
- Осмысление командной экономики 153
- Пайпс Ричард 132–133, 170, 201
- Палат Мадхаван 66, 75, 205, 232, 242
- Париж 13, 81, 235; Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Библиотека современной международной документации BDIC) в П. 81; École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук) в П. 250
- Пахута Леонид 230–231
- «Перестройка снизу», фильм Дэнни Волковица 179, 181, 185
- «Политика промышленной мобилизации» 141
- Пост Чарльз Уильям (кампус имени Университет Лонг-Айленда) 101
- призрачный советский грузовик 215–218
- Радд Марк 44–45, 47, 51, 54, 58, 78
- Рансьер Жак 154, 158–159
- революционеры 35, 45, 51, 97
- революция 13, 18, 21, 45, 50, 61, 72, 89, 90, 96, 118, 154, 168, 223, 247, 263; автомобильная р. 254; культурная р. 50, 58, 124; промышленная р. 123, 146, 228, 240; р. и модернизация 55; сталинская р. см. русская р.; цифровая Р. 217; Французская р. 121, 148
- Рейган Рональд 59, 126, 136
- Рид Гарри 135
- Робсон Поль 12, 34
- Розенберг Уильям 152, 201

- Розенберги Юлиус и Этель 12, 24–25, 28
- Российская государственная библиотека см. Библиотека им. В. И. Ленина
- Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) 174, 209, 223
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ) 174, 229, 242
- Российский государственный исторический архив (РГИА) 162
- РОССПЭН, изд-во 172, 245–246, 273
- Русская революция 12, 21, 45, 56, 84, 115, 122, 156, 166, 253; освещение к столетию р. 93; р. и гражданская война 168, 251; риторика р. 157; Февральская р. 80, 118;
- русский язык 198, 244–245
- Самофалов Валерий 183, 186, 188
- Самофалова Татьяна 186, 190
- Санкт-Петербург 96, 161, 254
- «Свобода цен и цена свободы» 191
- «Сделка с дьяволом брежневской эпохи» 225, 234
- Семинары русистов Среднего Запада 221
- «Семнадцать мгновений советской истории» 14, 206, 211, 213, 215, 222; ассоциативное мышление и «С.» 213; взлом «С.» 214–215; разделы «С.» 213
- Сиберт Вирджиния (Джинна) 51
- Сигель Ирв и Дорис 38, 46
- Сигельбаум Бланш (урожденная Невинс) (мать) 27, 32; С. в доме для престарелых 257; С. в лагере «Тохони» 35; С. как мать семейства 27; С. и студенческие волнения в Колумбийском университете 48; С. о поездке в СССР 29
- Сигельбаум Бобби (золовка) 43
- Сигельбаум Ида (бабушка) 28
- Сигельбаум Лина (жена) см. Тормя Лина
- Сигельбаум Луис (дедушка) 22, 38
- Сигельбаум Мортон (отец) 22, 29, 41, 142, 235, 263; С. как коммунист 22, 29; болезнь и смерть С. 236; влияние С. 28, 43; письма от С. (1982, 1984) 122, 137; С. как менеджер по продажам 27; С. как учитель 25; С. как жертва маккартизма 11, 25, 73
- Сигельбаум Сасу (сын) 128, 148, 179; рождение С. 128; С. как сотрудник 259; С. в Финляндии 148, 16; тоска С. по отцу 165–166; С. как студент Мичиганского университета 229
- Сигельбаум Стивен (брат) 1, 19, 41, 43, 122; бар-мицва С. 31; С. в лагере «Тохони» 32; С. в колледже 41; С. о коммунизме 17; С. как школьный учитель 43; С. и теннис 72
- Сигельбаум Сэми (сын) 128, 166, 171, 179; рождение С. 128;

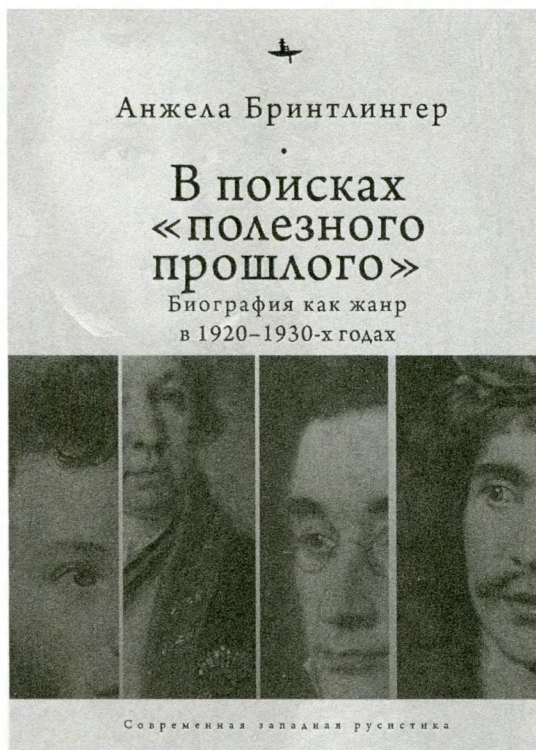
- С. в Финляндии 148, 160;
С. во Франции и Польше 163;
С. о бабушке 26; С. как студент
Нью-Йоркского университета
211
Сигельбаум Эллен (сестра) 19,
21, 26
Сикейрос Давид 31, 35
«Синоптики» 51–53
Славянская библиотека Хельсинки
(Slaavilainen Kirjasto) 82
советские автопробеги 218, 220,
222, 235
советский автомобиль см. Маши-
ны для товарищей
Советский Союз 14, 18–19, 22,
24, 29, 78, 85, 93, 105, 110, 119,
142, 149, 161, 174, 177, 214, 226,
232, 241, 247, 259; архивные
исследования в С. С. 87, 92, 209,
230; построение социализма
в С. С. 123, 172; потребление
и материальная культура в С. С.
218, 224, 242, 248; дезориен-
тация в конце С. С. 196–197;
перемещенные лица в С. С. 204;
гласность в С. С. 197; историки
в С. С. 90, 98; историография
С. С. 62; распад С. С. 11, 156,
159, 166, 189; С. С. как живой
исторический субъект 89; ми-
грация в С. С. 204, 251, 253;
Министерство угольной про-
мышленности С. С. 150, 178,
180, 188; Наташи в С. С. 198;
перестройка в С. С. 29, 90, 105,
146; цель исследования С. С.
202, 263; спасение С. С. 19, 122,
166; С. С. как освободитель 20;
застой в С. С. 88; рабочие в С. С.
122, 179 см. также Машины для
товарищей, Великая Отече-
ственная война
«Советское государство и обще-
ство между революциями» 166
Советы 85, 96, 142, 168, 178, 211
Соколов Андрей Константинович
108, 170–173, 198–199, 231, 273
Сорокин Андрей 245
Соснов Моррис (неродной дедуш-
ка) 22
Соснов Сэди (урожденная Рубель)
(бабушка) 19, 22, 41, 122
социальная история 123, 130,
148, 152, 155, 168, 238;
с. и Э. П. Томпсон 13, 119;
новая с. 120–121; С. и. в Кол-
ледже Св. Антония 74–78
соцсоревнование 182
«Спутник едет в Брюссель» 241
СССР см. Советский Союз
Сталин Иосиф Виссарионович
20, 79, 99, 126, 155, 173, 247, 263;
С. и индустриализация 78, 119;
жизнь при С. 146; С. и политика
распределения 165; приход
С. к власти 55
сталинизм 88, 139, 152, 167, 218;
с. как аналитическая категория
123; социальная основа и под-
держка с. 106; с. как образ жизни
173, 108
«Стахановское движение и поли-
тика повышения производи-
тельности труда в СССР» 142,
158

- Стахановское движение 14, 136, 139, 144–146, 156, 165, 178, 184, 236
- Суни Рональд Григор 8, 19–20, 121, 147, 152, 201–202, 249; С. как основатель MSG 249
- Сусилуото Илмари 160–161
- Сьюэлл Билл 153–154, 157, 159
- теннис 8, 184, 239, 262; т. в лагере Тохони 34, 39, 42; т. в Колумбии 42, 54; т. как элитный спорт 38; т. в парке Хемпстед-Лейк 38; т. как «самая эгоистичная игра» 38; т. в Оксфорде 69, 72
- Терновецки Гордон и Кэррол 106
- Тимонен Карина 82, 252
- товарищеский суд 156, 159
- Тольятти 223, 229, 231, 237
- Томми Питчер (опера для детей) 32–33
- Томпсон Эдвард Палмер 13, 115, 119–122, 154
- «Торгово-промышленный класс в России» 76
- Тормя Лина 84, 98, 103, 131, 161, 165; Т. в Австралии 106, 135; Т. в Хельсинки 83, 85, 98–100, 143; Т. как библиотечарь 101, 103, 126; автор встречает Т. 82; Т. в Москве 98; Т. в Мичигане 137; напряженные отношения в браке с Т. 128, 138
- Тоталитаризм 78
- «Тохони», лагерь 32–37, 39, 42
- Трампа Дональд 10, 127, 216
- Троцкий Лев Давыдович 60
- трудовая история 13, 11, 114, 123, 142, 148, 151, 155, 164; утрата привлекательности т. и. 14, 146, 156; т. и. и история миграции 251; возобновление т. и. 173, 251; советский рабочий класс и т. и. 129; «моя т. и.» 7
- трудовые коллективы и коммуны 125, 141
- «Уважаемый товарищ, просите, что вам нужно» 164–165
- Узбекистан 11, 175, 203
- Украина 11, 186
- Уодделл (д-р) Том 34, 37
- Фалькус Малкольм 112–113
- Фаст Говард 24
- Фергана 176–177, 203
- Фильтер Дон 119, 146, 201
- Финский язык 143
- Фицпатрик Шейла 70, 89, 107, 130, 134, 142, 152, 159, 170, 220, 246; доступ Ф. к советским архивам 89; Ф. и культурная революция 124; щедрость Ф. 130; воспоминания Ф. («Шпионка в архивах», «A Spy in the Archives») 87; Ф. как специалист по социальной истории 201;
- Фогарский Лестер (Летти) 18
- фон Гельдерн Джим 206, 208, 222
- Франк Андре Гундер 77–78, 107, 126, 144
- Фуэнтес Томас 216
- Харрисон Марк 9, 66, 74–76, 201–202
- Хасэгава Цуёши (Тоши) 94, 235
- Хейворд Макс 70–71
- Хеймсон Леопольд 45, 97, 197
- Хелли Ричард 132–133, 220

- Хельсинки 83–84, 86, 101, 112, 144, 252
- Хельсинкский университет 82, 98
- Хильберг Рауль 191–193, 195
- Хилсман Роджер 57–58
- хлеботорговля в Одессе 113–114
- холодная война 11, 13, 88, 102, 200; идеологии и одержимость х. в. 11, 133; историография х. в. 248; ностальгия по х. в. 247, 250; х. в. и мягкая сила 241; х. в. и советология; х. в. и спутник 241
- Хрущев Никита Сергеевич 109–110, 150, 207, 213, 265
- Хулиганство 150
- Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО) 159
- Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) 91, 158–159, 164 см. также Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
- Центральный государственный архив Октябрьской революции Белорусской ССР (ЦГАОР-БССР) 192
- Чейз Вильям 130, 151, 154–155, 169–170, 179, 201
- «Человек из мрамора», фильм Анджей Вайды 139
- Черкасский Вадим 86
- Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков 191–193
- Шарби Ив 68, 88, 101
- Шарифи Насер 103
- Шварц Мел 40
- Шерман Джошуа 73, 75
- «Широка страна моя родная», концептуализация 257; рецензии на Ш. 257
- Шляпентох Владимир (Володя) 135–136, 225
- Шукман Гарри 72–73, 75, 77, 79, 83, 97, 99, 101
- Эванс Ларри 179, 213, 221
- Эйзенштейн Сергей 174–177, 223
- Эли Джеофф 9, 12, 70–71, 147, 153, 163, 166, 172, 201
- Энгельштейн Лора 153, 201
- Эренбург Илья 193, 232
- Эскола Мария 84, 100–101
- «Ярмарки кустарных изделий в позднимперской России» 162, 162, 164, 241
- Abamedia 209
- Cambridge University Press 145
- Cornell University Press 154, 236
- Humanities and Social Sciences Online (Гуманитарные и социальные науки онлайн H-Net) 214–215, 224
- Macmillan Press 225
- MATRIX 215
- Radical History Review 283
- Thesis Eleven, журнал 126
- Yale University Press, изд-во 170

Содержание

Предисловие и благодарности	7
Введение	10
Глава 1. Теннис и коммунизм	17
Глава 2. «Революционер или ученый?»	40
Глава 3. Оксфорд и Москва	65
Глава 4. Мельбурн и трудовая история	100
Глава 5. Трудовая история и социальная история через призму культурного поворота	134
Глава 6. Центры и периферии	178
Глава 7. В сети и в пути	206
Глава 8. Церковь миграции	249
Неоконченные мысли	260
Источники	264
Библиография	274
Именной и предметный указатель	288



Анджела Бринтлингер

**В ПОИСКАХ
«ПОЛЕЗНОГО ПРОШЛОГО»:
БИОГРАФИЯ КАК ЖАНР
В 1920–1930-Х ГОДАХ**

СПб.: Academic Studies Press /
БиблиоРоссика, 2020. 312 с.

Перевод А. Степанова

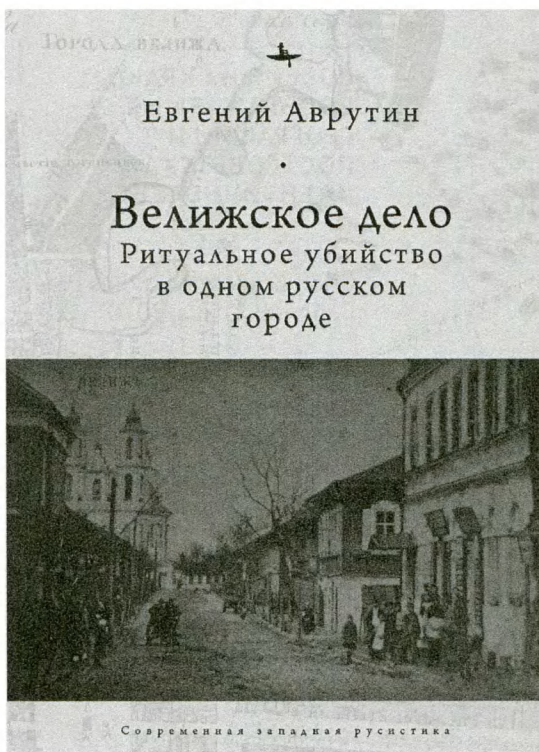
ISBN 978-1-6446931-6-2
(Academic Studies Press)

ISBN 978-5-6044208-5-0
(БиблиоРоссика)

Выход: август 2020
Переплет, формат 60×90 1/16

В основу книги положена извечная связь между литературой и историей. Временные границы исследования охватывают период с 1917 по 1937 год — момент кризиса русской культуры в целом и литературной культуры в частности. В центре внимания автора оказывается творчество Владислава Ходасевича, Юрия Тынянова и Михаила Булгакова, которые не только занимались историей и теорией литературы, но обращались к жанру биографии в самом широком смысле — создавая художественные произведения, литературные биографии и пьесы. Их героями становились А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Г. Р. Державин и Ж.-Б. Мольер. А. Бринтлингер усматривает в обращении к жанру биографии, характерному для всей европейской, а не только русской литературы этого периода, попытку осмыслить свое прошлое и через него настоящее, понять своих литературных предшественников и самих себя как писателей, а также потребность читателя того времени в образцах для построения собственной жизни.

Анджела Бринтлингер — профессор славянских языков и культур в Университете штата Огайо (США). Специализируется на литературе эмиграции, жанре литературной биографии, репрезентации безумия и войны в литературе. Автор и составитель ряда книг по истории русской литературы, в том числе «Чапаев и его товарищи: Война и русский литературный герой XX века» (Academic Studies Press, 2012), «Чехов в XX веке» (2012) и «Безумие и безумцы в русской культуре» (2007). Автор популярного блога The Manic Bookstore Café, в котором она пишет о русской и польской литературе и культуре.



Евгений Аврутин

**ВЕЛИЖСКОЕ ДЕЛО:
РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО
В ОДНОМ РУССКОМ
ГОРОДЕ**

СПб.: Academic Studies Press /
БиблиоРоссика, 2020. 260 с.

Перевод А. Глебовской

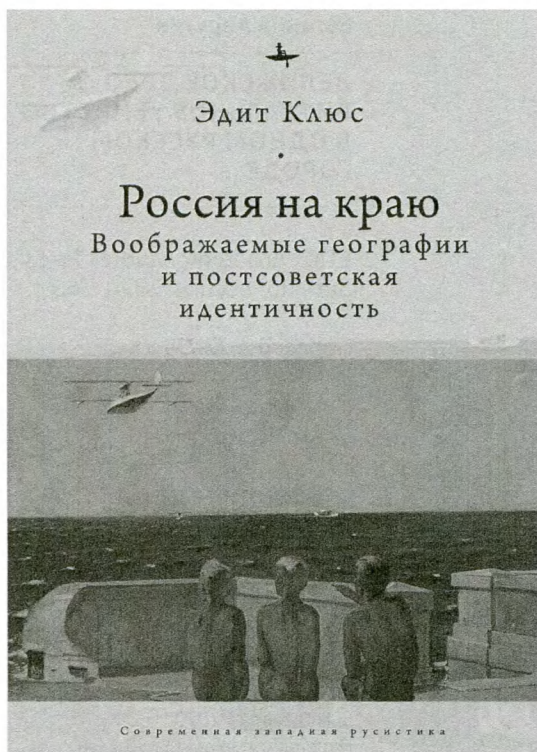
ISBN 978-1-6446944-7-3
(Academic Studies Press)

ISBN 978-5-6044208-7-4
(БиблиоРоссика)

Выход: август 2020
Переплет, формат 60×90 1/16

Исследование посвящено самому длительному расследованию ритуального убийства (1823–1835) в городе Велиже, и представляет новые объяснения кровавого навета, подчеркивающие силу веры в колдовство и магию. Читателю предлагается погрузиться в одно из самых фундаментальных противоречий еврейской жизни в Российской империи: несмотря на то, насколько широко здесь была распространена вера в ритуальные убийства, в совершении ритуальных убийств, крупнейшая еврейская община в мире продолжала чувствовать себя в безопасности. Отдельный интерес представляет тщательно прорисованная микроистория жизни и отношений в маленьком городе.

Евгений Аврутин — профессор истории, Иллинойский университет (Урбана-Шампейн, США).



Эдит Клюс

**РОССИЯ НА КРАЮ:
ВООБРАЖАЕМЫЕ
ГЕОГРАФИИ И
ПОСТСОВЕТСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ**

СПб.: Academic Studies Press /
БиблиоРоссика, 2020. 312 с.

Перевод А. Разина

ISBN 978-1-6446932-0-9
(Academic Studies Press)

ISBN 978-5-6043579-9-6
(БиблиоРоссика)

Выход: август 2020
Переплет, формат 60×90 1/16

После распада Советского Союза в 1991 году русский народ переживал глубокий кризис идентичности. Советская идеология основывалась на вере в исторический прогресс, а постсоветское воображение между тем оказалось во власти территориальности. Географические метафоры (оппозиция севера и юга, а также центра, периферии и границ) стали знаками изменившегося самосознания и свидетельствами новой полемики о русской идентичности.

Эдит Клюс — профессор Университета Вирджинии, специалист по русскому языку, литературе и культуре. Ее исследовательские интересы сосредоточены на пересечениях между литературой, философией и религией, а также на формах утопического мышления. Автор ряда книг о русской литературе и культуре, в том числе книги «Ницше в России» (рус. пер. 1999).

Елена и Боженна Гоццило

**ВЫЦВЕТЕНИЕ КРАСНОГО:
БЫВШИЙ ВРАГ ВРЕМЕН
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
В РУССКОМ И
АМЕРИКАНСКОМ КИНО
1990–2005 ГОДОВ**

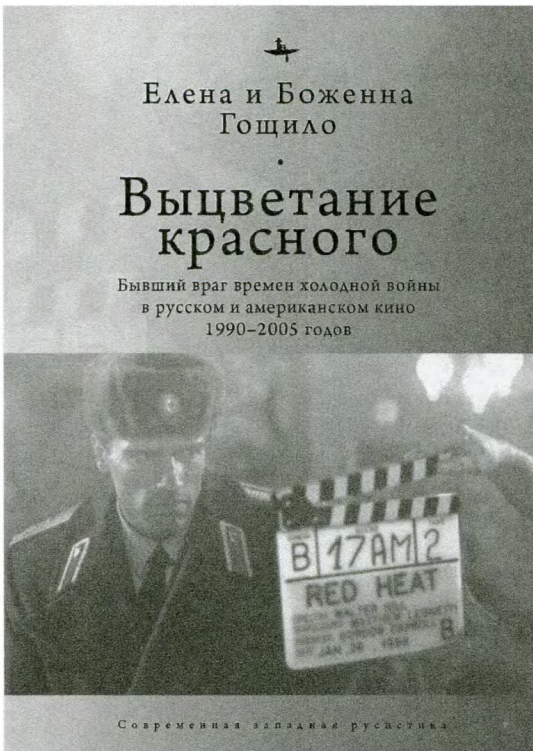
СПб.: Academic Studies Press /
БиблиоРоссика, 2020. 450 с.

Перевод А. Андреева

ISBN 978-1-6446944-8-0
(Academic Studies Press)

ISBN 978-5-6044208-8-1
(БиблиоРоссика)

Выход: сентябрь 2020
Переплет, формат 60×90 1/16



Книга предлагает политическое прочтение русских и американских фильмов эпохи Ельцина. Она исследует, как после периода первоначальной эйфории репрезентация «партнера» и в российском кинематографе, и в Голливуде по-прежнему строилась на старых стратегиях претензий на национальное превосходство. В центре внимания оказывается тесная взаимосвязь между политикой и кинематографом, о чем наглядно свидетельствуют изображение в фильмах, вышедших на экраны с 1990 по 2005 год, бывшего врага времен холодной войны. В то время как гласность и распад Советского Союза открыли период официального сотрудничества, которое вскоре переросло в декларации о партнерстве, отношения постепенно ухудшались, что привело к новым обвинениям в раздувании холодной войны. Авторы используют инновационный транснациональный подход, анализируя методы, с помощью которых российские и американские фильмы изображают бывшего врага.

Елена Гоццило — профессор отделения славянских и восточно-европейских языков и культуры Университета штата Огайо. Специалист по русской культуре XX и XIX веков, русскому фольклору, визуальной культуре.

Научное издание



Льюис Г. Сигельбаум
НЕ РАССТАНУСЬ С КОММУНИЗМОМ
Мемуары американского историка России

Директор издательства *И. В. Немировский*

Ответственный редактор *И. Знаешева*

Дизайн *И. Граве*

Редактор *Ю. Минутина-Лобанова*

Корректоры *А. Нотик, Р. Рудницкий*

Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 03.07.2020.

Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,0.

Тираж 500 экз. Заказ 3884.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «БиблиоРоссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

Эксклюзивные дистрибьюторы:

ООО «Караван»

ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»

<http://www.club366.ru>

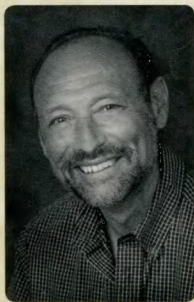
Тел./факс: 8(495)9264544

email: club366@club366.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59



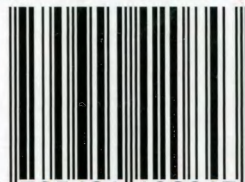
Льюс Г. Сигельбаум — профессор-эмеритус Мичиганского университета, преподает русскую и европейскую историю с 1983 года. Специалист по истории трудовых отношений, истории потребления, материальной культуре в Советском Союзе. Автор десятков научных статей и нескольких книг, соавтор авторитетного интернет-портала «Семнадцать мгновений советской истории».

На страницах мемуаров специалиста по русской истории Л. Г. Сигельбаума рассказ о себе и своей академической карьере захватывающим образом переплетается с рассказом о крупнейших событиях XX века. Перед читателем предстанут и описания трудностей и сомнений, присущих любому молодому ученому, и студенческие волнения периода войны во Вьетнаме, и борьба с идеологией и ее последствия для частной жизни отдельного человека, и холодная война и разрядка, и распад Советского Союза. «История содержала истину, — пишет автор. — Эта истина говорила о простых, но героических трудящихся, борющихся за свое освобождение от рабства и господства капитала, о ФБР, преследующем Поля Робсона, Юлиуса и Этель Розенбергов, о мученичестве Розы Люксембург и других коммунистов, о преступлениях империализма, особенно американского. Выявление скрытых истин истории стало моей миссией». Адресована широкому кругу читателей.

www.academicstudiespress.com

Contemporary
Western
Rusistika

ISBN 978-5-6044208-4-3



9 785604 420843